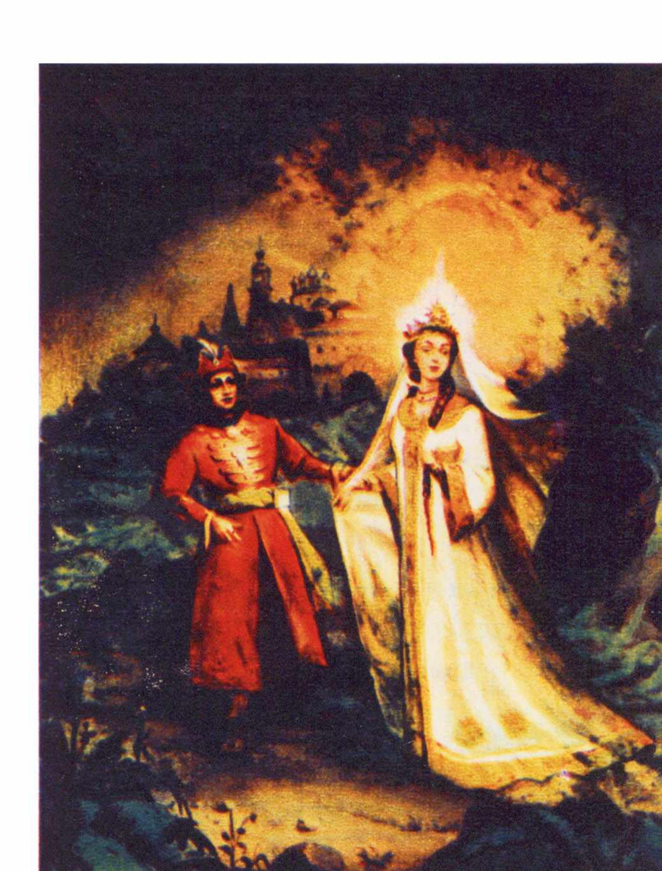

ОГОНЁК
№ 13 МАРТ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В детском саду «Компрессора».

У заводской проходной.

Ветеран завода разметчик Алексей Иванович Крысанов.

Фото М. САВИНА.

Московскому заводу «Компрессор» — сто лет.

Редакция обратилась к юбилярам с просьбой: рассказать о своем заводе, о памятных событиях, о товарищах, о себе.

СМОТРИ СТР. 10—11

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 13 (2178)

Основан 1 апреля 1923 года

29 МАРТА 1969

Михаил Федорович Лупеков не первый год плавает в составе экипажа плавучей рыбной базы «Суздаль». Фото А. Коханова.

М. КУЗНЕЦОВ,
председатель исполкома Приморского краевого Совета депутатов трудящихся, депутат Верховного Совета СССР.

СПОКОЙСТВИЕ И УВЕРЕННОСТЬ

В Приморье пришла весна. Вечерами с океана еще тянет знобким холодком, и где-то там, далеко в море, пробиваются сквозь льды корабли. Зато днем неистово греет солнце, а высокое небо такой бездонной синевы, что жаворонки теряются в нем бесследно, лишь оставляя после себя серебряную песню. В городах эту песню не услышишь. В городах весна слишком шумлива, деловита. В портах днем и ночью громыхают краны. Ни на минуту не останавливают свой бег заводы и фабрики, шахтеры Приморья выдают на-гора́ свинец, цинк, уголь, олово, медь, алюминий, вольфрам, графит, молибден...

Чего только нет в недрах нашего края! На всем Дальнем Востоке на долю Приморского края приходится треть посевных площадей, 30 процентов промышленной продукции, 80 процентов морского грузооборота.

Весна принесла с собой не только весенние настроения, но и весенние заботы. На днях я вернулся из поездки в Черниговский район. Это, можно сказать, земледельческий центр края, район с высокоразвитым сельским хозяйством и животноводством, крепкими, благоустроенными колхозами, садами на усадьбах крестьян, с достатком в удобных домах. Шли мы по центральным улицам села Дмитриевки с директором Дмитриевского совхоза Иваном Ивановичем Соляником, говорили о посевной, о видах на урожай и надоях молока, о заработках — словом, обо всем том, чем весной полнится душа крестьянина. А Соляник мне вдруг и говорит:

— И все-таки недоволен я.

— Чем же ты недоволен, Иван Иванович?

— Еще лучше можно жить, еще больше от земли взять можно. Не все резервы в дело пошли. Лучше можно работать. Иначе нам нельзя. Скоро столетие со дня рождения Ленина. Народ старается встретить праздник так, чтобы широко шагнуть вперед.

Так мне говорил Иван Соляник, директор совхоза, далеко не последнего в районе. Этим хорошим беспокойством живут все труженики края. Все стремятся работать сегодня лучше, чем вчера, сделать сегодня больше, чем вчера. Уж на что великолепно выглядит сегодня село Покровка, Октябрьского района,— тут красивая центральная площадь, разбит сквер на месте пустыря, асфальтированы улицы и тротуары, силами общественности построен новый стадион, проложили водопровод, канализацию. А все им мало. Всё говорят: это только начало.

Дворцу культуры в том же совхозе Дмитриевском позавидует и житель столицы — честное слово, товарищи москвичи, не ради красного словца говорю! А коллектив совхоза считает, что еще не очень-то активно идет у них строительство.

К 100-летию со дня рождения Ленина в крае будет проведен смотр-конкурс на лучшую застройку и благоустройство всех сел края. Трудно сказать, кто окажется победителем,— претендентов на первые места много. Быстро меняется облик сел Приморья.

На ленинскую вахту заступили наши мелиораторы. Они неуклонно идут к своей главной цели, поставленной октябрьским Пленумом ЦК КПСС,— удовлетворить потребность страны в рисе за счет собственного производства. До недавнего времени в крае было лишь три рисосовхоза. В прошлом году рисосеянием занимались уже шесть хозяйств, причем самый высокий урожай был в новых совхозах. На ближайшие годы предусмотрено строительство 12 комплексов рисовых совхозов, а к 1980 году будут полностью освоены Ханкайская и Суйфуно-Сунгачская долины, где раскинутся 28 рисосовхозов. Уже в нынешнем году мелиоративные работы Главдальводстроя позволят ввести в эксплуатацию 5 тысяч гектаров ирригационных площадей, а под посевы риса к началу сева — 1 700 гектаров вместо планировавшихся 1 200. Это позволит довести площадь рисовых плантаций до 14 тысяч гектаров. В 1971 году мы должны будем собрать около миллиона центнеров риса.

Это трудные задачи. И не только потому, что велик объем работ, велики темпы, но и потому, что лишь на стройках Главдальводстроя не хватает около трех тысяч человек.

Нехватка рабочей силы — одна из актуальных для нашего края проблем. Земли, леса, реки Приморья очень богаты, но подчас эти богатства некому взять в руки. Ежегодно к нам приезжают тысячи переселенцев со всех концов страны. Им хорошо известно наше радушие и гостеприимство. Только в этом году будет построено для них 2 200 домов-квартир, а к 1970 году — еще 1 700. У нас в крае выросли целые переселенческие улицы и села. В Кировском районе центральные усадьбы Руновского и Курского совхозов — сплошь переселенческие. Хочу воспользоваться своим выступлением на страницах «Огонька», чтобы сказать: «Приезжайте к нам, дорогие товарищи, ждем вас, работы хватит для всех и на любой вкус». Край располагает огромными возможностями для роста всех отраслей хозяйства. Будут развиваться у нас и машиностроение, и горнохимическая промышленность, и металлообрабатывающая, и рыбная, и пищевая, и легкая, и строительных материалов. Дел много!

За последние два года в крае построено и введено в эксплуатацию 16 промышленных

предприятий, а общий объем промышленной продукции возрос на 13 процентов. Добыча угля за счет ввода новых мощностей на угольных разрезах, а также на шахтах Артема и Сучана достигнет к 1970 году 8,6 миллиона тонн. Пароходство обогатилось первоклассными пассажирскими судами, и это позволяет значительно улучшить перевозки пассажиров на Сахалин, Камчатку, Чукотку, Курильские острова. Расширились перевозки грузов в иностранные порты, особенно в страны Азии и бассейны Тихого океана. Наш край с этого года становится самым крупным в стране поставщиком клеточной пушнины и пантов пятнистых оленей.

Считается, что поэты — это те, кто пишет стихи. А у нас в Приморье, в Пожарском районе, есть место, где живут только поэты. Они встают рано утром, берут в руки свои инструменты и творят прекрасную поэму из кирпича и бетона — строят новый город Лучегорск. С юга и с севера, с востока и с запада съехались эти поэты. И поднялись под их руками белые дома-корабли среди волн сопок. Геологи открыли тут богатое месторождение бурого угля, который будут добывать открытым способом. Вырастут здесь мощная тепловая электростанция и город со 100-тысячным населением. Это будет скоро — в 1970 году уже начнется добыча угля.

Лучегорска еще нет на картах, а три года назад там вообще было пустое место. Приятно, что город строит молодежь. Мне, комсомольцу тридцатых годов, радостно видеть, что наши традиции не умирают, их продолжает молодежь шестидесятых годов. Бережно хранит она память о комиссаре Иване Пожарском, имя которого носит район, о комиссаре Пожарском, который погиб на озере Хасан в 1938 году, защищая интересы своей Родины и соседнего китайского народа от японских милитаристов. Мы никогда не забываем тех, кто защищал дальневосточные рубежи Отчизны и в двадцатые, и в тридцатые, и в сороковые годы, мы помним героев штурмовых ночей Спасска и волочаевские дни...

В Приморье наступает весна, а с ней приходят обычные весенние трудовые заботы. И не наша вина, что к этим мирным заботам прибавилась еще одна: маоисты спровоцировали кровавый конфликт на границе, посягнули на нашу землю. Они пытаются ввести в заблуждение общественное мнение, хотят отвлечь внимание китайского народа от собственных провалов в экономике и сельском хозяйстве. Тщетные попытки!

Наш край пограничный, но мы спокойно и уверенно продолжаем трудиться, крепить оборонную мощь Советского Союза. Спокойствие и уверенность — это от сознания нашей силы, нашей правоты. Мы спокойны, но любой из нас в любую минуту готов встать на защиту своей Отчизны, готов напомнить маоистским провокаторам, что границы СССР священны и неприкосновенны.

— Я три года служил в пограничных войсках,— сказал на одном из митингов радист парохода «Александр Можайский» Г. Лагунов,— был свидетелем многих провокаций китайских властей на нашей границе. Поддерживаю решительные меры Советского правительства, направленные на обеспечение безопасности советских границ, и требование сурово наказать провокаторов. Я готов вновь встать на охрану государственной границы СССР и, если потребуется, с оружием в руках защищать мирный труд советских людей.

Таков голос советского патриота, таковы слова, к которым присоединяются все дальневосточники...

«Пусть знают Мао Цзэ-дун и его клика, что никакими провокациями не запугать советский народ».

Это надпись на бюллетене, опущенном в урну избирательного участка пограничного города Имана. Их много было, подобных надписей. Здесь, на Дальнем Востоке, как и на всей советской земле, люди единодушно демонстрировали единство народа и партии. В Иманском районе не смогли проголосовать только два человека: эти двое — тяжелораненые пограничники...

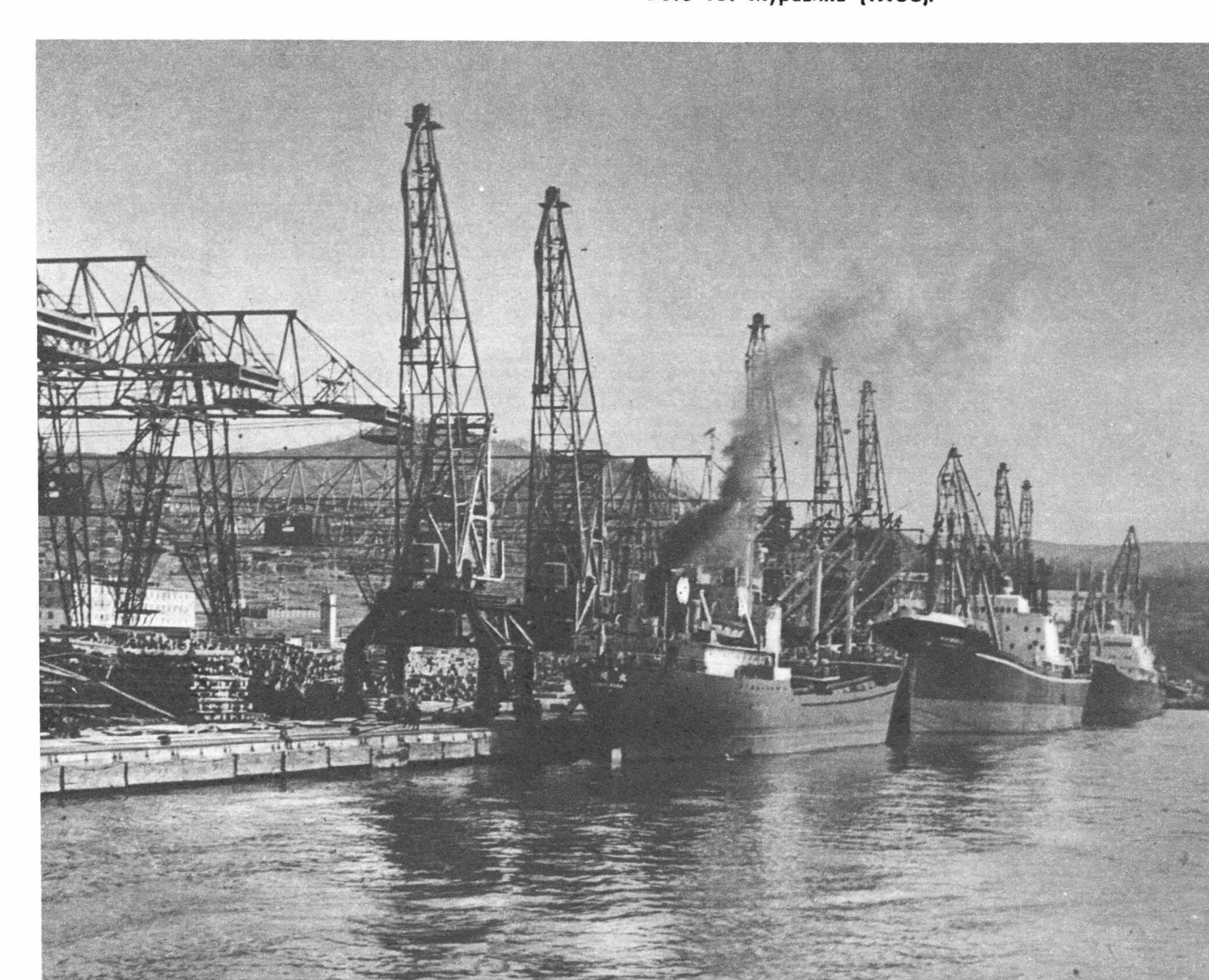
Нашего спокойствия, нашей уверенности в своей силе и правоте не поколебать. В Приморье пришла весна, и ничто не сможет остановить ее шествие...

Город Арсеньев, завод «Прогресс». Здесь выпускают самолеты «Пчелка».

Фото Н. Козловского.

Новый район международного торгового порта Находка.

Фото Ю. Муравина (ТАСС).

Генеральный секретарь Коммунистической партии Финляндии товарищ Вилле Песси.

НЕТ ВЫШЕ ЧЕСТИ

Почти в самом конце длинного светлого коридора в доме на улице Стуренкату в Хельсинки, где размещается Центральный Комитет Коммунистической партии Финляндии, есть небольшая комната. Два кресла около маленького столика, вдоль стены книжные полки, уставленные томами Маркса, Энгельса, Ленина, книгами и брошюрами, рассказывающими о финской компартии и рабочем движении в Финляндии. Большой письменный стол с двумя телефонами. Таков рабочий кабинет Генерального секретаря КПФ товарища Вилле Песси. Этого человека знает без преувеличения вся страна. Он широко известен и за ее пределами как верный, неутомимый борец за дело рабочего класса, как стойкий, последовательный марксист-ленинец, отдающий все силы интересам трудового народа.

Товарищ Песси вносит большой вклад в творческую разработку марксистско-ленинской теории, ее применение в условиях Финляндии. Он часто выступает в финской и международной коммунистической печати. Его перу принадлежат десятки статей и книг, посвященных коренным вопросам рабочего движения Финляндии.

24 марта Песси исполнилось 67 лет. Стройная, подтянутая фигура, чуть суховатое, энергичное лицо, которое оживает, как только на нем появляется улыбка. Трудно представить, что он прошел долгую и суровую школу жизни.

Вилле Песси родился в рабочей семье. Четырнадцатилетним подростком начал трудовую жизнь. Активное участие в деятельности организаций социалистической молодежи и других рабочих объединениях привело его в 1924 году в ряды Коммунистической партии Финляндии. Вскоре молодой рабочий становится секретарем первичной партийной организации железнодорожных мастерских в Пасила. Он возглавляет окружные комитеты партии в городах Васа и Турку. В 1931 году Вилле Песси избирают членом Центрального Комитета КПФ. В Центральном Комитете он работает под руководством пламенного революционера и борца за свободу финского народа Тойво Антикайнена. Работа с Антикайненом, так же как и учеба в Советском Союзе, куда Песси был командирован с группой финских коммунистов, дали молодому руководителю идейную закалку, большие теоретические знания и организаторские навыки, которые он впоследствии успешно использовал в практической деятельности.

Вилле Песси близко сходится с выдающимся деятелем коммунистического и рабочего движения О. В. Куусиненом. Тесная дружба между двумя революционерами— сыновьями финского народа оборвалась лишь со смертью Отто Вильгельмовича.

Тридцатые годы в Финляндии— это разгул фашистского террора. После ареста Тойво Антикайнена в начале 1935 года был схвачен финской охранкой и Вилле Песси. Приговор суда гласил: семь лет каторги за революционную деятельность.

В тюрьме Песси продолжал изучать марксистско-ленинскую теорию, философию, литературу и иностранные языки — русский и шведский, вел кружки среди политзаключенных.

Финская реакция ненавидела и боялась революционера. Однажды, когда он работал с группой заключенных неподалеку от тюрьмы, раздался выстрел охранника. Вилле чудом остался жив: пуля застряла в толстой ватной подкладке шапки.

Истек срок заключения, но Песси не выпустили на свободу: в то время Финляндия, втянутая ее реакционным правительством в союз с гитлеровской Германией, уже участвовала в разбойничьей войне против Советского Союза. До осени 1944 года, то есть до момента заключения перемирия и выхода Финляндии из войны, финские власти продержали Вилле Песси в концлагере.

После освобождения Песси со своими товарищами-коммунистами начинает большую работу по возобновлению легальной деятельности компартии, восстановлению ее местных организаций, объединению демократических сил страны в борьбе за искоренение фашизма и установление мира.

В начале октября 1944 года состоялась первая послевоенная легальная конференция КПФ, на которой Вилле Песси был избран Генеральным секретарем партии— пост, на котором он бессменно работает в течение двадцати пяти лет.

Первого ноября 1944 года, после того как партию, несмотря на отчаянное сопротивление реакции, официально зарегистрировали власти, в Хельсинки был организован массовый митинг, вошедший в историю КПФ как ее первый после войны выход на открытую политическую арену. На митинге с большим докладом выступил Вилле Песси. Он изложил основные положения программы, выработанной КПФ, рассказал об итогах первой послевоенной конференции партии.

В то время у партии не было ни помещения, ни средств, ни своих печатных органов. Чтобы заработать на жизнь, Вилле Песси, выполняя нелегкие обязанности Генерального секретаря КПФ, одновременно трудился на стройке.

— У меня был хороший мастер,— смеясь, вспоминает товарищ Песси.— Он симпатизировал коммунистам, поэтому платил мне даже за те дни, когда я отсутствовал на стройке из-за партийных дел.

Вся послевоенная деятельность КПФ, ставшая ныне крупной массовой организацией трудящихся Финляндии, неразрывно связана с именем Песси.

Усилия Генерального секретаря КПФ, депутата парламента Вилле Песси были всегда направлены на то, чтобы укрепить единство рядов партии, объединить всех трудящихся — как коммунистов, народных демократов, так и социал-демократов — в борьбе за их общие интересы. Это по его инициативе в 1954 году была принята X съездом КПФ резолюция «Трудящиеся, к единству действий», которая на долгие годы легла в основу деятельности партии. И в 1966 году, когда в парламенте в результате выборов появилось рабочее большинство, Вилле Песси был инициатором участия КПФ в правительстве на основе сотрудни-

---

Фельетон

ПИСАТЕЛИ-ПОДСТРЕКАТЕЛИ

Тель-Авив, 7 июня (агентство Рейтер). Израильские военно-воздушные силы уничтожены в первые часы войны с арабами и больше не в состоянии защитить страну от нападения.

Около семисот арабских самолетов сумели проникнуть через систему израильских радаров и уничтожили израильские военно-воздушные силы прямо на аэродромах. Арабские наземные силы, в авангарде которых шли танки, завершили начатый с воздуха разгром своего исторического врага. На израильский сектор Иерусалима обрушено более одной тысячи тонн бомб и снарядов; его многовековые религиозные святыни варварски превращены в руины.

Тель-Авив представляет груду развалин. Египет, Иордания, Сирия, Ирак и Ливан поделили между собой завоеванную территорию. Государство Израиль прекратило свое существование...

Скажем сразу, чтобы не интриговать дальше читателя, что агентство Рейтер ни 7 июня, ни в какой другой день изложенной выше информации не передавало. Однако и не мы вдруг сочинили ее.

Это сделали сразу трое сотрудников редакции американского журнала «Ньюсуик»: Ричард Чеснофф, Эдвард Клейн и Роберт Литтел. Сочиненная ими телеграмма от имени агентства Рейтер считается ими самими одной из лучших страниц их совместной и только что вышедшей книги «Если бы Израиль проиграл войну».

Еще никто не успел откликнуться на этот новый труд, как «Ньюсуик» без ложной скромности сам выдал хвалебную рецензию на книгу своих же сотрудников. В ней, в частности, говорится, что «симпатии авторов целиком и полностью на стороне Израиля». Как же так?! Описали разгром тех, кому симпатизируют!

Это хитрый провокаторский ход. Основная задача книги, что, кстати, подчеркивается и в рецензии «Ньюсуика»,— это «определить, как друзья Израиля во всем мире будут вести себя в случае реальной угрозы его существованию».

Главным таким другом в книге рассматриваются Соединенные Штаты. Троица авторов, характеризуя США таким образом, тем не менее выражает опасение, что Америка в критический момент не окажет прямой военной помощи Израилю, не желая идти на конфликт с Советским Союзом. Высказав такое предположение, авторы начинают убеждать Соединенные Штаты в жизненной для них необходимости еще более активно вмешаться в дела на Ближнем Востоке на стороне Израиля. Причем вмешаться не в будущем, не в той обрисованной ими катастрофической ситуации, а немедленно, сегодня же.

В книге есть целый набор ужасов, призванных воздействовать на США: и пресловутая угроза со стороны Москвы, и угроза ядерной войны (в том случае, если США не послушаются авторов книги), и угроза западной цивилизации в целом и т. п.

Из общего хора подстрекателей войны на Ближнем Востоке эту троицу выделяет, пожалуй, лишь новизна их литературного приема — описание воображаемого военного поражения Израиля. Любопытно, что книга эта вышла в издательстве «Кауэд-Маккэн». «Кауэд» означает в переводе на русский язык — трус. Что ж! Возможно, авторами, помимо прочих соображений, невольно руководила и мысль, выраженная в известной пословице: «У страха глаза велики».

В. НИКОЛАЕВ

чества всех левых сил и партий центра. Поэтому немалая заслуга товарища Песси в том, что за последние годы в Финляндии значительно укрепилось единство действий трудящихся.

Товарищ Песси — неутомимый борец за укрепление дружбы и сотрудничества между Финляндией и Советским Союзом, за расширение братских связей между КПФ и КПСС. И в то, что добрососедские отношения между нашими странами, как и дружеские связи между нашими партиями, неуклонно крепнут и развиваются, вложено немало сил лично Генеральным секретарем.

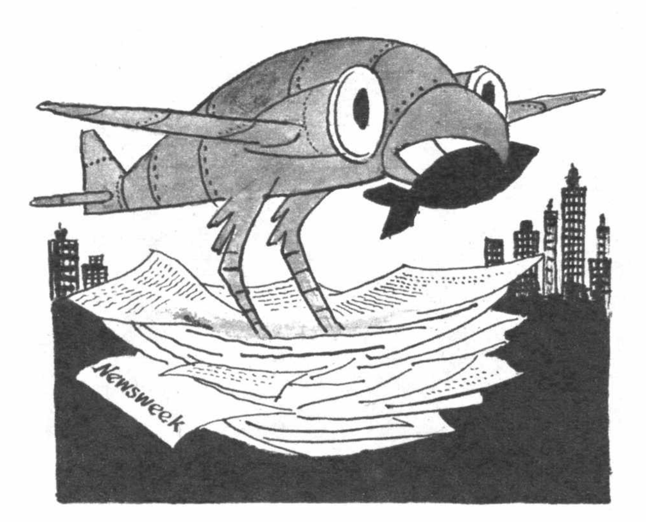
«Дружба между Финляндией и Советским Союзом является в настоящее время фактом,— писал товарищ Вилле Песси.— Она прочный гранитный фундамент, которую реакция не в силах подорвать. Политика дружбы между Финляндией и Советским Союзом, за осуществление которой КПФ боролась на всех этапах своего существования, служит сейчас интересам борьбы за укрепление мира во всей Европе».

Последовательная борьба за укрепление влияния Коммунистической партии Финляндии в массах, за единство международного коммунистического и рабочего движения принесли Вилле Песси большой авторитет среди коммунистов не только Финляндии, но и других стран. Товарищ Песси пользуется глубоким уважением советских коммунистов.

Его настойчивая борьба за чистоту и монолитность рядов КПФ, борьба как против ревизионизма и реформизма, так и против сектантов и догматиков вызывает, особенно в последнее время, яростные нападки не только со стороны классовых противников, но и со стороны ревизионистских элементов в рабочем движении. Но Вилле Песси твердо верит в правое и справедливое дело, которому он служит. «Мы гордимся нашей партией,— говорил он на одном из ее съездов.— Мы любим ее больше всего. Нет выше чести, чем входить в ряды коммунистической партии. Нет большей чести, чем отдавать все свои силы, весь свой труд на осуществление тех величественных задач, которые поставила перед собой партия».

Ю. ЯХОНТОВ

Хельсинки, по телефону.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

КРОВАВЫЙ АНТИСОВЕТИЗМ

Спартак **БЕГЛОВ**

В эти дни, когда по всему миру продолжает разноситься эхо провокационных залпов с китайского берега реки Уссури и Пекин бьется в судорогах антисоветского припадка, выявляется полная мера саморазоблачения маоистской клики.

«Превратить ненависть в силу!» — кликушествует «Женьминь жибао». Это не ненависть к империализму, расизму, неоколониализму и реваншизму, это призыв ненавидеть Советский Союз, советских людей, все, что стало живым воплощением ленинских идей на одной шестой части земного шара. Сколь велики масштабы провалов во внутренней и внешней политике, каким безысходным неверием в живое творчество масс и дружбу народов должна быть разъедена маоистская клика, если ей не осталось ничего иного, как попытаться закружить всю страну в вихре антисоветского безумия!

Великий гений научного коммунизма В. И. Ленин не случайно предупреждал против воинственной прыти тех «горе-революционеров», которые, исчерпав свою «революционность», готовы в угоду честолюбивым устремлениям хвататься за такие средства, как национализм, шовинизм, проповедь расовой исключительности. «Марксизм непримирим с национализмом»,— подчеркивал он, неустанно говоря о необходимости теснейшей интернациональной общности пролетариев «в интересах успешной борьбы со всяческим национализмом всех наций». «Отстоять единство классовой борьбы пролетариата за социализм, дать отпор всем буржуазным и черносотенным влияниям национализма — вот в чем задача»,— подчеркивал В. И. Ленин. Всякое соединение социализма с шовинизмом было для великого вождя трудящихся немыслимым и противоестественным явлением. Предательство — другого слова Ленин не находил для шовинизма, прикрываемого «архиреволюционной фразой».

Раскольнической группе Мао Цзэ-дуна, видимо, мало всех прежних преступлений против единства коммунистов. Теперь она делает откровенную ставку на то, чтобы помешать новым международным усилиям коммунистов укрепить общий фронт борьбы против империализма. Бандитские налеты на советскую территорию, совершенные в течение первой половины марта с китайской стороны, дали прогрессивной общественности весомый материал для обобщений и выводов.

«Опасная подрывная провокационная политика Мао Цзэ-дуна,— подчеркивает ливанская коммунистическая газета «Ан-Нида»,— направлена не только против Советского Союза, но также и против всех антиимпериалистических сил, борющихся за свободу, прогресс и социализм».

Совпадение первого мартовского пограничного инцидента на реке Уссури с проведением боннскими реваншистами провокации в Западном Берлине обнажило общую линию поведения тех, кто как на Западе, так и на Востоке делает ставку на антисоветизм. Пекин дает откровенно понять, что империализм может рассчитывать на него как на своего союзника.

Ясно, почему пекинская «эскалация антисоветизма» особенно на руку империалистическим кругам в данный момент. Ведь она отвлекает и от маневров агрессоров на переговорах в Париже перед лицом требований вьетнамского народа избавить его страну от непрошеных иностранных опекунов, и от угрожающего роста активности милитаристов в НАТО, и от актуальных задач борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии на Ближнем Востоке. Американские «ястребы» наверняка потирают руки от предвкушения того, что под шумок антисоветской истерии Пекину будет еще легче возводить препятствия на пути оказания помощи героическому вьетнамскому народу со стороны Советского Союза и других социалистических стран.

Известно изречение Мао Цзэ-дуна о том, что китайский народ — это чистый лист бумаги, на котором можно написать и нарисовать все, что угодно. Видимо, в Пекине и впрямь решили, что самое лучшее, что можно сделать с «чистым листом»,— это испещрить, испоганить его антисоветской грязью. Здравый смысл не может мириться с таким надругательством над совестью целого народа.

Венгерская газета «Непсабадшаг» отмечает, что советский народ «ведет себя сдержанно, несмотря на охватившее его возмущение. Эта сдержанность показывает, что здесь (в СССР.— **С. Б.**) делают четкое различие между ослепшими руководителями и китайским народом, который используется этими руководителями в качестве инструмента, который стал их жертвой».

Что верно, то верно.

Как бы сильно ни были задеты чувства советских людей авантюристическими наскоками маоистов, они знают, что эти действия не имеют ничего общего с подлинными интересами китайского народа. Твердо и уверенно, с чувством сознания своей правоты советские люди заявляют провокаторам: руки прочь от священных рубежей социалистической Родины! У пекинских правителей не должно быть никаких сомнений насчет готовности и способности великого Союза Советских Республик, всех его народов дать сокрушительный отпор любым посягательствам на советскую территорию, на жизнь и мирный труд советских людей.

ОТКРЫТИЕ СОВЕЩАНИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

ДОБРАЯ ТРАДИЦИЯ

Константин Александрович Федин среди молодых писателей.

В зале совещания молодых писателей.

Фото А. Устинова.

В жизни советской литературы произошло большое событие: 25 марта открылось V Всесоюзное совещание молодых писателей, созванное ЦК комсомола и Союзом писателей СССР.

В передовой «Правды» от 25 марта «Служение народу» написано: «Большие надежды возлагает наш народ на новые творческие силы, идущие в советскую литературу и искусство. В лучших работах молодых талантов находят достойное продолжение богатые традиции искусства социалистического реализма. Очень важно постоянно помогать молодым дарованиям в их идейно-художественном росте, в укреплении их связи с жизнью, воспитывать у них высокую требовательность к своему труду, убедительно показывать сильные и слабые стороны их произведений. Такими друзьями и советчиками могут и должны быть опытные мастера литературы»...

Совещания молодых писателей стали добрым обычаем. После IV совещания, состоявшегося в 1963 году, издательство «Молодая гвардия» выпустило 600 произведений, причем около 200 из них явилось писательским дебютом. Общий тираж — почти 60 миллионов экземпляров.

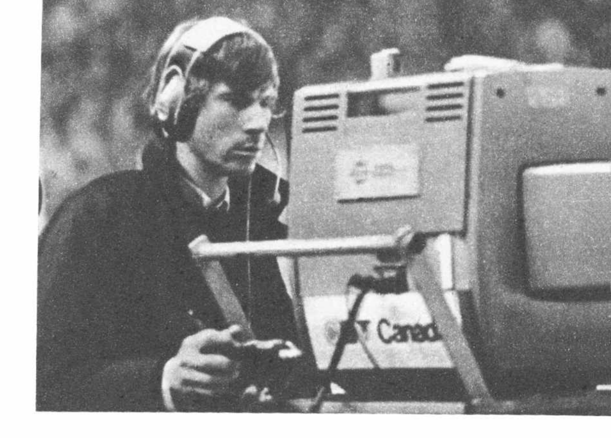
После каждого такого совещания в литературу вливаются свежие силы.

Совещание открыл писатель Вадим Кожевников. С теплым отеческим приветствием выступил Константин Федин, закончивший свою речь словами: в добрый путь!

Николай Тихонов, обращаясь к молодым участникам совещания, пожелал им учиться, не отставать от жизни, быть верными благородным традициям советской реалистической литературы, служить своему народу и Родине.

После выступления Николая Тихонова выступил секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Камшалов.

А. БОЧИНИН, В. ВИКТОРОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Перед самым началом стокгольмского чемпионата вышла книга «Хоккей грядущего», написанная одним из лучших знатоков хоккея, Анатолием Тарасовым, в содружестве с журналистом Олегом Спасским. Здесь, в Швеции, она, естественно, принималась нами как предисловие к чемпионату нынешнему и как мостик к пониманию игр ближайшего будущего. С присущей ему эрудицией, темпераментом и глубиной описывает Анатолий Тарасов хоккей завтрашнего дня и видит в этом дне нашу команду, побеждающую сильнейшие профессиональные команды мира.

К сожалению, в Стокгольме команды Канады и США оказались слабее, чем на прежних чемпионатах. И с каждым днем на льду «Юханнесхофа» все очевиднее была сила двух команд европейских: чехословацкой и шведской. Некогда большая пятерка превратилась в тройку, и после встреч первого круга стало ясно, что главные наши соперники — хоккеисты этих двух стран. Они сумели великолепно использовать наш опыт, добавить немалый свой и сейчас представляют поистине грозную силу.

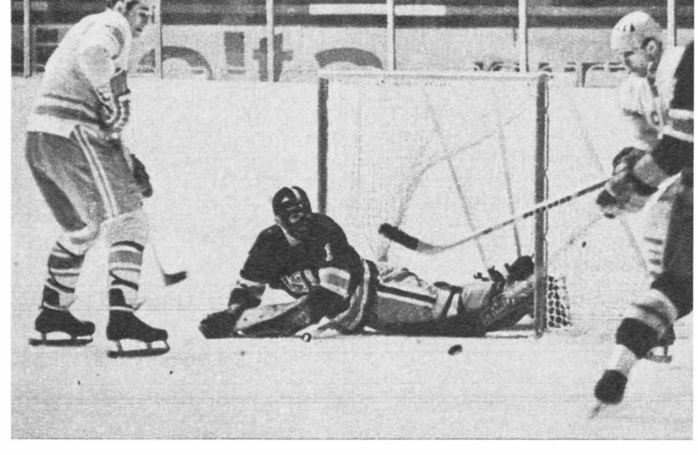
Итак, после первого круга ничего не было решено в споре этих трех команд. Все с нетерпением ждали повторения главных матчей. Да, повторение должно было последовать, но кто мог безошибочно произвести переучет сил, сохранившихся у спортсменов после первого круга? Сколько неожиданностей таили оставшиеся игры! Победительница чехословацкой сборной команда «Тре крунур» провела свою встречу с канадцами на среднем уровне, а проигравшие шведам чехословацкие хоккеисты в матче с нашей командой продемонстрировали одну из своих лучших игр, о чем и сказал на пресс-конференции старший тренер сборной команды СССР А. И. Чернышев. А затем чехословацкие хоккеисты в игре с канадцами едва ушли от ничьей, забив решающую третью шайбу на последних минутах. Ну, а что же канадцы? Воскресли для новой жизни? «Могут же наконец канадцы хоть раз сыграть, как канадцы»,— сказал один журналист. И они смогли. Но тем не менее уже в середине мирового первенства 1969 года стало ясно, что главные наши соперники — в Европе. Мы убеждены, что это повторится и на чемпионате мира 1970 года.

«ЮХАННЕС

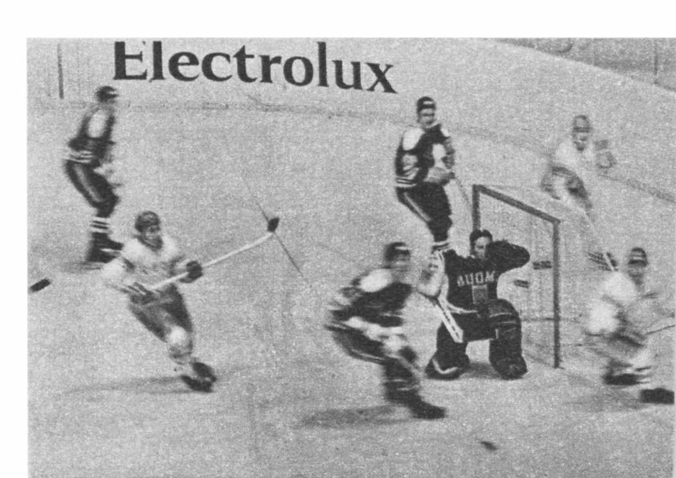
ХОФ». МАРТ 1969 ГОДА

ЛЕНИНСКИЙ «ЗЕУ»

Есть у осетин народный обычай: осиротевшим или больным, неспособным к труду сообща оказывать помощь. Чужие люди приносят им продукты, общими усилиями строят дом. Этот обычай называют «зеу».

Один такой «зеу» народ здесь назвал ленинским. Вот как это было.

...Шел III съезд комсомола. Владимир Ильич Ленин, обращаясь к делегатам, сказал, что задача молодежи состоит в том, чтобы учиться. После доклада Ленин, отвечая на многочисленные записки, вслух прочитал:

— Делегат из Северной Осетии пишет: «А у нас в Христиановском школа развалилась».— И, чуть-чуть улыбнувшись, ответил:

— Развалилась? Почините!..

Делегат из Северной Осетии девятнадцатилетний Борис Цебойти, написав, что школа развалилась, был неточен. Школу разрушили белогвардейцы. В 1919 году белогвардейцы окружили его родное село Киристон (по-русски «Христиановское»). Там находился штаб осетинской революционной партии «Кермен». Осетины во главе с керменистами отчаянно сопротивлялись.

Особенно яростно жители защищали здание школы, где размещался госпиталь бойцов 11-й Красной Армии. Белые каратели ворвались в нее и перестреляли всех раненых, а школу разрушили. Учиться стало негде. Средств на восстановление не было.

«Обязательно школу восстановим»,— решил Борис Цебойти, слушая Ленина. Однако вернуться в родное село ему удалось не сразу. Белые перерезали железнодорожное сообщение с Кавказом. Осетинская и украинская делегации внесли предложение: прервать работу съезда и мобилизовать комсомольцев на борьбу с Врангелем. И прямо со съезда комсомольцы двинулись на фронт.

Когда Борис Цебойти вернулся домой, комсомольцы устроили собрание. На нем присутствовали бородатые старцы и безусые юноши. Все с одинаковым вниманием слушали рассказ о комсомольском съезде, о Ленине, о Москве. Узнали они о записке к Ленину и об ответе вождя: «Развалилась? Почините!..»

Это был неслыханный по масштабам «зеу». В нем участвовали все до единого жители села. Каждый приносил что мог. Кто бревна, кто доски, кто гвозди. Комсомольцы ходили по дворам, собирали для школы столы, скамейки, стулья. Работали и в воскресенья дотемна. Это был ленинский «зеу».

Школу торжественно открыли через четыре месяца. С окрестных гор, следуя ленинскому призыву, съезжались в нее учиться дети бедняков — будущие строители коммунизма.

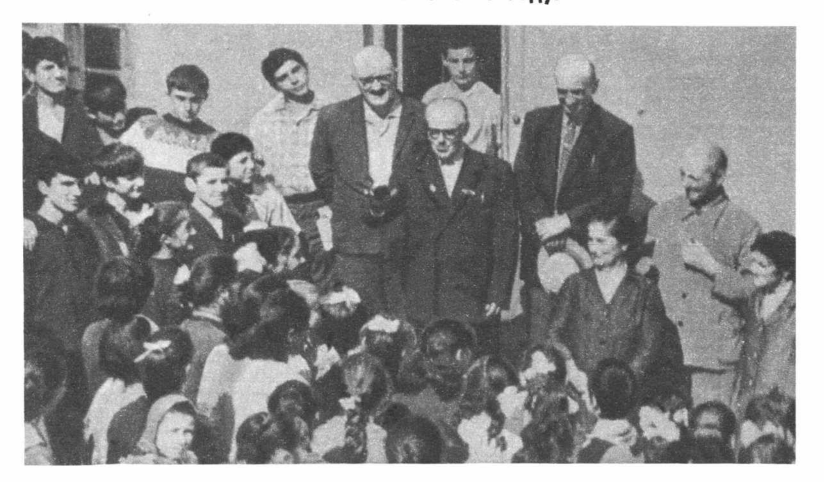
...Началась Великая Отечественная война. Немцы ворвались в Дигору — так стало называться село. Уходя, фашисты разрушили школу. Но мудрый обычай не умер. Население опять объявило «зеу». Это тоже был ленинский «зеу».

Старая школа и сейчас смотрит своими широкими окнами на сельскую улицу. Ее питомцы, поколения ленинцев, стали видными учеными, военачальниками, писателями, инженерами. Эти люди — гордость дигорцев. Они своей жизнью доказали, что свято выполнили указание Ильича делегатам III съезда комсомола в 1920 году.

А за оврагом, неподалеку от старой школы, строится новая, в нынешнем году она впервые распахнет свои двери перед юными дигорцами. Это будет новая школа со старыми традициями. Ибо обычай «зеу» в народе не исчезает.

Марат ЦЕБОЕВ

Участники ленинского «зеу» А. М. Базаев, Б. И. Толасов, Н. Д. Корнаев, Н. Х. Такоева и С. Д. Такоева рассказывают юным дигорцам о восстановлении школы в 1920 году.

Н. Томский. КОМПОЗИЦИЯ «ОКТЯБРЬ» (фрагмент).

Евг. ВУЧЕТИЧ

СЛОВО О ДРУГЕ И СОРАТНИКЕ

На Кузнецком мосту открылась выставка произведений народного художника СССР, лауреата Государственных премий СССР, президента Академии художеств СССР, выдающегося советского скульптора Николая Васильевича Томского.

С Томским меня связывает многолетняя работа в одной области искусства. Мы начинали свою работу в скульптуре в сложные тридцатые годы, в годы, когда наше искусство, преодолевая формалистические извращения, формалистические ошибки, выходило на широкую, но, однако, непроторенную дорогу социалистического реализма. Социалистический реализм расширял свои теоретические позиции, укреплялся как партийное искусство, как искусство народное.

Николай Томский много сделал для того, чтобы показать, чего может достичь искусство, рожденное пролетарской революцией.

Первой значительной работой скульптора-монументалиста был памятник Сергею Мироновичу Кирову, воздвигнутый в 1938 году в Ленинграде. Я помню, с каким увлечением работал художник над этим дорогим для всех нас образом «Мироныча», пламенного трибуна, большевика, революционера и преобразователя России. Это было настоящее творческое горение. На площадку, где сооружался памятник, приходили ленинградские рабочие, нежно, как это может делать только рабочий человек, опекали скульптора, помогали ему и делом и советом.

Много и плодотворно работал Николай Томский над образом Ленина в монументальной скульптуре. «Лениниана» — это особая и большая тема в его творчестве. И сейчас, в преддверии столетия со дня рождения Ленина, Николай Томский начинает самые свои значительные работы — памятники В. И. Ленину в Москве и в Берлине.

Мы можем увидеть его замысел в эскизах, представленных на выставке.

...Я не задавался целью в этой заметке сделать сколько-нибудь полный обзор творчества Николая Томского. Слишком оно многообразно, широко по теме и всегда артистично по своему исполнению.

Портреты наших современников из мрамора... Мастер умеет заставить дышать мрамор... Великолепен портрет Сергея Мироновича Кирова. В нем художник сумел запечатлеть живой характер своего героя. Нельзя не упомянуть и портрет Алексея Максимовича Горького. Здесь скульптор показал совершенное владение пластикой.

Тема Отечественной войны 1812 года уже давно разрабатывается художником. Он работает и над портретами героев Отечественной войны.

Памятник Кутузову предполагается соорудить на Бородинском поле. Он значителен не только по решенному в нем образу русского полководца, но и интересен барельефом, который размещен на памятнике.

Всегда художникам легче работается, когда есть рядом дружеская рука и верное сердце. Таким другом является для меня талантливый советский скульптор, чудесный человек, тонкий и доброжелательный художник Николай Томский.

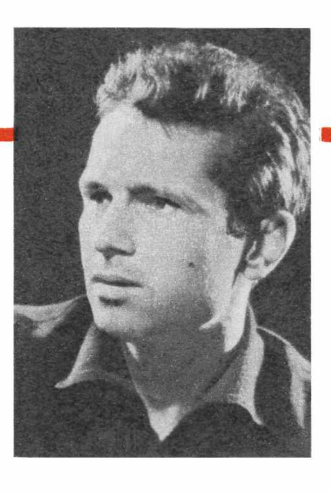
Поль Сезанн. 1839—1906. МУЖЧИНА С ТРУБКОЙ. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Поль Сезанн. ПЕРСИКИ И ГРУШИ.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

БЕРЕГА МАРНЫ.

Александр ГОВОРОВ

Радуги и вьюги

* * *

Я прошел все моря,
Моря пенные.
А и вера моя —
Неизменная!
С нею — жить,
Не тужить,
Не печалиться,
Свою землю любить,
Земле радоваться.

Злая свейская рать
Да французская...
Как хотелось забрать
Землю Русскую!
Всех века замели
С их пожитками,
Да и взяли земли
Лишь копытами.

Ах, Россия моя,
Вся улыбчивая,
Хлебосольная
И отзывчивая.
Я прошел все моря,
Моря пенные.
Ах ты, вера моя,
Неизменная!

* * *

Я зимние запомнил вечера:
Свеча струилась по избе неярко.
Пеньку жевала аппетитно прялка
До синего, студеного утра,
Дышала духовито коноплей
Да сплевывала белую кострику.
И матушка моя с иконным ликом
Перебирала ниточку рукой.

И, распуская тонкую кудель,
Она тихонько песню напевала.
И, подпевая матушке, метель
За окнами сугробы наметала.

Мне эта песня на́ душу легла,
Ее я слышу, лишь глаза прикрою;
Широкая, с уютною душою,
Она опять степенно потекла,
Негромкая, и потому слышна.
Года проходят, а она слышнее.
В те вечера перелетаю с нею
И тихо опускаюсь у окна.
Вдыхаю запах воска, конопли,
Ловлю кострику на лету рукою...
Не знал тогда, что маму нарекли
В те вечера студеные
Вдовою.

Я зимние запомнил вечера,
Они совсем не замутились
скорбью.

...До синего, студеного утра
Струилась песня вперемежку с
болью.

* * *

Разгуляйся, вьюга, вьюга,
Разгони мои печали.
Вы случайно не встречали
Проскакавшую подругу?

Перед самой вьюгой-вьюгой
Санки милую умчали.
Перед самой завирухой,
Перед самою печалью,
Перед тем, как стать старухой,—
Старость близко ли, далеко ль?

Пусть опять коснется слуха
Колокольчик одинокий.

* * *

Вот и вьюги отшумели,
Как древние прялки.
В небе лебеди запели,
Лишь умолкли галки.

Серебряно-
тайно-
томно,
Вслушайся —
И всхлипнешь.
Неземно-
светло-
огромно.

Слышишь ты ли?
Слышишь?

Я хотел бы вечно слушать
Нежное волненье.
Только сразу галки глушат,
Спохватившись,
Пенье.

КОСОЙ ДОЖДЬ

Радуга, радуга,
Ой, дид-ладо, чудо!
Радуйся,
радуйся!
Возрадуйтесь, люди!

Возрадуйтесь дождичку —
Лей,
разливайся.
Возрадуйся, зернышко,—
Пей,
напивайся.

Дождь косой распрыгался
Над просторной степью.
Зернышки, как в пригоршнях,
На высоком стебле.

Издалёка слышится
Песня землепашца.
Так легко мне дышится,
Что не надышаться.

И на ветки таволги,
Искрами сверкая,
Опустились иволги,
Хором выкликая:

— Радуга!
— Радуга!
— Ой, дид-ладо, чудо!..
Радуйся,
радуйся!
Возрадуйтесь, люди!..

* * *

А ночь тиха, не слышно шума.
А ночка темная в Москве.
И где-то рядом бродит дума
В своей немыслимой тоске.

К кому идет и с кем садится,
К кому на зореньке придет?
Ах, синеглазая синица!
Кого за рученьку возьмет?
Заставит песню ль спеть напевней?
Загладит злую ль грусть-печаль?
И мной покинутой деревни
И бел-деревьев
Ночью жаль.

И жаль себя, что не содеял
Всего, что мог, а не сумел,
Кому я в жизни столько верил,
Да ненароком проглядел.

А по ночам — светлее страны,
И мне—понятнее Москва...

А на заре я снова встану —
Кругом помятая трава.

А ЗАЧЕМ ТЫ СТАРОЙ СТАЛА?

— Ты зачем седою стала? —
Бабушку спросила.
— Я зимой не покрывалась,
Шали не носила...

— А зачем ты старой стала?
— Что ж, могу признаться:
Торопилась,
Все боялась
Маленькой остаться...

* * *

Мой добрый товарищ, пожалуйста,
Добро совершать не бойся.
Но только прошу — не жалуйся,
Пожалуйста, мне больше.

Не ожидай благодарности
За сделанное тобою,
За те нежданные радости,
Подаренные добротою.

Добро — не доблесть!
Не жалуйся,
Добро совершать не бойся...

Помог человеку —
И радуйся,
Награды не нужно большей.

Заводу „Компрессор"— 100 лет

СЛАВНЫЙ ВЕК

Сто лет для человека — это много. Сто лет для завода — еще больше. Ведь это сотни, тысячи людей, это поколения тружеников. Их судьбы, их биографии влились в историю завода.

А начинается эта история за год до рождения Владимира Ильича Ленина, когда Москва обрастала мастерскими, фабричками, заводиками. Так возникли котельно-механические и медницкие мастерские немца Дангауэра, мастерские, из которых в конце концов вырос нынешний «Компрессор». Летопись завода — словно история страны в миниатюре.

1905 год — рабочие во главе с большевиками участвуют в забастовках, сходках, демонстрациях под красными знаменами.

1917 год — на заводе организована партячейка. Ее секретарем был избран литейщик, большевик-подпольщик А. Махов. С этого времени начинается история заводской парторганизации, которая сейчас объединяет более пятисот коммунистов.

Бойцы рабочего отряда Красной гвардии были среди тех, кто громил контрреволюционеров и в центре и на окраине Москвы. В революционные дни завод дает вместо винокуренных аппаратов снаряды, гранаты, походные кухни. Партячейки посылали лучших коммунистов на фронты гражданской войны отстаивать завоевания Великого Октября.

Первым советским красным директором завода был большевик В. Ильин, участник московского вооруженного восстания.

Борьба с голодом и разрухой, ударный труд по выпуску отечественного холодильного машиностроения, перестройка завода в годы первых пятилеток, стахановское движение — все вехи истории завода тесно связаны с именами коммунистов. Они запевалы соцсоревнования, они в числе лучших.

Грянула Великая Отечественная война. Свыше четырехсот компрессорцев по призыву Родины в первые же дни войны ушли на фронт. «Компрессор» выпускает грозное оружие, прославленные «катюши». Они идут на передовые позиции прямо из цеховых ворот.

15 марта 1943 года Президиум Верховного Совета СССР за образцовое выполнение задания правительства по освоению и обеспечению фронта боевыми ракетными установками наградил завод орденом Трудового Красного Знамени. 160 компрессорцев были удостоены орденов и медалей, а СКБ — ордена Отечественной войны 1-й степени.

После окончания Великой Отечественной войны завод перешел на выпуск мирной продукции и должен был в кратчайшие сроки обеспечить народное хозяйство крупным холодильным оборудованием. Эта задача была успешно решена компрессоровцами. Большое количество машин изготовлено для самых различных областей науки, техники, производства, где применяется искусственный холод. С участием завода были сооружены крупные холодильные станции, необходимые для изучения и освоения атомной энергетики; для производства антибиотиков и новых видов медицинских препаратов; для исследований в области космической медицины; для строительства плотин гидроэлектростанций.

В 1954 году выпущена первая отечественная судовая холодильная установка для рефрижераторных судов. С тех пор более сотни морских и речных судов получили холодильное оборудование, созданное на «Компрессоре».

В июне 1965 года более 300 рабочих, инженерно-технических работников и служащих завода были награждены орденами и медалями.

Наша продукция идет в химическую и нефтеперерабатывающую промышленность, на пищевые предприятия. Без наших машин не обходятся метростроевцы: они используют компрессоры для замораживания грунта. Мы даем также установки промышленного и комфортного кондиционирования воздуха, холодильные машины для искусственных катков.

Всего не перечислишь. Можно назвать тысячи адресов, где работают наши машины. Более чем тридцать зарубежных стран покупают их.

Итак, нам — сто лет.

Вырос завод, а еще заметнее выросли люди. Мы гордимся нашими первоклассными мастерами, настоящей рабочей гвардией; гордимся замечательными инженерами и техниками. И, как прежде, во всех хороших начинаниях и делах заводского коллектива впереди — коммунисты, сыны великой партии Ленина.

В связи с приближающимся 100-летием со дня рождения Владимира Ильича многие компрессоровцы, целые бригады, смены, цехи взяли повышенные обязательства. Девиз передовиков — выполнить пятилетку к 22 апреля 1970 года.

Л. СУДАРКИН,
главный инженер завода

ШОССЕ ЭНТУЗИАСТОВ

Недавно рабочие и служащие нашего завода получили пригласительные билеты в Дом культуры. «Дорогой товарищ! Приглашаем Вас принять участие в вечере рабочих династий завода». Дальше шли фамилии: Нефедовы, Крысановы-Степановы, Никитины... Хороший был вечер, волнующий.

Вот Нефедовы. Их династия берет истоки еще в прошлом веке, когда начал работать медником дед. Его сын Иван тоже стал медником. С медника начинал и представитель третьего поколения Нефедовых — Василий Иванович. А в годы первой пятилетки, когда завод реконструировался, Василий Иванович переменил специальность — стал токарем и до сих пор работает на «Компрессоре». Его стаж — пятьдесят четыре года! У нас сейчас девять Нефедовых. Есть среди них рабочий, мастер, оператор машинно-счетной станции, инженер-технолог. Их общий трудовой стаж — триста лет.

У Крысановых-Степановых стаж тоже солидный — двести лет.

Разговорился я как-то с пареньком, только поступившим к нам. Зашла речь о старом житье-бытье. Мои дед и отец пришли к Дангауэру учениками. Их ученичество длилось ни много ни мало — ровно четыре года. «Это же можно институт теперь закончить!» — удивился мой собеседник. Да, ученичество было долгим и трудным. В каждую получку, а то и чаще тащи мастеру водки. Иначе, кроме подзатыльников, никакой науки.

После революции отец мой Иван Федорович вступил в красную милицию, охранял завод, перешедший в руки рабочих. Памятным был для всех приезд на завод в 1921 году Михаила Ивановича Калинина. На собрании, где выступал Калинин, председательствовал мой отец. В тот день Михаил Иванович сказал, что он уверен: завод из отсталого станет передовым предприятием, потому что трудящиеся, когда они сами становятся хозяевами, способны творить чудеса.

Так оно и произошло. «Компрессор» сегодня — крупное, передовое предприятие. Мы горды, что в этом деле есть частица и нашего труда. За сто лет на заводе работало двадцать два моих родственника. Я начинал здесь токарем, токарями были и братья. Сейчас нас, Никитиных, на «Компрессоре» десять человек. Двое недавно ушли в армию, отслужат срок — вернутся в цех. Такое может быть только тогда, когда завод, все его дела по-настоящему родные.

Изменился не только завод. Все кругом переменилось. Была когда-то здесь лачужная Дангауэровка. Теперь от слободы и следа не осталось, на ее месте город, многоэтажные дома. Тянулась когда-то мимо Дангауэровки печально знаменитая Владимирка, по которой гнали в кандалах на каторгу лучших сынов московского пролетариата. Теперь на месте Владимирки — широкий, знаменитый — но совсем по-иному! — проспект — шоссе Энтузиастов. На этом шоссе и завод наш стоит.

П. НИКИТИН,
начальник отдела кадров

ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

С «Компрессором» я связан с детства. Родился и рос рядом с заводом. В 1932 году пришел в цех токарем. С тех пор и работаю здесь. Товарищи в шутку называют меня начальником всех цехов. Да, я действительно руководил многими цехами и участками. Но я не искал легкой работы, а шел туда, куда меня направляли, где были нужны мои знания и опыт. Были в истории завода и радостные дни, были и трудные.

1941 год. Война. Октябрь. Эвакуация завода. Осиротели заводские корпуса. Осталось нас два-три десятка человек. Обстанов-

КРАСНАЯ КНИЖКА

Я слесарь-инструментальщик. Работаю на «Компрессоре» чуть больше года. Когда оформился на работу, в отделе кадров вместе с пропуском вручили мне красную книжку — «Рабочую путевку». Развернул я ее и прочел: «Дорогой товарищ! Сегодня в твоей жизни знаменательный день. Ты становишься членом большого трудового коллектива Московского ордена Трудового Красного Знамени завода «Компрессор»... Отныне честь коллектива завода — твоя честь, его заботы — твои заботы».

Обращение было подписано директором завода М. Кацем, секретарем парткома А. Чуковой, председателем завкома А. Громовым и секретарем комитета ВЛКСМ Т. Капустиной. А мне предстояло поставить подпись под первым рабочим обязательством. Оно начиналось так: «Вступая в ряды членов коллектива предприятия, я обязуюсь во всем следовать его трудовым традициям... Прошу подвести итог моего первого обязательства через год моей работы на заводе».

Время летело быстро. Я хорошо освоил работу, меня приняли в комсомол, начал учиться в вечернем техникуме при заводе.

И вот через год меня вызвали к директору. Там были представители парткома, завкома, комсомольского комитета, нашего цеха. Пришли и такие же, как я, молодые слесари, токари, взявшие год назад первое рабочее обязательство. Каждому из нас было сказано, чего мы добились, что нужно еще сделать. Нам вручили значки завода «Компрессор».

Б. ДРИСИН,
слесарь-инструментальщик

НАШИ «КАТЮШИ»

У главной проходной завода прикреплена гранитная мемориальная доска: «Здесь в суровые годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов рабочими завода «Компрессор» ковалось грозное для врага оружие — реактивные минометы, прославленные «катюши».

В 1941 году начали мы, говоря по-рабочему, клепать «катюши». Трудились дни и ночи. Готовые орудия прямо из цехов сразу шли на фронт.

Появился в те дни у нас Сережа Горбачев. Помню, как он выводил машины из цехов, стоя в кабине: если садился на сиденье, то не доставал ногами до педалей. Мальчишка совсем. И сегодня Горбачев на заводе. Теперь он Сергей Иванович, мастер.

Я клепал «катюши» до августа 1942 года, потом воевал. Определили меня в расчет реактивных минометов, и я сразу узнал «катюши», сработанные на родном заводе. Воевал на курском направлении. Не думал, что мне придется в военную пору снова побывать на «Компрессоре». А вот пришлось. Поручили мне доставить поврежденную машину на завод для ремонта. Получил новую «катюшу» и — на фронт. А после войны вернулся опять сюда, работал слесарем по сборке компрессоров.

Н. СТУДЕНТОВ,
мастер

ПРО «ДВОЙКУ»

Возле нашего завода, по шоссе Энтузиастов, ходит трамвай № 2. Он тоже имеет отношение к истории завода. В первые годы Советской власти этой линии не было. Трамвай ходил только до Рогожской заставы. Наш депутат Моссовета И. Ф. Никитин и депутат райсовета мой отец Иван Григорьевич по наказу рабочих добились, что линию трамвая продлили к «Компрессору». С тех пор вот уже сорок лет ходит к нам «двойка». Рабочие говорили депутатам: «За «двойку» ставим вам пятерку!»

А. КРЫСАНОВ,
разметчик

МЫ ЖДЕМ ТЕБЯ, ВИКТОР!

Хочу рассказать о моем друге Викторе Луневе. На завод мы пришли вместе. Что нас сблизило, не знаю. Может быть, станок, на котором мы обучались, может быть, учеба в техникуме. Скоро Виктор стал одним из лучших рабочих участка, а затем и цеха. За ним было трудно угнаться. Он освоил три профессии: токарь, расточник, фрезеровщик. Попутно научился работать на шлифовальном станке. Умел работать и на сборке и на сверловке. Три месяца подряд ему присуждалось звание «Лучший рабочий своей профессии».

Сейчас Виктор служит в рядах Советской Армии. Но все часто его вспоминают. Хороших работников всегда вспоминают, друзей тем более. Хочется верить, что он снова придет на наш завод. Все его ждут!

Н. ГУСЬКОВ,
наладчик

РАБОЧЕЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

На «Компрессоре» я уже давно. Как вернулся в тридцать пятом году из армии, так сразу сюда. Прослышал, что здесь хороший, дружный коллектив, работа интересная. И не ошибся. Выбрал себе специальность строгальщика. Старые, опытные рабочие помогли мне быстро освоить это дело. И я потом тоже стал помогать молодым. Обучил двенадцать парней, сделал их хорошими строгальщиками.

Почти треть истории завода прошла на моих глазах. По тем станкам, на которых доводилось работать, чувствую, как заметно росло наше станкостроение, как совершенствовалось оборудование «Компрессора». В первой пятилетке строгальные станки были с приводными шкивами, а теперь — каждый имеет свой мотор; прежде не было механической подачи, ускоренного хода. Теперь все это есть, станки стали более производительными, точными.

Сейчас я работаю на четырех станках. Делаю шестерни для насосов. Детали, сработанные мною, не проверяют контролеры: у меня есть личное клеймо. Работа идет хорошо. Я взял обязательство закончить пятилетку к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

В. РОГАЧЕВ,
строгальщик

ТРИНАДЦАТАЯ ЗАРПЛАТА

В конце февраля у нас было приятное событие — мы получали премию за минувший год. «Тринадцатая зарплата» — результат перестройки, результат работы по-новому.

Завод «Компрессор» перешел на новую систему планирования и экономического стимулирования полтора года назад. И у нас, как и на других предприятиях, достигнуты хорошие результаты.

Мы это чувствуем и в своем цехе. Больше беспокойства за дело. «По-другому думаем»,— говорят рабочие. Меньше нарушений дисциплины. Выпуск продукции увеличился. Государству польза, заводу выгодно и нам тоже.

Я, например, получил премии 87 рублей; рабочий Галкин (у него стаж больше) — 135 рублей. Всего по нашему цеху выплачено «тринадцатой зарплаты» больше восьми тысяч рублей.

В. ГУСЕВ,
слесарь

ка под Москвой тяжелая. Получили задание—наладить ремонт боевой техники. Станки и детали доставали где придется, всеми правдами и неправдами. Пришли на завод старые мастера, такие, как А. И. Балашов, И. Ф. Рассказов, С. С. Столяров. К станкам и верстакам встали старики, женщины и дети. Ушел кузнец Цыганов, на завод пришла его жена Цыганова Евдокия. Первая наша женщина-молотобоец. Работала, не считая часов и смен, воспитывала трех сыновей: Николая, Святослава и Евгения, которые в 15—16 лет начинали трудиться наравне со взрослыми. Много у нас было таких семей.

В 1942 году освоили выпуск боеприпасов. Очень трудно было. «Ничего, подружки, нам будет нелегко, но фашистам от этого будет тошно». И женщины работали, да как еще работали!

Тысячи боевых машин с маркой завода «Компрессор» громили гитлеровцев на всех фронтах Великой Отечественной войны.

Н. СТЕПАНОВ,
начальник цеха, член парткома

Лучший токарь завода и Калининского района Анатолий Чупасов, Н. Н. Степанов и молодой токарь Сергей Быков (слева направо).

Я. А. КУТЕПОВ

ТВОР

Я. А. КУТЕПОВ — ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСТРУКТОРА С. В. ИЛЬЮШИНА. РАБОТАЕТ С НИМ СО ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ КОНСТРУКТОРСКОГО БЮРО — В ТЕЧЕНИЕ 35 ЛЕТ. ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В СОЗДАНИИ ПОЧТИ ВСЕХ «ИЛ»ов, В ТОМ ЧИСЛЕ САМОЛЕТОВ «ЦКБ-26», «ЦКБ-30», «ИЛ-4», «ИЛ-2», «ИЛ-28», «ИЛ-12», «ИЛ-14», «ИЛ-18» и «ИЛ-62».

В первый же месяц после вероломного нападения Германии на СССР Геринг и Геббельс поспешили уведомить мир о полном уничтожении Советских Военно-Воздушных Сил. И вдруг в ночь на 8 августа 1941 года, когда Берлин был ярко освещен, в городе была объявлена воздушная тревога, призывавшая жителей столицы в бомбоубежища. Радио сообщило о том, что к Берлину приближаются советские бомбардировщики.

«Как же так?» — недоумевали берлинцы. Ведь, кроме Геринга и Геббельса, «сам фюрер» заверил их, что никогда ни один советский самолет не появится над территорией Германии, а тем более над ее столицей. И вдруг...

Первый удар по военным объектам Берлина нанесли бомбардировщики, на борту которых стояли буквы: «Ил».

Будущий создатель «Илов» родился 31 марта 1894 года. Он был одиннадцатым ребенком в семье бедного крестьянина деревни Дилялево, под Вологдой.

Сергею было десять лет, когда старшие братья, бежав от нужды, ушли из деревни по разным городам на заработки. Отец стар — ему уж под семьдесят, и мальчик вынужден был работать по хозяйству. Все свободное время он проводил у сельского учителя.

Истощенная крестьянская земля не могла обеспечить даже минимальных потребностей семьи Ильюшиных, и в 15 лет по примеру братьев Сергей ушел на заработки в окрестности Иваново-Вознесенска.

Что только ему не пришлось делать, чтобы как-то поддержать свое существование: чернорабочий, землекоп, возчик молока, смазчик на железной дороге, табельщик. Все это были временные занятия, они попадались от случая к случаю.

В 1910 году по крестьянскому обычаю взвалил Сергей котомку за плечи и отправился искать постоянный заработок. Судьба привела его на Комендантский аэродром вблизи Петербурга. Здесь готовились к первому в России празднику воздухоплавания. Работа, которую предложили Ильюшину, была несложная: в его обязанности входило расчищать и выравнивать летное поле перед полетами.

И вот в сентябре 1910 года ракета возвестила о начале праздника. В толпе, собравшейся на разукрашенном аэродроме, был и Сергей Ильюшин.

Он следил за полетами первых русских авиаторов Уточкина, Пиотровского, Мациевича (погибшего во время демонстрационного полета). И мысль посвятить свою жизнь авиации, покорению воздушной стихии возникла у него именно тогда. И вот по вечерам — учеба, книги, мечты об авиации.

Началась империалистическая война. Двадцатилетнего Сергея призывают в армию. Он добился назначения в авиацию, и судьба вторично забросила его на тот же аэродром. Здесь за короткое время он прошел путь от чернорабочего до авиамеханика. А окончив Всероссийский аэроклуб, в 1917 году успешно сдал экзамены на звание летчика.

В годы гражданской войны Сергей Ильюшин служит в авиационных частях Красной Армии. В 1918 году вступает в Коммунистическую партию. Затем — учеба в Московском институте инженеров Красного Воздушного Флота, впоследствии преобразованного в Военно-воздушную инженерную академию имени Н. Е. Жуковского. «Пробой пера» будущего конструктора было создание планеров «Мастяжарт» и «Рабфаковец». На планере Ильюшина «Москва» К. Арцеулов — внук известного русского художника Айвазовского — успешно защищал спортивную честь советского планеризма во время международных состязаний.

С 1931 года С. В. Ильюшин — на ответственной конструкторской работе: он руководит Центральным конструкторским бюро Народно-

С. В. Ильюшин и В. К. Коккинаки у макета самолета «ИЛ-62».

Самолет «ИЛ-4» ведет бомбардировку военных объектов противника.

В. М. Сухобоков, Генеральный конструктор С. В. Ильюшин, М. Н. Глебов, заместитель Генерального конструктора Я. А. Кутепов и Б. Г. Лизунов знакомятся с технологическими чертежами.

Флагман Аэрофлота — трансконтинентальный лайнер «ИЛ-62».

ЕЦ „ИЛ"ОВ

го Комиссариата авиационной промышленности, возглавляет бригаду, состоявшую в основном из молодых конструкторов. Опыта было мало, но все это компенсировалось большим желанием творить и создавать. И вот эта молодежная бригада под руководством С. В. Ильюшина, преодолевая трудности, очень быстро показала свои творческие возможности: в 1933—1936 годах она создает свой первый бомбардировщик «ДБ-3» («ЦКБ-26»).

Первый полет бомбардировщика состоялся в марте 1936 года, а уже 1 Мая того же года он принимал участие в воздушном параде. Во время парада В. К. Коккинаки, пилотировавший самолет, над Красной площадью сделал несколько мертвых петель. Об этой сенсации тогда писали многие газеты мира, так как фигуры высшего пилотажа до тех пор выполнялись только на истребителях и учебных самолетах. Никто не ожидал, что на тяжелом бомбардировщике можно совершать петли Нестерова.

Полет бомбардировщика произвел столь сильное впечатление, что на другой день после парада С. В. Ильюшин и В. К. Коккинаки были вызваны в Кремль. Здесь Сталин, Орджоникидзе, Ворошилов и другие руководители после подробного доклада о летно-тактических данных самолета приняли решение о немедленном налаживании его серийного производства.

На этом самолете В. К. Коккинаки установил ряд мировых рекордов: 3 августа 1936 года с грузом 500 килограммов поднялся на высоту 13 178 метров, 26 августа того же года с грузом 1 000 килограммов — на высоту 12 101 метра и др.

На самолете, на крыльях которого было написано «Москва», В. К. Коккинаки совершил рекордные беспосадочные перелеты: 27 июня 1938 года по маршруту Москва — Спасск (район Владивостока) протяженностью 7 600 километров за 24 часа 36 минут и 28 апреля 1939 года — Москва — Атлантический океан — остров Мискоу (Северная Америка) длиной 8 000 километров за 22 часа 56 минут. Эти перелеты продемонстрировали всему миру выдающиеся достижения советского самолетостроения.

В те годы Сергей Владимирович и сам время от времени любил садиться за штурвал самолета. Один из таких полетов едва не стоил ему жизни. Это произошло в 1935 году во время перелета из Воронежа в Москву, когда самолет потерпел аварию. Виноват был механик, который забыл заправить двигатель самолета маслом. Ильюшин посадил машину в темноте в незнакомом месте. Но на всю жизнь после этого у него остался шрам над бровью.

Летно-технические характеристики бомбардировщика постоянно улучшались. Модифицированный вариант его стал называться «ДБ-3Ф», а с 1940 года — «Ил-4». Это был один из основных наших дальних бомбардировщиков. Он находился на вооружении в течение всех лет Великой Отечественной войны, использовался также и как фронтовой бомбардировщик и как торпедоносец. Для защиты от истребителей врага «Ил-4» имел стрелковое вооружение. Это позволяло ему выполнять боевые полеты ночью без охраны истребителей.

По своим летным и техническим данным «Ил-4» превосходил однотипный английский бомбардировщик «Веллингтон» и немецкий «Хейнкель НЕ-111-Н».

«Ил-4» как раз и были теми советскими самолетами, которые нанесли первый удар по Берлину в 1941 году.

С большим эффектом в борьбе с германской армией применялся построенный в 1940 году бронированный штурмовик «Ил-2». Этот новый тип самолета, впервые в мире созданный в СССР, предназначался для действий по наземным целям с малых высот. Он развивал скорость у земли свыше 400 км/час при дальности полета около 800 километров и был оснащен мощным пулеметно-пушечным вооружением, а также восемью ракетными снарядами и бомбами весом до 500 килограммов.

Работая над штурмовиком «Ил-2», С. В. Ильюшин поставил перед собой цель — создать такую боевую машину, которая могла бы уничтожать танковые соединения врага еще и на подходах к фронту, лишив их возможности нанести удар по нашим частям.

Для сохранения жизни самолету Ильюшин одел мотор, кабину летчика, радиатор и другие уязвимые части машины в стальную броню. Его самолет являлся, по существу, летающим танком. Ему не страшен был ружейный и пулеметный огонь. Только орудийные снаряды прямым попаданием могли вывести «Ил-2» из строя.

Правительство высоко оценило идею штурмовика, и производство этих самолетов было налажено в массовом порядке на крупнейших авиационных заводах.

В первые же годы войны советские летчики на этих боевых машинах наносили сокрушительные удары по врагу, уничтожали его танки, огневые точки, пехоту, взрывали мосты, аэродромы, железнодорожные составы. В битве под Москвой навстречу танковым колоннам генерала Гудериана вылетели штурмовики Ильюшина. Когда «Ил»ы ударили по фашистским танкам среди гитлеровцев началась паника. Вражеские танкисты называли штурмовики «Ил-2» «черной смертью».

Газета «Правда» писала в те годы: «Ил-2» является великолепным оружием переднего края и не имеет себе конкурентов среди воюющих самолетов мира. Самолеты «Ил-2» не только достижение авиационной науки — это замечательное тактическое открытие».

За высокие боевые качества при разгроме немецкого фашизма на месте, откуда наши летчики-штурмовики на самолетах «Ил-2» впервые нанесли сокрушительные удары по врагу,— в Истре, под Москвой,— самолету «Ильюшин-2» установлен памятник.

В 1944 году на помощь штурмовикам «Ил-2» в воинские части Военно-Воздушных Сил начали поступать новые, более мощные и скоростные бронированные штурмовики «Ил-10». Эти самолеты в 1945 году вступили в борьбу с войсками противника, принимали участие в битве за Берлин.

Еще в период второй мировой войны С. В. Ильюшин приступил к проектированию пассажирского самолета для гражданской авиации. В этом была настоятельная необходимость, так как транспортный парк нашей авиации в те годы состоял из устаревших самолетов «Ли-2» и небольшого количества американских — «Дуглас С-47».

Работа, начатая еще в период войны, в 1946 году увенчалась успехом. Машины под названием «Ил-12» и «Ил-14» на долгие годы стали основными в Аэрофлоте. Лицензии на их постройку были приобретены также авиапредприятиями Чехословакии и ГДР, где они выпускались в большом количестве.

Наступили годы интенсивного перевооружения гражданской авиации и внедрения в эксплуатацию реактивной техники. Конструкторский коллектив С. В. Ильюшина не остается в стороне: 4 июля 1957 года поднялся в воздух один из наиболее популярных самолетов — турбовинтовой «Ил-18».

За создание этого первоклассного лайнера С. В. Ильюшин и группа конструкторов в 1960 году были удостоены Ленинской премии, а С. В. Ильюшин — вторично звания Героя Социалистического Труда. В 1958 году на Всемирной выставке в Брюсселе «Ил-18» отмечен золотой медалью.

Крупнейшим достижением является создание в 1962 году трансконтинентального воздушного лайнера «Ил-62», ставшего флагманом Аэрофлота и связавшего столицу нашей Родины с Нью-Йорком, Дели, Монреалем и Токио.

Крылатое семейство «Илов» — так называют блестящее созвездие машин, созданных талантливым конструкторским коллективом, во главе которого бессменно вот уже более 35 лет стоит Генеральный конструктор, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий академик Сергей Владимирович Ильюшин. За это время создано более сорока типов различных самолетов для Военно-Воздушных Сил и Аэрофлота.

Один из основных принципов, положенных в основу работы ОКБ С. В. Ильюшина,— ориентация на новейшие достижения науки и техники.

Прослеживая творческий путь С. В. Ильюшина, невольно приходишь к выводу, что он обладает редким даром предвидения и, как правило, создает самолеты будущего.

Источник этого ценного качества — огромная эрудиция, знание не только своей профессии, но и тех отраслей науки и техники, которые граничат с авиацией; целеустремленность, отсутствие хаоса в работе, умение предвосхитить пути прогресса авиации — тактики воздушной войны или перспектив развития гражданской авиации.

Самым тесным образом с этими чертами творчества конструктора связаны его личные качества: деловитость, логичность и последовательность мышления, смелость решений и в то же время скромность, уважение и любовь к людям.

Сергей Владимирович Ильюшин прожил три четверти века. Но годы не ослабили накала его творческой энергии. Как и прежде, он настойчиво ищет пути создания новых типов летательных аппаратов, стремится к модификации и совершенствованию действующих машин. И мы верим, что Генеральный конструктор в содружестве со своим коллективом создаст еще немало первоклассных самолетов, не раз порадует советских людей взлетом технической мысли.

Дмитрий ХОЛЕНДРО

ПУТЕШЕСТВИЕ — ЭТО ВСТРЕЧИ

РАССКАЗЫ БЕЗ ВЫДУМКИ

Первая неприятность ждала нас утром. Мы завтракали в маленьком ресторане маленькой парижской гостиницы, ограничившись, как велит французская традиция, чашкой кофе с булочкой в половинку теннисного мяча, прозрачным лепестком масла и миниатюрной розеткой апельсинового джема, когда на пороге возникла похожая на Мефистофеля сухощавая фигура немолодого, галантного человека, оказавшегося представителем компании «Эр Франс». Он сказал, что, к сожалению, мы не сможем полететь сегодня дальше... И завтра тоже... И, наверно, послезавтра...

А нам предстоял путь в город за Атлантическим океаном, город с таким простецким в переводе и вместе с тем поэтическим названием — «Хороший воздух» — в столицу Аргентины Буэнос-Айрес.

Обеспокоенный представитель «Эр Франс» («Воздуха Франции») сбивчиво объяснил, что летчики забастовали, самолеты компании стоят дома и на разных аэродромах разных стран, а поэтому... Буэнос-Айрес, бывший от нас в двадцати часах лета, в мгновение ока стал едва ли не самой отдаленной точкой на земле.

Мосье поднял руки. В одной он держал белый платок. Мосье вытер лоб платком и сообщил, что все расходы по непредвиденному содержанию своих пассажиров компания, конечно, берет на себя.

Мосье быстро прибавил, что приехал не только известить нас о досадной неприятности, но и позаботиться, чтобы мы не скучали. В качестве подтверждения он потряс выхваченными из кармана театральными программами вечернего Парижа.

— Компания не хочет протестов. Это бессмыслица! Ведь протесты пассажиров можно было бы сразу использовать против забастовщиков, получив право даже на увольнения. Но,— мосье был с нами откровенен,— старушка (компания) не хочет терять своей доброй репутации, заслуженной давно и с трудом. Она не хочет скандалов и надеется все уладить. Наверно, между нами говоря, она готова даже в чем-то уступить летчикам. На линиях появились реактивные лайнеры, летать стали быстрее и чаще, а деньги платят все те же. Нелепость!

Затем мы допили кофе и пошли гулять.

Над Парижем летели косые от спешки летние дожди. Капли засевали крапинками асфальт и за десять — пятнадцать минут обрисовывали сухие пятна под деревьями. В Париже много деревьев, и пятен было много. Постучав по асфальту и в чьи-то окна, дождь тут же высыхал, и пятна исчезали.

Дожди были на редкость легкие, невесомые и порой даже не долетали до земли, а цеплялись за карнизы и подоконники. Никто не прятался от этих дождей, дети бегали по скрипучим дорожкам парка Тюильри, молодые люди в обнимку стояли у парапетов Сены, глядя, как мимо бегут и бегут по реке катера с другими людьми на открытых палубах. Даже голуби не разлетались, важно прогуливаясь в мохнатых клешах по блестящему торцу мостовых. Только ажаны, парижские полицейские в своих фуражках-кастрюлечках, носили накидки на плечах, не успевая снимать их между дождями, и блестящие капельки на козырьках их круглых фуражек сверкали, когда подметки и шины уже уносили следы дождя.

Очередной дождь, вдруг проснувшись из дырявого кармана какой-то неуловимой тучки-летучки, застал нас в Люксембургском саду. Мы обратили внимание на старичка, который неподвижно сидел на скамейке, достойно держа газету в раскинутых руках. Может быть, он дремал за ней, как за занавеской? Над газетой виднелся стариковский черный котелок. А над котелком тяжело свисали с тонких веток деревца красивые груши, ярко, пламенно краснобокие и все до одной одетые в целлофановые мешочки с завязочками на черенках. На других деревцах груши тоже блестели прозрачными пеленками. От дождя, что ли, они береглись, как ажаны?

— Мосье!

Старичок показал из-за газеты свои седые усы.

Мы спросили, почему упакованы живые груши.

— Разве вы не знаете, где находитесь? Вон дворец президента, это его сад, и груши отсюда подаются только на его стол. Их спрятали в целлофан, чтобы потом не сдувать с них пылинки.

Мы спросили, почему они такие вызывающе пунцовые, президентские груши, что это за сорт.

— Ну! — снисходительно улыбнулся парижский пенсионер.— Сорт тут ни при чем! Вечерами в этом саду сидят на всех лавочках студенты. А что они делают? Или объясняются в любви или критикуют правительство. Эти бедные груши такого наслушались, что невольно покраснели!

На третий день прибежал Мефистофель «Воздуха Франции» и зачастил, вытирая лоб белым платком и обмахивая им же козлиную бородку:

— Скорее! Скорее! Для вас завернули самолет из Греции. В час дня вылетаете. В час дня с Орли!

Многоэтажное здание парижского аэродрома Орли разрывалось от кипящей толпы и крика. Все вокруг нас бежали вверх и вниз и по сторонам, как на штурм.

Время близилось к часу, и мы уже нервничали, почему нас никуда не зовут. Тут к нам подошел новый представитель компании, на этот раз молодой человек с очень жестким на вид ежиком волос в блестящем костюме, и спросил:

— Я могу видеть мосье Голлендера?

— Да, мосье. Слушаю, мосье.

Времени было слишком мало для того, чтобы поправлять фамилию. Я слушал, а он, заложив руку за лацкан пиджака, с неуместной торжественностью сказал:

— Мосье Голлендер! От имени компании «Эр Франс» рад вам сообщить, что для вас и вашей свиты на весь путь следования до Буэнос-Айреса в самолет загружена кошерная пища!

Я не сразу сообразил, что случилось, и с улыбкой спросил его:

— А зачем?

— По вашей просьбе,— ответил он, тоже улыбаясь из вежливости и хлопая рыжими ресницами.— Согласно вашему заказу, мосье.

— Мосье, что такое кошерная пища? — спросил я.

Один из «свиты» склонился к моему уху и шепнул:

— Это курочка... и... в общем, довольно неплохая еда.

Стали разбираться и установили, что еда, может быть, и ничего, но с религиозным привкусом, приготовленная по особому ритуалу.

— Мосье,— сказал я ему, когда мы встретились глазами.— Если это не розыгрыш, то это недоразумение. Мы не сядем в самолет, пока с него не снимут кошерную пищу.

Передо мною закружились счета, которые могла бы предъявить веселая старушка «Эр Франс» нашему строгому «Интуристу» в оплату специального питания и в отместку за театральные билеты и катание на катере по Сене, и, прежде чем вестник радостной новости о спецпайке на весь путь следования набрал воздуха и открыл рот, я громко, я непреклонно, я протестующе завершил свою речь:

— Мы желаем питаться, как все пассажиры, тем, что нам полагается, как всем пассажирам.

— А заказ? — взвизгнул мосье, морща лоб и нервно двигая ежиком.

— Никакого заказа не было.

— Но в десять утра нам позвонил ваш секретарь!

— В десять утра мы гуляли у Собора парижской богоматери, и у меня нет секретаря! — выпалил я, стараясь улыбаться.

— Я сейчас проверю,— дрожащим голосом сказал мосье, как-то позеленев от бледности, и трусцой заспешил к телефону, потерявшись в людском водовороте.

Мы тоскливо ждали.

Наконец он появился с вымученной кукольной улыбкой, такой широкой, что заблестели золотые зубы в самой глубине рта, за его щеками.

— Пища выгружается,— обрадовал он нас, но глаза его никак не могли очнуться от какой-то непоправимой беды.

— А что все же случилось? — спросил я.

— О! — сказал он, пожав плечами так, что руки взлетели выше головы.— Из Амстердама в Буэнос-Айрес летел раввин Голлендер, ваш однофамилец. В десять утра позвонил его секретарь и заказал... это самое... для раввина и всей свиты. Они больше ничего не едят! Вы знаете, какая у нас суматоха?! Подняли списки пассажиров до Буэнос-Айреса, нашли фамилию... Голлендер? Голлендер! И десять человек свиты. Ну и вот...

Будь она неладна, моя фамилия... В детстве меня дразнили Холерой. В молодости я долго придумывал звучный псевдоним, не зная, как подписать первый рассказ, но так и не придумал ничего звучнее дедовского прозвища. А родилось оно, когда крепостные уходили из своих деревень и вместе с именами уносили в жизнь их названия. Из Поповки пошли Поповы, из Березовки — Березовы, а из украинского села Голендры вот Холендры пошли.

— Ну, ладно,— сказал я, подмигивая мосье, чтобы приободрить его.— Все хорошо, что хорошо кончается. Мерси, мосье. Все обошлось!

— Если бы! — простонал он, схватившись за голову.

— А что?

Он поправил уголок платочка в нагрудном кармане своего блестящего пиджака, безнадежно махнул рукой и сказал:

— Час тому назад раввин улетел без кошерной пищи!

Хорошо, что в Аргентине мы не встретились с этим раввином. Мы встречались с другими неожиданными людьми...

Конечно, путешествия — это незнакомые земли. Путешествия — это дорога. Но прежде всего путешествия — это встречи. В страну можно приехать позже — она никуда не денется. Можно увидеть ее в кино и даже у себя дома по телевизору. Но человека не узнаешь, пока не встретишь. Сколько неоткрытых людей уходит безвозвратно!

Я хочу рассказать об аргентинской девушке Оле. Почему у Оли не католическое, не испанское, как полагается в Аргентине, а православное, такое распространенное по России имя? Потому что отец ее — русский человек. С фантастической — да еще какой! — судьбой.

Среди разбитых врангелевских войск, опрокинутых в море с крымского берега и бежавших на жалких остатках царского флота, на заграничных посудинах кто куда, оказался молодой офицер, по происхождению дворянин, а по образованию этнограф, то есть ученый, исследующий, как пишут словари, быт и нравы народов, их материальную и духовную культуру. В эмиграции, в том самом Париже, где нас одаривали мимолетной свежестью быстрые, как ласточки, дожди, этнография не интересовала битых генералов, полковников и иже с ними, никак не могла пробиться к свету сквозь контрреволюционные заговоры, распри, расколы, интриги и обыкновенные пьяные скандалы увядающего «цвета» русского общества.

Молодой офицер вовсе заскучал, купил на последние франки билет и уплыл подальше, в Парагвай. Там он перестал быть офицером и занялся наконец этнографией.

Русский человек изучал быт и нравы индейцев в горах и саваннах Парагвая, а когда изучил, стал бороться за их права, потому что увидел, какие это бесправные люди. У них не было, что называется, ни крова, ни еды. Он писал об этом доказательные статьи в газеты и скорбные письма правительству, но правительству некогда было читать письма про индейцев, а газетам некогда было печатать статьи об индейцах, а тут вдруг откуда-то взялся русский и требует чего-то для низшей расы.

Слушали русского только сами бедные индейцы, живущие у каменистых вершин Запада или кочующие в поисках пищи, как их первобытные соседи — броненосцы и муравьеды,— по степям Гран-Чако, среди извилистых рек и кустарника, сбрасывающего жесткую листву не в морозы, которых там не бывает, а в сушь. Сплошь неграмотные, не посвященные в тайны политической жизни и расовые проблемы, индейцы почувствовали в человеке с далекой и незнакомой земли друга, и, когда после многих лет ожидания, отчаяния и борьбы парагвайские власти — потомки испанских колонизаторов — допустили индейских представителей в конгресс, коренные племена послали своим защитником в столичный Асунсьон уже немолодого русского, говорящего на языке гуарани.

Но русский не забыл и своего языка. Он выучил этому языку свою жену-аргентинку, свою дочь назвал Олей и пел ей русские песни и рассказывал ей о земле, где листья падают от морозов.

Говорят, индейцы построили ему в горах мавзолей, когда пришла его смерть. Новый диктатор Парагвая фашист Стресснер, приютивший вышвырнутых из Европы своих коллег, стал преследовать семью русского этнографа и индейского конгрессмена. Мать бежала с Олей в родную Аргентину.

И вот Оля, длинноногая девушка с черными волосами до плеч, с огромными, черными же, жгучими глазами, блестящими от радости и тоски, увидев газетное объявление фирмы, приглашающей на службу людей со знанием русского языка, пришла и стала нашей переводчицей.

Я никогда не забуду, как она на берегу широкой и мутной Параны, в гулком автобусе, ползком одолевающем перевал среди диких оранжевых скал Комичен-конес с карликовыми пальмами на макушках и рослыми, с хорошую сосну, кактусами, под которыми пасутся ламы, в пышном столичном парке Палермо и в гостиничном лифте расспрашивала нас, какая Москва, какая Волга, какой снег. И как она плакала, когда мы улетали. Она хотела улыбаться, но не могла остановить слез. Самолет почему-то задерживался, мы смотрели в круглые стекла иллюминаторов на Олю, стоявшую у трапа, она улыбалась нам, а лицо ее все не высыхало. Последнее, что я видел, пока мы не оторвались от аргентинской земли,— длинные ее ладони, закрывшие ее глаза...

Мы еще не знали, почему наш четырехмоторный самолет, последний из могикан поршневой авиации, поднялся в небо с такой задержкой. Мы провожали глазами кромку берега, к которому льнула длинная, длиной в несколько тысяч километров, атлантическая волна, и берег был неслыханно красным то ли от заката, то ли от песка, и волна на песке тоже становилась все краснее.

А потом потухла алая капля солнца, и земля пропала, и мы полетели через ночь, и была эта ночь долгой, и девушка-стюардесса трижды объясняла по-английски, по-французски и по-испански, как пользоваться спасательным поясом и порошком от акул, и поскольку это повторялось в полете три раза, то мы выслушали инструкцию противоборства с океаном и акулами, так сказать, трижды три, но еще легкомысленно не знали, почему нас старательно готовят к встрече с акулами, и шутили, и устали шутить, а ночи не было конца, и океану не было конца, и только в Дакаре, где мы впервые приземлились, мы стали догадываться, почему все было так долго, когда наш самолет облепили техники и принялись потрошить холодный мотор. Пополз слух, что мы тянули через океан на трех моторах.

Нас несли домой крылья компании «Сюисс-эр» («Швейцарского воздуха»), и, оберегая ее добрую репутацию, капитан, веселый, плечистый, крепкий, каким полагается быть отроду всем капитанам, повторял понятное пассажирам разных национальностей «О'кей!». Но в воздухе оказалось вовсе не так уж о'кей. Выпотрошенный мотор снова замолчал где-то над россыпью лисабонских огней.

Лисабон нас не принял. Женева нас не приняла. Цюрих нас не принял. Как демон, дух изгнания, неприкаянный самолет парил над морозным блеском швейцарских вершин с нетающими льдами! Теми самыми белыми и голубыми льдами, где, как известно, не пройдет и олень, но проходили суворовские солдаты и сам щуплый генералиссимус скользил по льдам на коне, далеко от дома. Вспоминался суриковский «Переход через Альпы»...

Всякие мысли приходили в голову под рев самолета, осиротевшего на один мотор и один винт, кроме страшных, потому что команда вела себя без паники, а мы находились в неведении о том, почему опять так долго летим в холоде ночи и почему стюардесса крепко пристегивает нас ремнями к креслам, не доверяя этого простого дела самообслуживанию.

Все прояснилось сразу же после посадки, вернее, после того, как мы грузно, и крепко, и чуть косо ударились о земную твердь. Веселый гигант капитан вбежал из пилотской кабины в пассажирский салон с большой квадратной бутылкой коньяка в поднятой руке и криком:

— Вива Кубичек!

Кубичек — тогдашний президент Бразилии — красовался на яркой коньячной этикетке, чтобы все знали, что коньяк бразильский, и не путали с другим.

— За счастливую посадку! — крикнул капитан.— Вир гратулирен! Мы поздравляем!

Раз уж капитан поздравлял и решил угостить коньяком пассажиров, значит, посадка могла быть и несчастливой. Еще пристегнутые к креслам, мы сделали по глотку из горлышка квадратной бутылки, передавая ее из рук в руки. И каждый провозглашал, если что-то провозглашал: «Вива Кубичек!» Первый опомнившийся человек спросил:

— Где мы сели?

— В Базеле, леди и джентльмены!

Аэродром поразил нас пустотой — ни самолетов, ни автомобилей, ни людей,— если не считать трех машин «Скорой помощи» и дежуривших возле них медиков, оставшихся без дела.

Пока нас не принимали Лисабон, Женева и Цюрих, базельские служащие «Сюисс-эр» расчистили его для посадки аварийного самолета (шутили, что предусмотрительные и бережливые швейцарцы откатили подальше даже свои велосипеды, на которых приезжали работать).

Мы ехали в Цюрих по земле. Капитан — экипаж ехал с нами к своим семьям — не дал угнездиться в автобусе тишине и позднему страху. Он предложил петь и сам первый, поддержанный своими голосистыми помощниками и стюардессами, завел тирольскую песню с немыслимыми горловыми фиоритурами. Пели итальянцы и французы. И немногочисленные, обычно супермолчаливые английские леди и джентльмены — тут только мы окончательно разобрались, с кем летели. И, наконец, мы запели «Подмосковные вечера».

Я спросил капитана, как дела у французских летчиков.

— Они выиграли! — громогласно крикнул он — в автобусах всегда кричат, а этот автобус к тому же натужно урчал, петляя по горам.— Им крепко помогли африканские ребята! — Капитан сжал свои большие ладони и потряс ими в воздухе.— Они отказались заправлять на своих аэродромах самолеты штрейкбрехеров. Но мой вам совет: всегда пользуйтесь услугами «Сюисс-эр»! Только что вы могли убедиться, как это надежно!

Ночью крепко спалось в отеле, и все же снился дом. А утром мы приехали на знаменитый цюрихский аэродром и оказались в огромном стеклянном аквариуме, опущенном на дно молочного моря. Под стеклом росли грустно изогнувшие свои листья пальмы, виноград опутывал перила лестниц, и это было все, что осталось от земли, растворившейся в тумане.

Да, неприятности продолжались.

Дружелюбный чех в красивой фуражке с кокардой сожалел, что не может принять нас в свои объятия, чтобы перебросить в Прагу. На швейцарской земле мы все еще оставались подданными «Сюисс-эр». Но чех не отходил от нас, помогая протолкаться к дому сквозь туман всеми правдами и неправдами. Едва стало известно, что «Ил» с чешскими знаками сел в Базеле — этот Базель был молодцом и выручал всех,— как чешский авиационный полпред в Цюрихе подал «Сюисс-эр» идею перекинуть нас в Базель по железной дороге, чтобы успеть на «Ил». Выходит, зря мы вчера уезжали из Базеля!

Маленький экспресс сломя голову летел по горам, то и дело нырял в туннели и выскакивал на свет. Он спешил, он проскакивал туннели, будто боялся, что дорога под ним сейчас обвалится. Горы сменялись небом. Иногда мы выпрыгивали в голубые пятна. Под потолком вагона из невидимых репродукторов рвался джаз, будто это играли сами вагоны от скорости.

Под эту же музыку мы вернулись назад, в Цюрих, так как выяснилось, что в Базеле нас могут только накормить обедом в вокзальном ресторане, к окнам которого прилип непроницаемый туман, будто их добросовестно затерли мелом для чистки, а обмыть забыли.

В вестибюле цюрихского отеля нам навстречу поднялся из глубокой раковины кресла старичок в длинном пальто, снимая на ходу шляпу и приветливо улыбаясь издалека.

— Господа! Какая радость!

Старичок был белоусый, по-младенчески розовощекий, светлоглазый и мягко говорил по-русски с северным, прибалтийским акцентом.

— Какая радость, что вы не улетели! Я жду вас! Я к вашим услугам, господа!

— Простите, а кто вы?

— Я покажу вам Цюрих лучше любого гида! Я живу здесь шестьдесят лет и знаю все интересные места, как их редко кто знает. ...Я сам из Латвии, господа, из России. Так редко видишь русских! Это такая радость! Идемте, господа, идемте! Я из «Общества стариков, которым нечем себя занять». У нас свои дежурные на аэродроме и на вокзале... Мне позвонил дежурный и сказал, что прибыли русские. И вот я здесь...

Он увел нас. Мы смотрели на влажные камни под оградой университета, слушали, как бьют невидимые в тумане часы на прямоугольной городской башне, любовались белыми лебедями, нереально, призрачно, проскальзывающими по воде, как по облаку, ходили вдоль узких каналов и по таким узким улицам, что, раздвинув руки, можно было буквально коснуться пальцами противоположных стен, пробовали пирожные в крошечной кондитерской, спрятанной от профессиональных гидов закоулками и туманом... Прощаясь, мы подарили старичку почтовые марки, потому что узнали, что у него есть десятилетний внук-филателист. В руках старичка запестрело тридцать или сорок марок.

— Господа! Это же целая коллекция! Марки России! Простите, Советского Союза! Внук не переживет!

Через три дня мы, проскочив в какое-то случайное окошко сквозь неподвижный туман, бродили по Праге, а еще через три часа самолет коснулся колесами родной земли в Шереметьеве, где аэродром окружен березами.

Но тогда казалось, что не будет конца дороге и туману, из которого слышался спотыкающийся от волнения голос:

— В тысяча восемьсот...

Фредерик Жолио-Кюри: Атомная эра должна принести человечеству много полезного...

ТЕПЕРЬ ЭТО НЕ ОПАСНО!

ДОМ ОТСЛУЖИВШЕГО АТОМА * 300 МИЛЛИОНОВ, СБЕРЕЖЕННЫХ ИЗОТОПАМИ * НА БЛАГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА * ГДЕ ХРАНИТЬ АТОМНУЮ «ЗОЛУ»! * ЗАХОРОНЕННЫЕ НАВСЕГДА * «Я — КОБАЛЬТ!»

Репортаж со станции радиационной безопасности ведут специальные корреспонденты «Огонька» К. БАРЫКИН и Д. БАЛЬТЕРМАНЦ

Во Всесоюзном объединении «Изотоп» дали такую справку: применение радиоактивных изотопов приносит ежегодную экономию около 300 миллионов рублей! Но и это не предел. Атом может положить в сейфы еще не одну сотню сбереженных миллионов. Но дело не только в этом. Немало работ подвластны лишь ему. Их невозможно выполнить с помощью других средств. Его применение дает существенные технические и экономические преимущества в машиностроении, металлургии, горнодобывающей, текстильной, в других отраслях промышленности. Мы живем в атомный век — этим все сказано. Но нередко слышишь: применение атома опасно! Образуется немалое количество радиоактивных отходов, остается вредная «зола», появляются и жидкие радиоактивные отходы.

Начнем с расшифровки формулы «опасно». Добротный, как говорится, свежий, только что полученный радиоактивный изотоп не вечен. До поры до времени он исправно несет свою службу в лабораториях и на заводах, у металлургов и текстильщиков. Но и этот работяга устает, сгорает. Наступает период его распада. И у атомного котла бывает «зола», пусть не такая, как в угольной топке, но бывает. Куда все это девать? Что делать с отходами лабораторий и производств? Зарубежные газеты недавно сообщили о том, как иногда поступают в таких случаях некоторые западные фирмы. 11 тысяч тонн радиоактивных остатков заложили в 35 790 непроницаемых контейнеров и захоронили их в Восточной Атлантике на глубине пять тысяч метров. А до того бочки с этими радиоактивными остатками собрали в пяти западноевропейских портах в специальных зонах. Конечно, с соблюдением мер предосторожности. Но...

Но наши ученые утверждают: «Советский Союз всегда решительно боролся против того, чтобы сбрасывать радиоактивные вещества в моря и океаны...» И продолжают: «Сконцентрированная в малом объеме радиоактивность или отвержденная масса должна надежно помещаться в специальных «могильниках».

Можно ли побывать в таком «могильнике», посмотреть, как прячут отслужившую радиацию, что делают с отработавшим свое атомом?

Добраться до атомного «могильника» вот так, запросто — сел, скажем, в автобус и поехал — нет никакой возможности. После тщательного инструктажа мы отправились в довольно продолжительный вояж. От расположенного на окраине одной из областей города пришлось проехать еще не один десяток километров. Станция радиационной безопасности расположена в заметном удалении от жилья, в совершенно изолированном районе. По дороге, идущей к «могильнику», обычному автомобилю езда запрещена. У въезда — шлагбаум и «кирпич». Ни метра дальше!

Водитель нашей «Волги» долго не решается повернуть на запретную дорогу. Но наконец мы все же оказались около затерянной в лесной глуши площадки. Однако дальше нашу «Волгу» все же не пустили: границу «могильника» еще не «перешагивало» колесо ни одного обычного автомобиля.

...Пропускной пункт. Ворота. За ними продуманно спланированная, застроенная специальными сооружениями, достаточно и современно оснащенная машинами и приборами территория. Тут, по сути, расположен завод, способный перерабатывать и нейтрализовать многие тонны радиоактивных отходов. Здесь все сделано, чтобы надежно спрятать радиацию, не оставить ее безнадзорной, следить за каждой малой толикой радиоактивных веществ, контролировать их поведение.

Тут действует непреложный закон—осторожность во всем! Статистика подчеркивает: там, где используется или хранится атом, меньше всего несчастных случаев. Это одно из самых безаварийных производств. Может показаться странным, но обычные, стандартные, так сказать, производства с отработанной десятилетиями технологией порой бывают более опасны, чем «ужасный атом». Один из исследователей утверждает, что «благодаря неустанному труду мы знаем теперь о воздействии радиации значительно больше, чем об основной массе обычных опасностей, ежедневно угрожающих жизни человека». Работающие на угле электростанции куда более ощутимо грязнят воздух биологически вредной радиоактивностью, чем атомные станции. Это звучит несколько неправдоподобно, но таковы парадоксы атомного века...

...По дороге, ведущей к станции, каждый день проходят моечные машины—скребут, подметают асфальт, собирают с него пыль и везут ее в «могильник». Чистота идеальная. Будь такие дороги в городе — шоферы не нарадовались бы. Случилось как-то, уронили на такой асфальт колбу с раствором, предназначенным для анализа. И что же? Пришлось потом вырубать почти квадратный метр асфальта, собрать все брызги — и на захоронение.

— Они были опасны, эти брызги?

— Практически безвредны. Но таков порядок, такова производственная дисциплина.

Мы уже на самой станции. Впереди — здание в несколько этажей, высоченная труба, разные постройки. Место для хранилища выбрано не только в отдалении, но и так, чтобы под площадкой не было близких грунтовых вод — совершенно сухое место.

Сейчас мы в первой зоне, на особо чистой половине. Попасть во вторую зону можно, только пройдя осмотр, тщательно экипировавшись. Поэтому прежде всего нам предлагают переодеться. Заместитель начальника службы радиационной безопасности физик Борис Николаевич следит за тем, чтобы все было сделано надлежаще, как того требуют строжайшие инструкции. Он выдает нам пластиковую обувь — бахилы, подбирает их по размеру. Ноги в огромных ботинках чувствуют себя непривычно. Борис Николаевич вручает каждому индивидуальный фотодозиметр — черную кассету с фотопленкой. Те, что с порядковыми номерами 95 и 96, укрепляют на лацканах наших кипенной белизны халатов. По незнанию полагал, что столь изящные да к тому же из шелковистой ткани халаты мы получили как гости. Но в такой одежде и работники станции — особая ткань словно отталкивает радиоактивные пылинки, они на ней не задерживаются, легко состириваются. Этой способностью обладают почти все материалы, применяемые на станции: горячие камеры выстланы плитами нержавеющей стали, полы других помещений выложены специальным пластиком,— к нему атомы не «прилипают», а если и задержатся, то ненадолго: быстро смываются водой и специальными составами.

Прикрепляем к карманам вторые, на этот раз похожие на авторучки дозиметры — и в путь.

Территорию станции размежевал забор с калиткой и помещениями, пройти через которые имеют право лишь немногие. Выход оттуда, с той стороны, сейчас совершенно пустынной, посверкивающей холодом заснеженных холмиков, еще более строг. Он лежит через системы дозиметрических устройств, сквозь строй очень чутких счетчиков. Они осматривают вас с ног до головы, а затем с головы до ног и начинают тревожно звонить, если вы «попытаетесь» вынести радиацию...

Один из руководителей дозиметрической службы еще раз проверяет нашу экипировку. «Можете идти»,— разрешает он.

Растворились двери туда, где хранятся радиоактивные отходы, где навечно спрятана радиация, где она, упакованная в металл и бетон, отгороженная от всего живого, успокоена навсегда. В небольших постройках — датчики приборов, следящих за подземным поведением радиации. Это сторожевые посты дозиметрического контроля. Сейчас они молчат: все в порядке! Несколько таких построек стоят на границе бетонных хранилищ, надежно защищающих спрятанное в них от дождя, ветра, талого снега, солнца, от всего, что может потревожить покой захоронения. Вся площадка

Там, за воротами — автомобиль, привезший радиоактивные отходы.

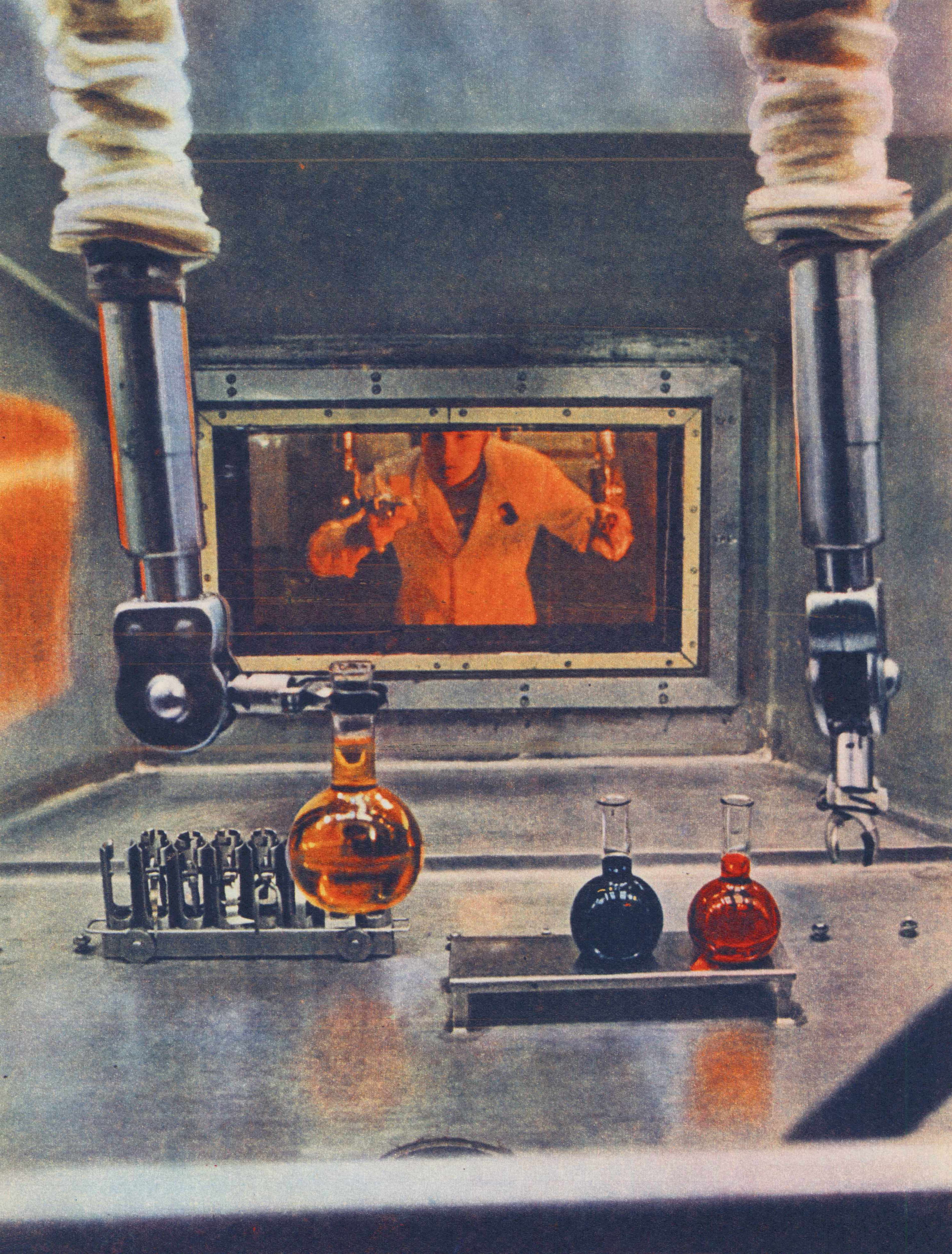
Чтобы попасть в «горячую камеру», надо не только облачиться в специальный костюм, но и открыть пятитонного веса дверь.

На развороте вкладки:

Один из конвейеров станции радиационной безопасности.

находится на возвышенности, высоко над грунтовыми водами. Здесь-то и вырыты бункеры, выложенные бетонными плитами, зацементированные, а иногда и изолированные стальной рубашкой. После испытания таких емкостей сюда можно помещать отходы. Конечно, радиация идет из них, но тут же, уткнувшись в бетонную преграду, отступает. Лучи мечутся по такому бункеру, всюду встречают заслоны и, будучи не в силах прорваться сквозь них, замирают, навсегда остаются под толщей защиты.

— Навсегда?— спрашиваем дозиметриста.

По-видимому, не мы первые задаем подобные вопросы. Он улыбается, показывает безмолвные приборы. А потом обстоятельно рассказывает, обращая наше внимание на систему, улавливающую малейшее движение атомов. Перекрестное, не прекращающееся ни днем, ни ночью наблюдение ведется едва ли не за каждым метром «могильника». И если вдруг радиация просочится сквозь толстенные стены, ее тут же «засекут», и сообщение об этом понесется на пульт управления, заставит тревожно перемигиваться установленные повсюду красные лампы-сигналы.

— Но таких случаев не было,— говорит дозиметрист.— И быть не может.

Заявляет он это решительно и тут же выкладывает перед нами расчеты.

В бункерах хранятся сухие отходы — лабораторная одежда, приборы, которые прежде верно служили атомному производству. Их помещают сюда на вечное хранение.

Вот-вот должны подойти машины, которые привезут сюда радиоактивные отходы. База располагает своим, мы бы сказали, атомным автотранспортом. Машины оснащены бронированными контейнерами, имеют солидные, из плотного металла экраны. В кабине каждого автомобиля радиостанция: на протяжении всего пути поддерживается постоянная двусторонняя связь с радистом станции. Вот и сейчас:

— Я «кобальт». Прошел семнадцатый километр.

— Ждем вас, «кобальт»...

Мы выезжаем на перекресток — встретить необычный кортеж. Вместе с «кобальтом» идет еще несколько машин. Вон они показались из-за пригорка, одна за другой. Их опекают два орудовских «газика» — один впереди, другой замыкает колонну. Помаргивает предупреждающий огонек сигнального фонаря. Внимание! Водители «газиков», старшины милиции предупреждают встречные машины об особом грузе, попридерживают идущих сзади — не обгонять! Но даже сопровождающие автомобили не сворачивают сюда, на эту дорогу. Они замедляют ход, останавливаются, пропускают колонну и, развернувшись, укатывают обратно. А машины въезжают на станцию...

Цистерна сливает в невидимый нам подземный люк жидкие отходы. Вся операция длится считанные минуты. Разгрузившись, машины тотчас же направляются на мойку — в помещение, полностью изолированное от других. Захлопываются ворота. Струя моющего раствора обрушивается на автомобиль. Ручейки стекают вниз, на покатую сталь пола. Ни одна капля воды не утечет отсюда. Все попадет в особую систему очистки и выпаривания, а затем по замкнутому кругу вернется в моечное отделение.

Сейчас разгружается еще один автомобиль-цистерна. Мы метрах в пятнадцати от него.

— Можно сказать, стоим на баке с радиацией?

— Бак находится не тут.— Дозиметрист показывает в сторону.— Место слива соединено с подземным баком трубопроводом. Он не позволяет улетучиться ни одному миллиграмму жидкости.

Мы продолжаем атаковать дозиметриста своими, может, несколько наивными вопросами.

— Итак, бак из нержавеющей стали принял отходы. Но не случится ли, что через год-два, пусть через десять лет, радиоактивная вода проточит металл? И тогда грянет беда, в почву уйдет радиоактивный раствор...

— Этого быть не может! И не только потому, что подземные емкости исключительно надежны конструктивно и находятся под ежеминутным контролем, позволяющим с более чем достаточной точностью и полнотой определить состояние бака. Раствор регулярно выбирается отсюда и с привычными тут предосторожностями — капли не потеряется! — перевозится туда, где установлена бетономешалка.

Как и многие другие здешние механизмы, бетономешалка управляется дистанционно. Цемент заливают радиоактивным раствором. Смешивают их, а затем из этой смеси отливают кубы настолько прочные, что никакая сила — ни вода, ни ветер — не извлечет из них радиоактивность.

На территории базы близится к завершению оборудование комплекса по переработке радиоактивных отходов. Этот завод уникален. Мы переходим из цеха в цех, силимся приоткрыть пятитонного веса двери в горячие камеры, заглядываем за окна, освинцованные стекла которых весят без малого полторы тонны,— все тут поражает непосвященного человека. Технологическая линия. На ней можно без прикосновения рук принимать отходы, рассортировывать их, направлять в печь или под пресс. С забронированного стеклом и бетоном, отлично оборудованного пульта дистанционно и автоматически ведется управление сложнейшими машинами и механизмами, перерабатывающими отходы,— они сжигаются и прессуются, выпариваются или превращаются в блоки и монолиты...

Часть отходов привозят в герметически закрывающихся контейнерах. Их опорожняют, а затем «посуду» отправляют в цех дезактивации. Блестящий, но, несмотря на это, считающийся «грязным», бак попадает на рольганг, перекатывается по нему — потоки горячей воды и дезактивирующего раствора отмывают контейнер. А тут еще и щетки и мочалки. Когда наконец контейнер попадает в конец коридора, его встречают и осматривают счетчики: если оставшаяся доза радиации превышает допустимую правилами безопасности, контейнеру придется прекратить свою службу. Он сам станет отходом, и не миновать ему прессовки, захоронения.

...Есть у советской атомной промышленности строгий, неукоснительно выполняемый закон—сверхпредосторожность. На станции применяются самые совершенные изоляционные материалы, самые строгие меры предосторожности. Душевые комнаты, полная смена одежды перед выходом на рабочее место, постоянные медицинские осмотры, разветвленная дозиметрическая служба. Никому не дано нарушать подчас обременительные, но обязательные инструкции. Малейшее нарушение наказывается со всей строгостью. Нам рассказывают об этом по дороге в столовую. Едем обедать километров за семь, специальными автобусами. На станции места для столовой не оказалось: так требуют правила. Водопровод сюда протянули издалека — пользоваться местной водой запрещено. И тут нельзя не обратить внимания еще на один парадокс: столь строгий порядок создает порой представление о работе с атомом как об особо вредной. Весь защитный комплекс, все предосторожности подчас принимаются лишь как приметы высокой вредности производства, а не его культуры. Между понятиями «вредность» и «опасность» легко и ошибочно ставится знак равенства.

Атом и его отходы действительно опасны. Но при правильном обращении с ними они практически безвредны. Одно сравнение. Электричество опасно? Да, опасно. Но кому из нас придет в голову считать его вредным? А страх перед радиацией порой оказывается сродни суеверию...

И мы спрашиваем собеседника как о чем-то, с нашей точки зрения, само собой разумеющемся:

— Радиоактивность воздуха в районе станции, конечно, повышена?

— Нет,— отвечают нам.— Фон — почва, вода, воздух — не стал более радиоактивным после того, как «могильник» принял первые килограммы отходов. Станция работает давно. И ни разу тут не было недоразумений.

ЧП на базе, если счетчик чуть колыхнулся. Но его стрелка — на нулевой отметке. С первого и по сегодняшний день. Радиоактивные отходы спрятаны надежно!

В «горячей камере» обезвреживаются отходы, имеющие повышенную радиоактивность.

ПУСТЬ У ВАНИ БУДЕТ ОТЕЦ

Читателям хорошо известна повесть Анатолия Калинина «Цыган», первая часть которой публиковалась в 1960 году.

Поэтому, когда в конце прошлого года «Огонек» напечатал продолжение, редакция получила много откликов.

«Я готова лететь на крыльях в киоск за журналами, чтобы скорее прочесть, как будут счастливы Будулай и Клавдия. Кажется, я сама была бы от этого счастлива»,— писала К. И. Лавриченко из Орджоникидзе.

«С большим увлечением читала начало Вашей повести в прошлые годы,— обращалась к писателю М. И. Вавилова из Ленинграда.— Позднее смотрела фильм, который оставил очень глубокое впечатление. Но я, как и каждый зритель и читатель, очень сожалела, что Вы не довели это произведение до конца. Все искренне хотели, чтобы Вы дописали повесть, хотя никто не был в этом уверен. И неожиданно появившееся в «Огоньке» продолжение было большим сюрпризом для читателей. Это как встреча с хорошим другом.

Каждый номер я жду с большим нетерпением, считая дни до поступления свежего «Огонька»... Вообще, все Ваши произведения читаю с большим интересом. У Вас чудесный, сочный язык, ярко психологически очерчены персонажи! Вы очень живо ощущаете красоту природы. Это не каждому писателю удается.

Пишите больше, читатели любят Ваши произведения».

Но некоторые читатели оказались недовольны завершением повести:

«Просто немыслимо думать, что на этом может окончиться рассказ о жизни двух таких хороших, сердечных людей, как Клавдия и Будулай. Неужели они не встретятся?» — взволнованно спрашивали читатели из с. Радьковка, Белгородской области.

Группа женщин со станции Джамбул, от имени которых писала Г. Бочевская, сообщила о том, что они просто «травмированы» концовкой повести, и просила писателя продолжить работу над этим произведением.

Очень «обиженное» письмо прислала А. Калинину С. Е. Борисова из Нахабино:

«Вы, такой талантливый писатель, должны были завершить повесть по-иному. Во всяком случае, герои должны встретиться, поговорить о наболевшем, решить судьбу Вани и свои судьбы».

«Уважаемый Анатолий Вениаминович, только не обижайтесь, но Вы испытываете нервы читателей на прочность.

Повесть чудесная, но конец?!

Встречу героев ждешь на каждой строчке, а ее нет и нет. Вы просто не сочувствуете влюбленным.

Не могли бы Вы сделать конец другим? Разве это трудно? А может быть, будет продолжение?» — с надеждой обращалась к А. Калинину М. Синельникова из Пензы.

Были в письмах читателей и более настоятельные просьбы дописать повесть.

«Мы, ученики 10-го класса г. Харькова, очень просим Вас дописать «Цыгана». Если бы Вы знали, с каким нетерпением мы ждали каждый номер «Огонька» с Вашей повестью. Но конец нас очень расстроил. Зачем Клавдия опять опоздала? Зачем не увиделась с Будулаем? Зачем Настя? Получается, что это конец неоконченной жизни. Допишите. Мы Вас очень просим. Ваня так любил Будулая. Он был для него вторым человеком после мамы. Он должен иметь отца. Если бы Вы знали, как плохо жить без отца. Он тебе снится по ночам. Я это знаю, так как у меня нет отца. Мне некого называть папой. В нашем классе только я одна такая.

Последние строчки я приписала от себя лично, а не от всего класса. Зовут меня Любой. А весь наш класс просит дописать эту повесть. Мы хотим, чтобы Клавдия и Будулай были вместе. Пусть у Вани будет отец».

Но вот недавно утренняя почта «Огонька» принесла письмо из хутора Пухляковского от директора совхоза Т. И. Вороновского, который просил опубликовать в журнале следующее небольшое сообщение:

«На днях состоялась встреча директоров совхозов, председателей колхозов и специалистов сельского хозяйства Усть-Донецкого района с нашим земляком писателем Анатолием Калининым.

Анатолий Вениаминович поделился своими творческими планами, рассказал об окончании своей последней работы, той, которую, вероятно, с таким нетерпением ждут все читатели «Огонька» — третьей части повести «Цыган».

Когда мы позвонили А. Калинину, он подтвердил, что повесть действительно закончена и выслана в редакцию.

ПРИНАДЛЕЖИТ РОССИИ...

Вера РОССИХИНА

Почему проводятся лишь в узких аудиториях и крайне редко концерты, имеющие ценность огромную, ценность историческую, воспитательную, патриотическую?

Творчество русских композиторов доглинкинского периода — Березовского, Бортнянского, Веделя, Фомина — в царское время упоминалось лишь изредка. Предшественники великого Глинки считались второстепенными композиторами, лишь разрыхлявшими почву для гения. Произведения крупнейших самородков, выходцев из народной среды, прозябали в безвестности. И только в наши дни начала заново раскрываться необычайная музыка, полная величия и вдохновенной красоты. Музыка, создававшаяся еще в восемнадцатом веке детьми простых крепостных мужиков.

Сын солдата Е. Фомин с шести лет обучался в музыкальных классах Петербургской академии художеств; М. Березовский и Д. Бортнянский получили первоначальное образование в Петербургской придворной певческой капелле, куда их привезли в отроческом возрасте при наборе певчих с Украины.

Все они за выдающиеся успехи были отправлены в Италию — усовершенствовать профессиональное мастерство. За рубежом творения русских музыкантов обретали широкое признание: Фомин и Березовский почти одновременно с Моцартом удостоились звания академиков знаменитой в то время Болонской филармонической академии. Оперы Бортнянского, отличавшиеся безупречным вкусом, изяществом, певучестью музыкального языка, ставились в театрах Венеции, Модены.

Но Санкт-Петербург сурово встретил своих сынов, возвратившихся из Италии. Лишь Бортнянскому удалось добиться признания и отстоять право на творческий труд. Его романсы, клавирные сонаты, камерные ансамбли и оперы исполнялись в концертах, в музыкальном театре. Со временем он занял пост руководителя придворной певческой капеллы, для которой создал сорок пять хоровых концертов, покорявших слушателей не только возвышенным пафосом, но и лиризмом, близостью к интонациям песен народа, городского романса и оперы.

Евстигней Фомин — автор девяти театральных произведений, написанных в различных жанрах, в том числе чудесной мелодрамы «Орфей»,— после десяти лет работы для русского театра получил весьма скромную служебную должность: «репетитора партии при Театральной дирекции», он ушел из жизни, не достигнув сорока лет.

Что заставило Максима Березовского, автора оперы «Демофонт», поставленной в Италии, и ряда поэтичнейших концертов для церкви, в тридцатидвухлетнем возрасте покончить жизнь самоубийством? Какие жизненные бури обрекли на жизнь бродяги Артемия Веделя, тончайшего музыканта?.. Он разделил участь многих самородков, скитавшихся по дорогам и бездорожью России.

История пока не ответила на эти вопросы. Но ясно, что жизнь того времени оказалась безжалостной к этим замечательным художникам. Но и они покидали ее непокоренными. Прислушайтесь к «Орфею» Фомина, к возвышенным песнопениям Березовского и Веделя, создававшимся для церкви: в них нет смиренной покорности, рабского повиновения религиозному догмату. В них не услышать призывов к аскетической отрешенности от треволнений житейской борьбы. В этой музыке все исполнено страсти, силы, требовательности. В ее интонациях и ритмах, в ее динамике — огромные творческие потенции народа. Церковные концерты, исполнявшиеся под сводами величавых русских храмов, были проникнуты высоким парением духа, предчувствием великих народных движений...

Современность вернула интерес к этой музыке, причем не только в нашей стране; она обрела славу интернациональную.

Изучением творчества старинных музыкантов и духовных сочинений классиков XIX века — Чайковского, Рахманинова, Гречанинова, Танеева — занимаются различные хоровые коллективы, в том числе Государственный русский академический хор СССР, руководимый А. В. Свешниковым. Профессор Ленинградской консерватории И. В. Бражников занят сложнейшими исследованиями: он расшифровывает старинные произведения, записанные не нотными знаками, а своеобразными обозначениями,— их называют «крюковой записью».

Огромную работу по организации концертов забытой русской музыки проводит музыкальная секция Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры нашей Родины. Ее возглавляют композитор Г. В. Свиридов и его заместитель профессор Ю. В. Келдыш.

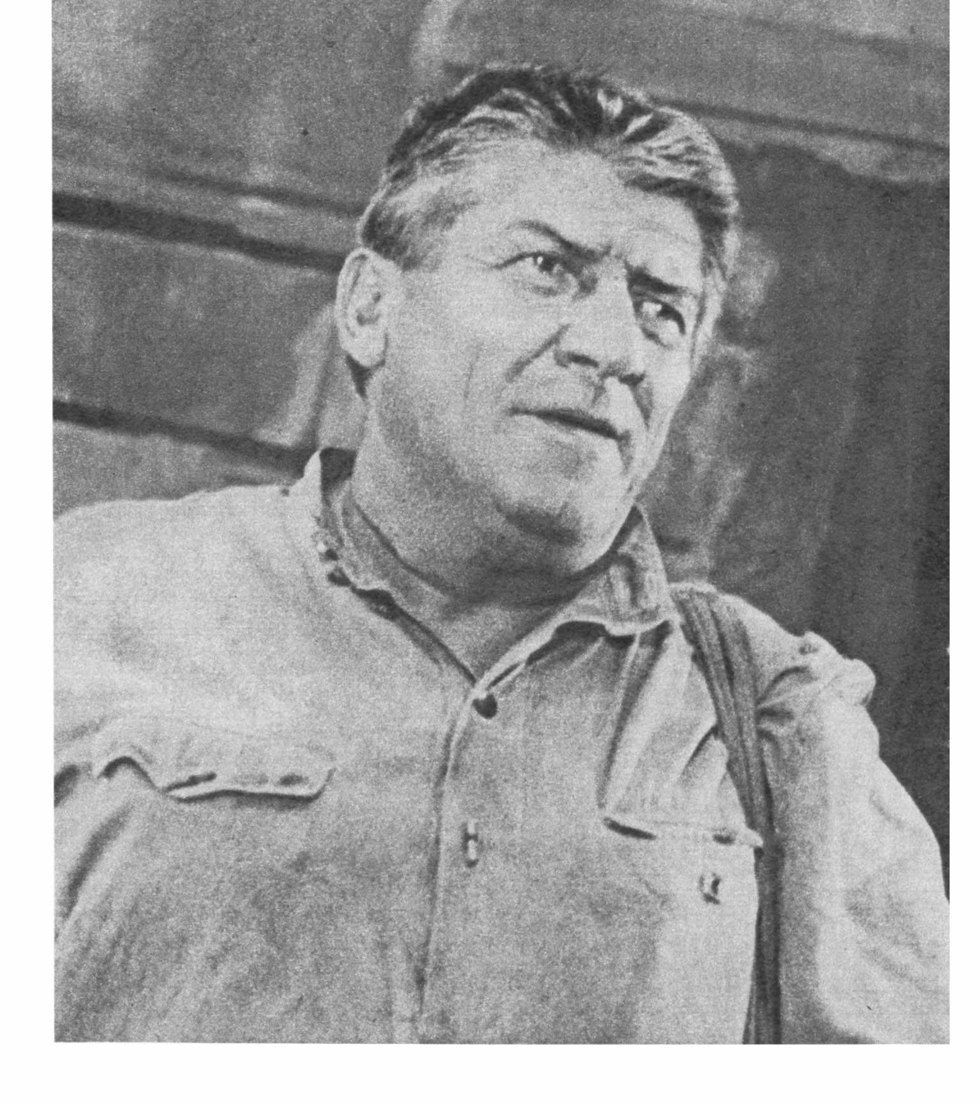
Очень велики заслуги Республиканской академической хоровой капеллы, во главе которой находится замечательный музыкант нашего времени Александр Александрович Юрлов. В репертуаре капеллы — хоровые и вокально-симфонические произведения советских композиторов, а также старинная русская музыка. В исполнении этого хорового коллектива она обретает свое второе рождение.

По инициативе А. А. Юрлова программы, посвященные забытой музыке, строятся так, что перед слушателями как бы возникает путь развития и возмужания нашего музыкального искусства. Он проходит от древних, суровых, унисонных напевов русского средневековья, через праздничные, фанфарные канты петровских времен к музыке композиторов XVII века и, наконец, к лучезарному Глинке с его «Славься, славься, наш русский народ», как бы озаренному ослепительным солнцем...

Новые и новые толпы слушателей ныне уже не вмещаются в концертных залах...

Дирижирует А. А. Юрлов.

Убежден и муж

Непрерывной чередой бегут одна за другой морские волны, плещут и разбиваются о скалистый остров неподалеку от Франции... Тысячи, десятки тысяч военнопленных направлены сюда, на этот остров, гитлеровским командованием. Их задача — укрепить атлантический оборонительный вал, изрядно потрепанный союзнической авиацией. Разноязыкая речь слышится в колоннах военнопленных: русская, грузинская, украинская, французская... На возвышении Мюллер и Хазе — немецкие офицеры; рядом с ними пленный советский офицер Карпов: ему доверено руководить всеми восстановительными работами. Мюллер приказывает: «Работать день и ночь без перерыва. Срок — пятнадцать дней». А Карпов вдруг обязуется закончить работы в десять дней!.. Недоброе, напряженное молчание военнопленных служит ему ответом. Немцы идут между рядов. Хазе приказывает взять одного, другого, третьего... И тут пожилой коренастый человек говорит: «Я согласен».

«Кто это?» «Захаров. Солдат Иван Захаров!»

Так начинается широкоформатный цветной фильм «Далеко на Западе», поставленный Александром Файнциммером по сценарию Георгия Мдивани. Фильм о мужестве и бесстрашии. О неистребимой воле советских людей к победе. О том, как они вместе с французскими патриотами боролись против фашизма.

Военнопленные уже готовы расправиться с Карповым, считая его фашистским холуем. Но подождем торопиться с выводами.

Карпов окажется совсем другим...

Сложно разобраться и в том, каков солдат Иван Захаров. Не впадая ни в натурализм, ни в патологичность, Николай Крючков поначалу убеждает нас, что человек этот будто не в своем рассудке: многие поступки его кажутся прямым следствием контузии, и к этому уже привыкли окружающие...

Пылкие и нетерпеливые французские патриоты подготавливают взрыв крепости. Горит бикфордов шнур. В панике мечутся немцы. И в самую критическую минуту к шнуру бросается Захаров, невесть откуда взявшийся; он предотвращает взрыв. Кажется, что и в этот момент им движет безрассудство, нечто стихийное... И только тогда, когда военнопленные одерживают победу, Карпов говорит, указывая на своих помощников: «Это офицеры подпольного штаба, я комиссар соединения, а руководителем восстания и командиром является полковник Красной Армии Иван Захаров!..» Лишь теперь понимаешь, какую же хитроумную, полную риска игру вел этот человек! Игру, требовавшую не только высочайшего мужества, но и глубокого знания психологии, огромного актерского дара...

Все то, что открылось нам в Иване Захарове, Н. Крючков в дальнейших эпизодах особо подчеркивает и укрупняет. Мы видим волевого и дальнозоркого командира, хитрого, бесстрашного человека необычайной моральной и физической выносливости. А главное — непоколебимого в своей убежденности, в своей преданности патриотической идее. Образ, созданный Крючковым, можно с полным основанием назвать выдающейся актерской работой. Но это не фильм одного актера. Здесь выступает яркий и сильный актерский ансамбль. Сложный внутренний путь своего героя раскрывает У. Лиелдидж, играющий немецкого инженера Бамлера, который постепенно приходит к сознанию, что правда на стороне людей, борющихся с фашизмом... Содержательный, глубоко человечный образ француженки Элен создает актриса Г. Андреева. С большой искренностью играют Н. Протасенко советского солдата Кочергина и А. Вертоградов — французского патриота Жервиля...

Фашистское командование принимает решение во что бы то ни стало подавить восстание на острове. На небольшой клочок земли выбрасывают десант за десантом... Батальные сцены, снятые оператором Л. Крайненковым, производят огромное впечатление.

Силой мужества, патриотизма побеждены огонь и железо, фашистские атаки отбиты... Вечным сном спят советские и французские солдаты, рядом павшие в борьбе. Штаб восстания принимает решение взорвать крепость, покинуть остров и влиться в ряды Сопротивления на континенте. И вот уже уходят вдаль рыбацкие фелюги, а в амбразуре дота на острове француз Дюваль — его играет артист Г. Плаксин — поворачивает ручку взрывной машинки.

...Нельзя вместить в краткий рассказ о фильме все его мотивы, всю проблематику. Но одну тему необходимо выделить: она пронизывает сценарий Г. Мдивани, получая на экране наглядное и сильное образное выражение. Это мысль о том, что победа добывается в бою, что достоинство человека измеряется способностью к борьбе, к сопротивлению силам зла и тьмы.

Фильм «Далеко на Западе» показывает людей, убежденных в том, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Невольно вспоминаются кадры из некоторых других кинокартин, рисующих вереницы людей, безропотно и покорно шедших в газовые камеры. Герои, с которыми нас знакомит фильм, далеки от покорности и безропотности: это люди деяния, подвига, борьбы. Они добывали победу своей кровью, своей жизнью. В их сердцах слиты воедино чувства патриотизма и интернационализма. И когда француз Дюваль на ломаном русском языке говорит Ивану Захарову: «Национальный совет Сопротивления говорит вам мерси. Вы много сделали для наша родина»,— он слышит в ответ: «Мы коммунисты, господин майор. И мы везде сражаемся на стороне свободы».

Так было в минувшую войну. Так и сегодня. Сердце нашего народа со свободолюбивым и героическим Вьетнамом. С теми, кто отстаивает свою независимость против израильских агрессоров...

Талантливый, боевой, страстный фильм «Далеко на Западе» напоминает об этом агрессорам всех мастей.

Юр. ЗУБКОВ

НОСТЬ
ЕСТВО

Леонид **МЕДВЕДКО**

Фото автора.

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ИОРДАНА

Жертвы очередного «удара возмездия», который был нанесен по иорданской деревне Куфур Асад.

«Добро пожаловать на святую землю». Этот плакат на английском и французском языках встречает каждого путешественника, прибывающего в Иорданию. Он призывает настроиться на благочестивый лад, разжигает интерес: каковы же на самом деле эти «святые места»?

Такое же чувство я испытал, когда пять лет назад впервые ступил на землю Иордании. Большинство «святых мест» расположено на Западном берегу Иордана. Я побывал тогда и в Иерусалиме, и на Голгофе, где якобы распяли Христа, и в Вифлееме у грота, где он якобы родился, и в Хевроне у предполагаемой могилы Авраама, и в Иерихоне на месте, где должна была бы стоять стена, рухнувшая от мощных звуков иерихонских труб. Повсюду туристы, увешанные фотоаппаратами и кинокамерами, толпы верующих — христиан и мусульман — с маленькими евангелиями или четками в руках. Тут же шла бойкая торговля сувенирами, а заодно различными товарами местного производства и «случайными» археологическими находками. Гиды замедляли ход у лоточков с сувенирами и витрин магазинов, предоставляя своим подопечным возможность раскошелиться. От всей этой суеты «святые места» казались очень земными и даже прозаичными. «Индустрия туризма» приносила Иордании до войны прибыль в 34 миллиона долларов — больше, чем от экспорта всех товаров, вместе взятых. И все же, несмотря на туристскую суматоху, в долине Иордана, расположенной почти на 400 метров ниже уровня моря, где голоса звучат приглушенно, воздух кажется таким тяжелым, солнце — горячим, а звезды — большими и таинственными, жизнь представлялась спокойной и умиротворенной. Библейские пейзажи — безжизненные берега Мертвого моря, извилистое русло Иордана, гряда ступенчатых известковых холмов, вечнозеленый, благоухающий круглый год жасмином и лимоном оазис Иерихона, стада овец на каменистых склонах, маячащий вдали караван верблюдов — притягивали сюда туристов и паломников со всего света...

Совсем другой я увидел долину Иордана сейчас. Меня сопровождал иорданский офицер. Мост Абдаллы, по которому раньше шел основной поток машин из Аммана на Западный берег, разрушен войной. От него остались лишь развороченные и вздыбленные бетонные плиты, которые, кажется, вот-вот рухнут в мутную воду Иордана. В 50 метрах выше по течению построен временный деревянный мост. Белая стрелка с указанием расстояния до Иерусалима перечеркнута черным крестом — дорогу перекрыла война. Мы свернули вправо, к городу Салт, который недавно подвергся бомбардировке израильской авиации.

По обеим сторонам дороги виднелись обгоревшие остовы автомашин, разрушенные дома, огромные воронки от бомб, вылизанные огнем напалма черные плеши посреди зеленых виноградников и огородов. В самой долине Иордана повсюду тоже были видны следы войны. Полупустые деревни, оставленные лагеря беженцев, безлюдные улицы города Караме, полностью разрушенного израильской артиллерией и авиацией, группы утомленных людей с узелками и мешками на плечах, стоящих у дороги в ожидании попутных машин.

— Нет, это не беженцы,— объяснил мне иорданский офицер.— Израильские оккупанты выгоняют арабов из их домов на Западном берегу и под угрозой тюрьмы заставляют переправляться на Восточный берег. Каждый день по мосту Алленби сюда прибывает несколько сот таких «перемещенцев», в основном женщины, старики и дети.

Подъезжаем к реке. На правом берегу из-за мешков с песком выглядывают дула автоматов и пулеметов. Рядом с разрушенным зданием торчит деревянная мачта. На ней прикреплен израильский флаг. Ветер туго закрутил полотнище вокруг древка. Размотать его теперь можно, только опустив. Но этот замотанный флаг — первое доказательство экстремистских претензий оккупантов. Они считают тот берег своим.

На гребне известковых белых холмов показалась черная цепочка израильских солдат. Помаячив, они быстро исчезли, словно провалившись сквозь землю. Потом опять вынырнули на другом холме.

— Прибыло новое подкрепление,— объяснил мне офицер, наведя бинокль на противоположный берег.— Знакомятся с местностью. А во второй половине дня жди опять стрельбы.

Здесь, у моста, офицер познакомил меня с солдатом Ахмедом. В его семье было двенадцать человек. Отец убит во время войны. Мать с детьми, оставив дом в Иерусалиме, нашла прибежище в лагере около Караме. Две сестренки погибли во время артобстрела. Уцелевших переселили в лагерь около Аммана. Ахмед стал солдатом регулярной иорданской армии, брат поступил в партизанский отряд. И каждую ночь, когда на другом берегу раздается стрельба, Ахмед, схватив автомат, устремляется к реке, не дожидаясь сигнала тревоги.

В первой половине дня около моста оживленно. Длинная вереница грузовиков и такси. Шоферы на правом берегу заменяют израильские номера на иорданские. На левом берегу поверх иорданских прикручивают израильские. Иначе их не пропустят на оккупированную территорию. Каждый день по мосту проходит до четырехсот машин. Хотя оккупация оторвала правый берег от левого, торговля продолжается. На левый берег идет продукция с предприятий Наблуса, Рамаллы, Халиля, овощи, фрукты, а на правый берег — в оккупированные районы — доставляют текстиль, другие промышленные товары, сырье, гонят скот.

Правительство Иордании рассматривает оккупированную территорию по-прежнему как один из административных районов страны, находящийся в ведении иорданских гражданских властей. Работники муниципалитетов, учителя школ в оккупированных районах продолжают получать жалованье из иорданской казны. Израильские власти, хотя и объявили оккупированные районы своей территорией, тем не менее терпят подобное «двоевластие». Это объясняется не только политическими, но и чисто меркантильными соображениями. Содержание местных властей в оккупированных районах за счет иорданской казны и торговля с Восточным берегом дают Израилю приток валюты в виде свободно конвертируемых иорданских динаров. Именно поэтому в первой половине дня, до 14 часов, у моста Алленби царит на первый взгляд атмосфера перемирия. Но только на первый взгляд.

У моста я вижу плачущего мальчика лет десяти. Его серые глаза опухли и покраснели от слез. Спрашиваю, как его зовут.

— Хасан,— отвечает он, не переставая всхлипывать.

— Ты откуда?

Он называет деревню около Иерихона, на оккупированном берегу.

— Как же ты очутился здесь?

— Мы с матерью после войны бежали на этот берег. Жили в лагере около Караме. Брата убили на войне. Отца израильтяне бросили в тюрьму. Когда Караме бомбили, а потом обстреливали, один снаряд попал в дом, где мы жили. Мама погибла. Я остался один. Жил с теткой в лагере беженцев Бакуа. Теперь она заболела, и я хочу вернуться в свою деревню, к бабушке. А вот он,— Хасан показал на израильского полицейского, прохаживающегося по другую сторону моста,— не пускает. Требует пропуск.

— Он уже три дня стоит здесь около моста и плачет. Но разве их разжалобишь!..— произнес иорданский офицер, посмотрев в сторону израильского патруля.

Израильский сержант стоял, широко расставив ноги, как стоят обычно американские по-

лицейские. Глубокая белая каска тоже явно американского образца, расстегнутая канадская куртка цвета хаки, высокие ботинки.

У моста Алленби я узнал о множестве людских трагедий. В те дни во многих городах Западной Иордании проходили массовые демонстрации и забастовки против оккупационного режима и репрессий израильских властей. Для разгона демонстраций и борьбы с забастовщиками оккупанты использовали войска. Был введен комендантский час почти во всех городах на Западном берегу Иордана: Иерусалиме, Иерихоне, Наблусе, Рамалле, Хевроне, Дженине. Тысячи жителей, в том числе сотни школьников и женщин, были арестованы и брошены в тюрьмы. Каждый день иорданские газеты сообщали о новых преступлениях израильской военщины в оккупированных районах. В Иерусалиме оккупанты застрелили трех арабских детей только за то, что они играли на улице во время комендантского часа. В одном из кварталов города израильские солдаты выгнали ночью из домов все население и под предлогом поисков партизан и проведения обысков продержали людей на улице под дулами автоматов до самого утра. В Иерихоне в одну ночь было арестовано 40 жителей, среди них пятнадцать подростков.

В редакции газеты «Ад-Дустур» я беседовал с одной учительницей. Она была выселена оккупантами из Наблуса за участие в антиизраильских демонстрациях. Поводом для них, как рассказала учительница, послужило убийство школьницы Шадии Абу Газалии, которую израильские власти хотели тайком похоронить где-то за городом. Чтобы подавить движение сопротивления, в город ввели войска — танки, бронетранспортеры. Похороны Абу Газалии вылились в мощную демонстрацию, в которой приняли участие учащиеся и преподаватели всех 30 школ Наблуса. Войска сначала сделали несколько залпов в воздух, а затем применили слезоточивые газы и направили на демонстрантов из брандспойтов под большим напором струи воды со специальными красителями. После разгона демонстрации в городе начались массовые аресты участников. Их узнавали по пятнам на одежде от подкрашенной воды.

Многих арестовывали просто «для профилактики». Более двадцати влиятельных граждан города, в том числе и учителей школ, израильские власти выгнали на Восточный берег. С несколькими из них я встретился. Две девушки только вчера еще находились за решеткой тюрьмы.

Наблус, рассказывают они, все еще находится на осадном положении. Школы не работают, магазины закрыты. На улицах безлюдно, только израильские патрули. Зато тюрьма переполнена. Там по меньшей мере четыреста человек. Но борьба продолжается. Заключенные в знак протеста против бесчеловечного обращения с ними объявили голодовку. Многие во время допросов подвергаются жестоким пыткам — иорданцев держат без пищи и воды, бьют, прикладывают к коже горящие сигареты.

Когда же об этом стало известно в городе, израильский военный комендант Наблуса Шауль Джадави организовал экскурсию в тюрьму для иностранных журналистов. Им показали несколько «образцовых» камер с вентиляцией и чистыми постелями, но... без заключенных.

Более шести месяцев просидел в тюрьме Газы Мустафа К.

— Я вынужден был покинуть свой родной город,— рассказал Мустафа.— Нас бросили в тюрьму, потому что в каждом арабе оккупанты видят партизана. Но именно там, в тюрьмах, мы все становимся партизанами. Захватчики сами помогают нам выбрать единственно правильный путь — путь борьбы за освобождение родины.

Рассказ Мустафы дополнили Набиль и Ахмад, которых выслали на Восточный берег после того, как они просидели несколько месяцев сначала в тюрьме Рамле, а потом в концлагере Сарафанд.

— То, что мы там увидели и пережили,— вспоминал Набиль,— нельзя описать словами. Каждый день на наших глазах пытали и избивали до полусмерти ни в чем не повинных людей. В военной тюрьме Сарафанд особой жестокостью отличался капитан Менши Голян, настоящий изверг и садист. Израильская пропаганда любит рекламировать «гуманизм» своих оккупационных властей. В качестве основного аргумента она выдвигает приговоры, выносимые арестованным партизанам, из которых якобы никто еще не был казнен.

Да, публичных смертных приговоров они не выносят. Но сколько участников сопротивления или просто подозреваемых в принадлежности к партизанам замучено до смерти и убито во время допросов в застенках тюрем и концлагерей в Сарафанде, Рамле, Газе, Наблусе и других городах Западной Иордании! Мы сами были свидетелями,— продолжал Набиль,— как выносили безжизненные тела заключенных после очередной «беседы» с ними капитана Голяна... Но никакими зверствами и пытками оккупанты не смогут запугать нас.

Проехав по пустынным улицам разрушенного города Караме, наша машина, подобно самолету, стала быстро набирать высоту. После доброго десятка виражей мы достигли наконец уровня моря. Я бросил прощальный взгляд вниз, на долину Иордана. В мареве вечерних сумерек я не мог разглядеть уже ни разрушенного моста Алленби, ни зияющих воронок от бомб, ни зловещих развалин Караме, ни тем более шатающейся мачты с закрученным на ней израильским флагом. Коричнево-черная лента библейской реки, ставшая не столько линией прекращения огня, сколько линией перестрелок, причудливо извивалась в долине, живущей между миром и войной.

Всеволод **КОЧЕТОВ**

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

На Ваганьковском кладбище шли похороны. Вокруг черной ямы в рыжей земле, в которую студеный ветер заметал с дорожек сухой морозный снег, толпилось человек сто народу с прощально обнаженными головами. Тихо плакала в измятый платок пожилая вдова; ее поддерживали под руки сын и дочь, уже взрослые и давно имевшие свои семьи; тесно стояли тут же внуки — встревоженные мальчишки и девчонки. Товарищи покойного говорили речи, говорили просто, по-домашнему, не заботясь о стиле выражений, но по их словам каждый, не знавший его, мог составить представление об умершем от инфаркта шестидесятитрехлетнем человеке, который всю жизнь свою отдал служению делу народа. Был он крестьянским парнем,— говорили над ним, лежавшим в открытом гробу под хмурым январским небом,— учился в комвузе, потом служил политработником в Красной Армии, потом — в органах государственной безопасности, во время войны забрасывался в тылы противника, имеет много правительственных наград, и жить бы ему еще да жить, но вот не щадил себя, не искал, где полегче, где поспокойнее, и смерть подобралась к нему прежде срока.

За спинами обступивших могилу и гроб с останками того, кто еще несколько дней назад был коренастым, плотным человеком с неутомимыми, крепкими ногами и сильными руками, держался худой и сутулый, никому тут не ведомый посторонний, до глаз укутанный пастушечьим кавказским башлыком. Никто не обращал на него никакого внимания, но он, как бы страшась, что такое внимание все-таки обратят, надвигал башлык на самые глаза и вместе с тем тянулся через плечи других, чтобы близко, совсем близко увидеть лицо покойного.

Он дождался, когда гроб засыплют землею, когда насколько возможно выровняют холмик из угловатых мерзлых комьев, когда застелят эти комья еловыми ветвями и охапками цветов, когда, наконец, друзья и родные решатся покинуть здесь навсегда того, с кем шли они по жизни многие-многие годы, не задумываясь над тем, что настанет такая страшная минута такого страшного расставания.

Кладбище опустело, уже смеркалось, в окрестных улицах загорались фонари, а неизвестный в башлыке все ходил вокруг могилы, все перечитывал, в упор вглядываясь в надпись на жестяной планке, прибитой к красному столбику: «Дмитрий Иванович Пшеницын. Полковник в отставке»,— все возвращался глазами к фотографии, помещенной тут же под небьющимся толстым стеклом. Фотография была старая, военных лет, покойный был на ней еще не седым полковником, а молодым капитаном и выглядел как раз таким, каким запомнился он с тех пор человеку в башлыке.

Это было под Псковом, на второй год войны. Сотрудник служившей немцам русской газетки «Новое время» катил по редакционным делам в рессорной двуколке. Серая лошадка бежала резво, весело. День стоял теплый, летний, пахло хвоей, травами, земляникой; живописная дорога змеилась среди молодых сосен, и как-то совсем нежданно-негаданно на ней появился в лесном безлюдье одинокий человек.

Человек шел навстречу, за спиной у него был виден немецкий автомат.

— А! — сказал он, не то радуясь встрече, не то чему-то удивляясь.— Кондратьев! Собственной персоной. Герр журналист! Ну-ка, выйдите из шарабанчика, побеседуем.

Человек в кепке, в линялой солдатской гимнастерке, в истоптанных сапогах был коренастым, видимо, сильным; да к тому же у него вот автомат с магазином, полным патронов.

Кондратьев, как его назвал встречный, опасливо сошел с двуколки. Сделать что-либо иное в подобных обстоятельствах было невозможно. Лошадь, отмахиваясь хвостом от оводов, принялась тотчас объедать листья с придорожных кустарников.

— В чем дело? Кто вы такой? — все же не без задиристости спросил сотрудник «Нового времени».

— Я-то ладно, я человек советский,— ответил встречный.— А вот кем вы стали, Кондратьев? Какую мерзопакость сочиняете для немецкой газетенки! Вам не стыдно?

— Чего вы от меня хотите?

— Я мог бы вас сейчас пристукнуть, продажный строчкогон, и это было бы со всех точек правильно. Вы изменник Родины, вы

Глава из романа «Чего же ты хочешь?».

ТРАХ

пособник немцам. Тут, как говорится, все до предела ясно. Но как же вы стали им, предателем-то, изменником? Вы же советский журналист, о чем здесь все знают. Вы годами писали за Советскую власть. И неплохо писали. Так что же, или вы притворялись тогда, говоря одно, а думая другое, или теперь служите немцам просто из трусости, только потому, чтобы сохранить жизнь? Если так, если вы прибились к ним из этих шкурных побуждений, у вас есть возможность поправить дело. Ступайте за мной, и я вам покажу выход.

— А кто все-таки вы такой? — продолжал хорохориться Кондратьев, теряясь в догадках, как ему быть, как выпутаться из скверной истории. Кто знает, что это за встречный лесной человек? Может быть, он из местных партизан; может быть, энкаведист какой-нибудь — их тут время от времени сбрасывают на парашютах; а может быть, и немцы решили проверить лояльность своего сотрудника? И так бывает. Подослали провокатора...

— Рано или поздно узнаете, кто я, — ответил человек, наблюдая за ним. — А сейчас давайте-ка решать: со мной вы или против меня?

— Видите ли, — заговорил Кондратьев, — так вот сразу я решить ничего не могу. Если вы меня знаете, то, может быть, вам известно и то, что у меня жена, ребенок в Пскове. Как же я их брошу? Немцы их уничтожат.

— А мы вам поможем. Мы их вывезем из Пскова.

— Ну, как же это? Нет, это опасно. Уж лучше я сам.

Человек опустился на сухую траву, закурил папиросу — ленинградский «Беломор».

— Хотите? — предложил, протягивая пачку.

— Не курю, спасибо.

— А то, может быть, соблазнитесь? Видите? Фабрика Урицкого! Вы, господа кондратьевы, расписываете у себя по немецкой указке, что Ленинград задохнулся в блокаде, что все там умерло, все остановилось. А папироски-то самые свежие! Фабрика Урицкого продолжает их выпускать. На Васильевском острове которая. Эх, Кондратьев, Кондратьев!.. Да вы тоже присели бы. Чего стоите? Потолкуем. Расскажите, как вы тут остались, собкор областной уважаемой газеты, а?

— Говорю же — ребенок, жена...

— А сколько их, с детьми, с женами поуходило из этих мест в леса, к партизанам, а то и в Ленинград! Нет, не понимаю вас. Ну хорошо, остались. Предположим, иного выхода не было. Допускаю такой случай. Но какого же черта вам понадобилось наниматься к немцам?

— А вам бы к носу парабеллум приставили, вы бы что?.. Тоже бы, поди...

— Так уж и парабеллум?..

— Плохо вы их знаете. Они машина, шестеренка к шестеренке. Вызвали в комендатуру, приказали... В их зубья попадешь, не выберешься.

— Я же предлагаю помощь. Вытащим вас из зубьев.

— А потом судить будете? В Сибирь годочков на двадцать пять отправите, так, что ли?

— Все равно же судить будем, когда разобьем Гитлера. Но тогда уже не о годочках пойдет речь. Вздернем вас тогда, Кондратьев. А сейчас как знать... Может быть, на фронт отправят, в штрафную роту. Во всяком случае, сейчас еще есть время.

— Дайте подумать, говорю, с женой посоветоваться. Это же не простой шаг, не легкий.

— Что ж, валяйте, герр Кондратьев,— как бы утратив к нему всякий интерес, сказал человек с автоматом.— Я вас отпускаю, хотя, может быть, и делаю неправильно. Держать изменника за шиворот и отвести от него карающую руку закона само по себе тоже преступление. А я вот иду на него. «Жена, дети!..» — передразнил. он.— А у меня их нет, что ли, жены и детей?! Словом, валяйте. Катите своей дорогой. Стрелять в спину не буду. Но в следующий раз выстрелю в грудь без разговоров.

— Я подумаю, подумаю,— забормотал бывший собкор областной газеты.— Я, может быть, решу...

Забравшись в двуколку, он погнал лошадь обратно, в сторону Пскова. Редакционная надобность была позабыта.

Шесть дней после этого отряд карателей прочесывал тамошние места, стараясь обнаружить партизан, которые напали на сотрудника газеты «Новое время» господина Кондратьева. Жгли крестьянские дома, пороли жителей, нескольких повесили. Но партизан нигде не было; не было и того человека с автоматом.

Кондратьев же, дабы расквитаться за испытанный страх, принялся еще яростнее писать против Советской власти, против коммунистов, против всего, что в июле сорок первого года оставил он по ту сторону фронта.

Много позже в Восточной Пруссии, брошенный немцами, потерявший при отступлении и жену и ребенка, видя, что путей на Запад уже нет, что все дороги перехвачены советскими танками, он схитрил и вмешался в толпы тех, кого советские войска освобождали из гитлеровских лагерей. Подобрал арестантскую куртку с нашитым номером и брел среди таких же, похожих на него, тысяч людей.

И вдруг в одном из пунктов очередной регистрации лицом к лицу столкнулся с капитаном госбезопасности, в котором невозможно было не узнать того коренастого, плотного человека с автоматом.

— А, Кондратьев! — вновь, как и в тот раз, то ли радуясь, то ли удивляясь, воскликнул капитан.— Вот мы и встретились! Долгонько пришлось вас ждать! А ну-ка ко мне в машину!

Капитан не знал, что теперь это был уже не Кондратьев, а Голубков. Еще в Пскове, зимой 1944 года, когда немцы только-только начали бежать из-под Ленинграда, сотрудник служившей немцам газетки позаботился о новых документах для себя. И еще не знал капитан госбезопасности того, что у новоявленного Голубкова в кармане хранился немецкий «вальтер» с патроном в патроннике и с полной обоймой в рукоятке.

Шофер вел машину по разбитой танками дороге, седоков подкидывало на сиденье. Капитан сидел не с шофером рядом, а с тем, кого он называл Кондратьевым.

— Итак, Кондратьев, вы не послушались меня. Вот теперь-то будет полное следствие и будет беспощадный суд. Что вы выиграли, обманув меня в тот раз? Я чувствовал, что обманете и не придете, вы даже не спросили, а куда и когда прийти. Вы кинулись в Псков, и по вашей указке немцы прислали карателей. Что ж, и за это придется платить. За все, Кондратьев, за все.

Ждать, когда с тебя потребуют плату, смысла не было. Наперед известно, чем такое дело кончится. Был выхвачен «вальтер», первая пуля ударила в сидевшего рядом капитана, вторая в шофера. Потом, для верности, еще по одной пуле в каждого — и бежать, бежать без оглядки, куда попало.

Так окончательно перестал существовать некто Кондратьев и окончательно утвердился на божьем свете некто Голубков. Под видом демобилизованного солдата он заехал в ту самую Сибирь, которой так боялся, и десять долгих лет, страшась городов и крупных селений, прослужил в разных таежных и северных экспедициях: то подсобным рабочим у геологов, то возчиком у геодезистов, то проводником в какой-то группе, занимавшейся комарами и мошками. По окончании сезона руководители всех групп выдавали ему самые лестные характеристики: исполнителен, дескать, грамотен, безотказен, сообразителен.

Страх постепенно отступал, таял, как лед на солнце, начинало тянуть к иной жизни; был человек еще совсем не стар, еще и пятидесяти не было, в вечные схимники задевываться не хотелось. Перебрался поначалу в Свердловск, потом в Серпухов перекинулся, оттуда недалеко и до Кунцева, которое под Москвой. А вскоре получилось и так, что Кунцево включили в границы Москвы, и гражданин Голубков вполне законно стал москвичом.

В экспедициях по Северу, по таежным дальним селениям он насобирал десятка три старых икон. Первая досталась ему из рук древней-предревней бабки, в избе которой иконами были увешаны все стены от лавок до потолка. Больно понравился ему в бабкином иконостасе Георгий Победоносец на коне белокипенной масти с копьем в воздетой руке, разящий аспидно-черного змея с девятью огненно разверстыми пастями. Икона была крохотная, с небольшую книгу форматом. Но живописная, тонкая.

Еще в Пскове, наезжая в знаменитый Псковско-Печерский монастырь, где монахи истово услужали немцам, Кондратьев начал понимать толк в иконах; ему разъяснили там, в чем заключаются различия меж школами иконописцев, научили с большей или меньшей точностью определять возраст икон. Георгий Победоносец, по его представлениям, относился к веку семнадцатому, а то и к шестнадцатому. Забрав у бабки за гроши, он таскал его с собой всюду. Прослышав про старинную икону эту, кто-то из сотрудников очередной экспедиции подарил ему Николу Угодника, к Николе прибавилась затем Богородица... И так пошло, пошло. Всем было интересно заглянуть в сундук, который Голубков перевозил с места на место, и при случае добавить что-либо к его содержимому.

Объемистый сундучище доехал так со своим хозяином вот и до Подмосковья. В Кунцеве Голубков снял комнату в доме старухи, доживавшей век. Муж старухин погиб на войне, дети выучились и разъехались. Старуха сама вела свое хозяйство, состоящее из этого дома на четыре комнатенки да из нескольких кур с петухом. Был еще, правда, кот. Но мышей он, как говорится, уже не ловил, а целые дни валялся на лежанке под боком у хозяйки. Старуха располагалась в одной комнатеночке, а три остальных сдавала жильцам; поэтому у Голубкова были еще два соседа. Один работал поблизости на заводе и ждал очереди на квартиру, чтобы привезти тогда жену с ребятенком. А второй занимался неведомо чем.

Он, этот второй, узнав о том, что Голубков интересуется иконами, и не только интересуется, а накопил их целый сундук под несокрушимыми замками, сказал, что имеет таких знакомцев, которые понимают толк в товарах подобного рода. Голубков и не хотел бы связываться ни с какими «знакомцами», но сосед был малым деятельным, и знакомцы вскоре все же явились. Среди коллекции Голубкова они обнаружили несколько икон, которым, по их словам, и цены не было.

Одни привели других, и так Голубков, страшась этого и сопротивляясь этому, был втянут в артель оборотистых дельцов, которые сбывали иконы иностранцам. У Голубкова завелись деньги. Давно их не было у него, а в таких суммах и вообще никогда не бывало.

Все шло хорошо, благополучно, в гору, в гору. Никто к Голубкову не вязался с его прошлым, анкет никаких давно нигде ни с кого никто не спрашивал; истрепанный паспорт местное отделение милиции обменяло ему на бессрочный, московский. Всякий след простыл какого-то Кондратьева. О Кондратьеве не было и помину. Голубков, Семен Семенович. Москвич. Уж на что военкомат — учреждение строгое, но даже и там никакого интереса не было к Голубкову, поскольку имел он ограничение по сердцу; а рядовой с ограничением никому в мирное время не надобен. Сиживал свободный советский гражданин Голубков по московским ресторанам, смаковал заказные кушанья, пил коньяки, всяким иным предпочитая армянский «три звездочки», хорошо одевался.

И вот будто громом небесным стукнуло по голове. Лежал однажды в своей комнатенке на постели, смотрел телевизор. Шла передача, посвященная истории ВЧК и работе органов госбезопасности. Среди других участвовавших в передаче появился на экране он, тот человек, с которым дважды в своей жизни сталкивался Голубков-Кондратьев. Он, тот, в которого Голубков всадил две пистолетные пули. В упор! Первую — в живого, вторую уже в мертвого, для верности.

Голубков вскочил на постели, надел очки, впился глазами в экран. Как же тот жив? Может быть, все-таки ошибка? Может быть, невероятное сходство? Нет, нет, это, конечно же, он. Он так и рассказывает: действовали в тылу противника на Псковщине, сражались с карателями, разоблачали изменников Родины, предателей, немецких пособников. Потом, уже в Германии, вылавливали и таких, которые пытались прикидываться угнанными на Запад. Работа была нелегкая. От одного из перевертышей получил две пули в грудь. С трудом спасли жизнь. Вперед наука, недооценил коварство противника, думал: так себе, хлюпик. А хлюпик-то вот ускользнул и живет где-то среди вас, товарищи телезрители, может быть, затаился, присмирел, а может быть, и делает черное дело. «Как сейчас помню его фамилию — Кондратьев».

Голубкову показалось, что все, кто там был на экране, смотрят на него, видят его, узнают его. Голова его сама собой вжималась в плечи, он весь хотел бы вжаться в землю, стать невидимым, неслышным, несуществующим.

Назавтра, не зная зачем, но не в силах противостоять этому, он позвонил из автомата на телевидение и, получая все новые и новые номера телефонов, упорно добивался, как фамилия, имя и отчество того товарища, который в такой-то передаче рассказывал вчера о своей работе в тылу противника и который был ранен предателем. Он, мол, звонящий, хочет написать тому человеку письмо. Ему ответили наконец: Дмитрий Иванович Пшеницын, полковник в отставке.

Добежал до киоска Мосгорсправки и через полчаса получил адрес Пшеницына. Не было никаких сил, чтобы не пойти на Большую Грузинскую и не взглянуть на тот дом, который значился в справке. Голубков поднялся на этаж, где была квартира Пшеницына, постоял перед дверью. И с тех пор все пошло сначала, вновь стали мучить его былые изнуряющие тревоги. Он не мог спать без снотворного, он перестал ходить в рестораны, он стал одеваться как можно незаметнее, в поношенное, неброское, чтобы ничем, ничем не выделяться среди людей. В отставке-то бывший капитан, в отставке. Но вдруг они столкнутся с ним на улице, в парикмахерской, в магазине?.. На этот раз отставничок уже не выпустит его из своих лап. В спокойной-то обстановке, когда спешить некуда, они, кегебешники, все раскопают, все вытащат наружу, доберутся до самых корней.

Голубков прочитывал и перечитывал в газетах сообщения о происходивших время от времени то на Северном Кавказе, то в Белоруссии судебных процессах над разоблаченными предателями. Те подсудимые тоже по многу лет скрывали свои подлинные лица, искусно заметали следы своих былых деяний, и все же их как-то обнаруживали, как-

то разоблачали и усаживали на скамью советского суда. Наружу выплывало тогда все, вплоть до того, кем были их родители и прародители. Если и у бывшего Кондратьева дело дойдет до родителей, получится совсем скверно. На свет божий выплывет его происхождение, так когда-то старательно скрываемое, извлекутся из пыльных, где-то сохраняемых папок документы с подчистками, в результате которых сын владельца крупной скорняжной мастерской к середине двадцатых годов превратился в сына мелкого кустаря, а еще позже и в рабочего-скорняка. По тем подчищенным документам принимали молодого Кондратьева в комсомол, приняли и в институт журналистики, направили работать в областную газету. У писавшего на самые патриотические темы журналиста уже были рекомендации и для вступления в партию. Помешала война. Собкор Кондратьев при приближении немцев не стал звонить в Ленинград, запрашивать редакцию, как ему быть, что делать. Он сам это решил для себя. Он остался в Пскове. Но не для работы в подполье, как многие псковичи, нет, совсем для другого. Писал-то он всегда одно, а думал-то иное. Ему почудилось, что это иное принесут с собой немцы. Что ж, вначале они его действительно обласкали как кулацкого отпрыска, как сына человека, пострадавшего от Советской власти. Но первоначальной лаской этой все и ограничилось. Он-то полагал, он был даже уверен, что с приходом гитлеровской армии Советской власти конец, что наступило время вернуть все былое, с которым из дальних северных краев возвратится и его отец. Не раз донимала Кондратьева мысль о том, что он не только порвал всякую связь с отцом, но даже и не признавался никому в том, что такой отец у него был. С приходом немцев, думалось, отец вернется, немцы помогут ему встать на ноги, начнется такая жизнь, когда будет можно свести счет со всеми горлодерами, которые вопили о ликвидации кулачества как класса, о своих пятилетках, о социализме, о мировом коммунизме.

Ничего из планов Кондратьева не вышло. Немцы меньше всего думали о нем и об его отце. От предателей они требовали беспрекословно-рабской службы им, немцам. Он прогадал, жестоко ошибся. Надо было своевременно уехать в Ленинград, в свою редакцию, пробыть там всю блокаду, получить орден, а может быть, и два, и тогда бы беспокоившее прошлое было уже окончательно похоронено. Не изнуряло бы сознание того, что в папках подшиты подчищенные, «улучшенные» документы. Их бы надежно покрыли подлинные, честные документы об участии в войне.

После ошеломившей его телепередачи вся эта муть и грязь, осевшая было на дне души Голубкова-Кондратьева, вновь поднялась наверх. Кроме него, на свете жил еще, оказалось, и полковник Пшеницын, и двоим им на этом свете было не ужиться. Свет огромен, безграничен, но весь он от края до края заслонен для Голубкова Пшеницыным, полковником в отставке. Почему только две, а не четыре, не пять пуль всадил он в контрразведчика в тот несчастный апрельский день сорок пятого года?! Появилась мысль написать в КГБ анонимку. Дескать, было дело под Псковом. Проявил чекист Пшеницын политическую близорукость, утратил революционную бдительность — выпустил из своих рук опасного врага. Тот вызвал карателей, погибло много мирных жителей и так далее. Брался было уже за перо, за бумагу. Но все же не написал. Испугался, что, когда начнут копать, даже по анонимке докопаются до ее автора.

Любимым чтением Голубкова стало чтение таких книг, в которых в непривлекательном свете представали работники госбезопасности,— это несло зыбкую, но все же надежду на то, что всех их, может быть, разгонят, а самое госбезопасность закроют, ликвидируют. Он слушал по заграничному транзисторному приемнику передачи зарубежного радио. А вдруг война, вдруг придут какие-нибудь освободители, вдруг будут иные порядки?.. Он понимал умом, что все его мечтания — чепуха. Но это для него было последней соломинкой, и он за нее хватался.

А вчера, как нередко бывает после полосы черных дум и мыслей, после неудач и тревог, для Голубкова в зимний хмурый день засияло яркое солнце. Что же случилось вчера? В вечерней вчерашней газете Голубков прочел извещение о скоропостижной кончине полковника в отставке Дмитрия Ивановича Пшеницына. Все! Конец! Хватит трястись от страха, хватит прятаться, не спать ночами.

В извещении говорилось, что похороны состоятся на Ваганьковском кладбище. Голубков спозаранку был уже перед знакомым ему домом на Большой Грузинской. Он видел, как в подъезд шли и шли люди — кто в штатском, кто в военном; видел петлицы офицеров госбезопасности, но уже не боялся их. Никто, никто не сможет теперь узнать его в лицо и сказать, что Голубков — это не Голубков, а некий Кондратьев. Это мог сказать только он, Пшеницын, но Пшеницына уже нет, нет, нет!

Было холодно. Голубков сбегал на улицу Горького в буфет, выпил сто, а потом и еще сто граммов коньяку, не посмотрев даже на марку, на то, что коньяк был не армянский. Потом, когда вынесли гроб, когда расселись по машинам, он тоже отправился на кладбище. Мало было знать, что противник умер, хотелось видеть и то, как его закопают, как засыплют землей и как утрамбуют над ним землю. Хотелось увидеть лицо покойного — тот ли? Не однофамилец ли?

Кутаясь в башлык, он подходил к гробу и справа и слева, и с головы и с ног. Все смотрел и смотрел. Он это был, он, тот, из рук которого дважды едва ушел Кондратьев-Голубков, за что он и всадил в него две свои пули — за каждый раз по одной. Живуч был, живуч покойничек. Эти люди с Лубянки — народец крепкий, ничто их не берет — ни пуля, ни бомба. А вот инфарктик-то его стукнул, не миновал этого наследничек Сталина. Верно один поэт писал о таких: только на инфаркты у них нет управы.

И вот враг закопан, засыпан. Теперь уже не встанет. Вокруг могилы никого, на кладбищенских дорожках пусто. Очень хотелось плюнуть на эту хвою, на цветы, на ту физиономию под стеклом, с твердыми скулами, с пронизывающими глазами. Не решился, не смог. Глаза с фотографии проникали в самую душу, они не сдавались, они как бы говорили: «Ну, погоди, это еще не все». Лучше бы не глядеть в них, будь они неладны, лучше бы не оставаться тут наедине с этими глазами, уйти бы с кладбища вместе с другими, и делу бы конец.

Теперь радость затянуло тучей. В самом деле, ведь это еще не все. Еще осталась жена Пшеницына, ребята вот эти остались, балбес здоровенный и белобрысая девка. Может, их папочка рассказывал им о некоем Кондратьеве. Конечно же, он рассказывал о том, кто в него всаживал пули из «вальтера». Может, и эти пули сохранил для памяти полковник? А с ними и фотографии, взятые в немецких архивах? И вот валяются теперь в комодах семьи Пшеницыных физиономии, по которым те, кому это надо, узнают в Голубкове Кондратьева.

Мысли шли одна нелепее и фантастичнее другой, и хотя ясно было, что все это нелепости, а вот шли они, и не было им конца.

Когда, выпив по дороге еще граммов триста, Голубков добрался до своего дома в Кунцеве, он застал там Генку Зародова. Генка сидел на табурете перед запертой дверью.

— А я вас, Семен Семенович, полтора часа дожидаюсь. Хотел уже уезжать.

— Ну и уезжал бы,— буркнул Голубков.

— Чего вы такой сумрачный сегодня, Семен Семенович? А я вон чего вам привез!..— Генка вытащил из-за пазухи пальто бутылку виски «Длинный Джон».

Голубков взглянул на бутылку, ничего не ответил, отомкнул дверь.

— Заходи!

Потом они сидели перед бутылкой, принесенной Генкой, пили виски, ничем не разбавляя; это быстро задурманило их головы. Голубков сказал, все больше хмелея:

— А с чего, собственно, мне быть сумрачным? Не с чего мне, Генка, сумрачничать. Все идет как надо. И он сдох, и эти сдохнут, а я вот буду жить и жить!

— Кто сдох, кто сдохнет, Семен Семенович?

— Да все гады земные. Не мы же с тобой! Мы-то свое еще возьмем. Мы еще попляшем. Ох, как попляшем!

— Вот это верно, Семен Семенович. Вы как что скажете, так в самую точку. У вас, знаете, язык такой образный, слово к слову. Вам бы писать попробовать.

— Писывали-с,— ухмыляясь, ответил Голубков и испугался. Захмелел, значит, язык не держится. Плохо.— Заявленьица в жэк писывали,— добавил он и захохотал.— Хочешь, иконку одну покажу? Редкая.— Он вытащил из-под матраца своей постели небольшую икону в старинном окладе. Молодое, темного письма лицо, печальные глаза.— Догадайся, кто?

— Трудно сказать, Семен Семенович. Я же не такой специалист, как вы. Это вы все до тонкости знаете.

— Дмитрий! — почему-то понизив голос, сказал Голубков.

— Донской, что ли?

— Какой Донской! Редкая икона, говорю. Убиенный Дмитрий.— В бутылке уже оставалось мало, иноземный непривычный хмель делал свое дело.— Дмитрий Иванович это! — рявкнул Голубков.

— Какой Дмитрий Иванович? — казалось, издалека спросил Генка.

— Пшеницын! — тоже где-то очень далеко ответил кто-то. Голубков, валясь на постель, не узнал своего голоса.

Проснулись оба среди ночи. Лежали на койке тесно, не раздеваясь; поднялись оба жеваные. Голубков принес с кухни, из ведра, полулитровую банку холодной воды; напились по очереди. Генка пошел принес еще, и ту выпили.

— Ну и зелье! — Голубков указал глазами на бутылку «Длинного Джона».— Слона с ног свалит. Давай хлебнем по глотку, а то нехорошо как-то, муторно.

— Не, не смогу я, Семен Семенович. Я вообще опохмеляться не умею. В рот не взять с утра. А если и возьму — все обратно вылетит.

— Цыпленок ты еще.— Голубков повертел бутылку, запрокинул голову и вылил все, что оставалось, в рот, почти не глотая. И действительно, как-то взбодрился после этого.

— Уморили вы меня, Семен Семенович.— Генка засмеялся.

— А что? Чем уморил-то?

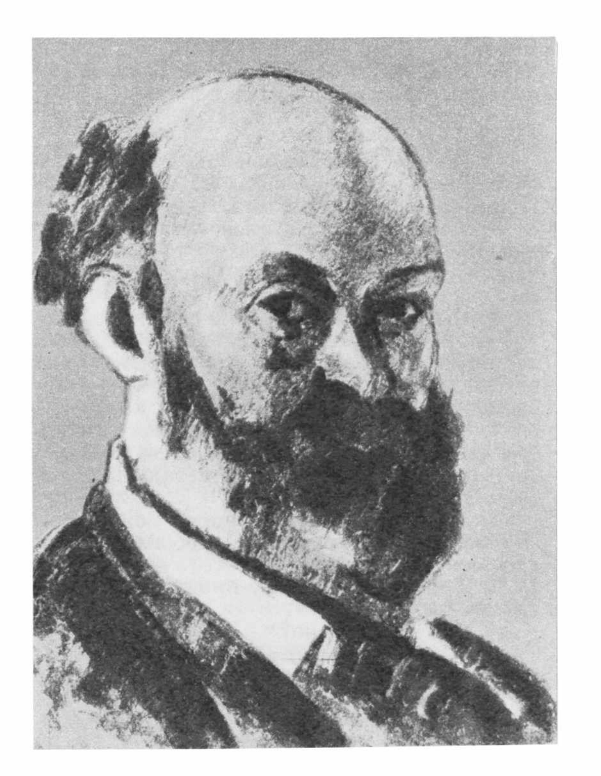
— Да про икону... Святой Дмитрий Иванович! Да еще и по фамилии... Забыл как... Вроде Пышкина или Мышкина? Храбрицын? Тупицын?

— Не надрывайся. Пшеницын,— подсказал Голубков, зная, что Генка, если это застряло в его мозгу, все равно вспомнит, и, может быть, в самых неподходящих обстоятельствах.— Ты должен знать,— решил объяснить Голубков,— что богомазы, берясь за работу, видели перед собой лицо кого-либо из живущих. Где я рос, там лики всех молодых святых с морды Димки Пшеницына смалевывались. Вот этот мой Дмитрий как раз и похож на того Димку, я его и вспомнил. Рафаэль всех мадонн со своей булочницы списывал, Ренуар с привлекательной для него горничной. А Илья Репин для запорожцев... для того утробистого усача, который в бараньей шапке... писателя Гиляровского пригласил в качестве натуры. Ну и мастера-иконописцы так же поступали и поступают. А ты с чем пришел, говори?

— Да у дипломата у одного деньжата зашевелились в кармане. Можем мы ему семнадцатого века чего-нибудь подбросить?

— А хоть шестнадцатого.— Голубков принялся отмыкать замки своего заветного сундука.

Он был рад делу. Беспокойство его все-таки не покидало. Нельзя, недопустимо пить эти иностранные пойла, никак нельзя. Контроля над собой не получается. Проболтался. Черт его знает, этого Генку, поверил он объяснениям или не поверил. Молодой парень, но хитрый. Хоть он, конечно, и не полковник Пшеницын, а все же...

Поль Сезанн. АВТОПОРТРЕТ.

А. ГОНЧАРОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

130 лет со дня рождения

О Сезанне писали много. Современники ругали, издевались, возмущались. После смерти художника оценки стали более снисходительными, а затем и восторженными.

В статьях о нем, в монографиях очень внимательно, подробно разбиралась его живопись, его теоретические выводы, его страстное внимание к предметному миру, весомости, объемности. О жизни мастера сообщалось всегда мало. И действительно, жизнь Сезанна не была богата событиями. Родился он в семье с достатком — у отца была шляпная мастерская, дела которой шли превосходно, затем отец, преуспев, стал банкиром и, испытав сам в детстве нужду, мечтал пристроить и сына к делу, которое бы давало доход. Его удивляли, а возможно, и радовали успехи сына в рисовании и живописи до тех пор, пока он не почувствовал в этом юношеском увлечении страсть.

А Поль Сезанн после колледжа ходил в музей на занятия по живописи и поражал своих товарищей свободой рисунка, неожиданной смелостью набросков.

В колледже Поль дружил с мальчиком, который учился на класс младше его,— Эмилем Золя. Все детские и юношеские годы освещены были этой захватывающей дружбой. Сначала вместе бегали на переменах, вместе купались, играли, затем появились иные занятия: читали вслух Мюссе, Гюго, Ламартина, комментировали, рассуждали, философствовали. Сезанн излагал свои первые теории, воодушевленный живописью Веронезе, Рубенса, Рембрандта. Золя декламировал свои стихи...

К сожалению, несколькими годами позже эта дружба распалась. Впрочем, почему к сожалению? В жизни бывают разногласия. Так и Золя с Сезанном, увидевшись в Париже, после страстной переписки, после такого тоскливого ожидания встречи не нашли уже полного единства в своих взглядах. Но первая встреча! Первая встреча была чудной. «Я видел Поля!!! — писал Золя их третьему другу юности.— Я видел Поля, понимаешь ли ты это, понимаешь ли ты всю музыку этих трех слов?»

Золя занимал небольшую должность, Сезанн посещал Швейцарскую академию. А вечерами в маленькой комнатке Золя — споры об искусстве. Но оба друга шли разными путями в творчестве, и споры кончались раздражением.

Вскоре Золя писал Сезанну: «Париж был неблагоприятен для нашей дружбы... Все равно ты неизменно остаешься моим другом».

Сезанн приехал в Экс, родной город, только погостить, отдохнуть от шумной столицы. Но отец и слышать не захотел о его возвращении в Париж, о его занятиях живописью. Поль, как всегда, был послушен, сел за конторку банка и начал считать. Но ни воля отца, ни послушание сына не смогли изменить жизненный путь художника. Творчество буквально обуревало его. Он и страницы гроссбуха заполнял рисунками и стихами. Там записано, например, такое его двустишие:

Сезанн, банкир, глядит, стирая в страхе пот,
Как за конторкою художник в нем растет.

В тоске по творчеству Поль оставлял иногда конторку, убегал в загородный дом отца и расписывал там стены. А когда не хватало места, прямо по старому писал новые композиции. Наконец всем в семье стало ясно, что никакое насилие не сделает из Поля Сезанна банкира: он художник.

И снова Париж. Скорее проявить свое дарование, а за этим признание, успех... Не могут же художники, критики, зрители не оценить его стремление передать реальность, плотность, объемность мира... Так, наверное, казалось юному Полю Сезанну.

Но уже на вступительном экзамене в Академию художеств он проваливается. Один из экзаменаторов объяснял его неудачу: «У Сезанна темперамент колориста; к несчастью, он впадает в крайности». Трудно, конечно, было экзаменаторам сразу понять, что перед ними художник, чье творчество станет истоком, от которого возьмут начало многие течения нового европейского искусства. И этот юноша в красном жилете, с манерами богемы, создающий композиции, как будто он стреляет из пистолета на белое полотно самыми различными красками (он сам называл в то время свою манеру писать — «пистолетной» живописью!), станет одним из самых одержимых художников в европейском искусстве.

Уединившись, отказавшись от всяких развлечений, мужественно погрузившись в поиск наиболее убедительного изображения формы в живописи, он как ученый ставит опыты — пишет натюрморт за натюрмортом. Как будто все одно и то же, но каждый раз с разных сторон понемногу приближаясь к истине.

Он очень подолгу писал натюрморты, составлял их из самых простых вещей — бутылки, яблоки, салфетки, вазы, полагая, наверное, что в простом легче найти нужную ему систему, нужные ему закономерности. Если посмотреть на список его работ, то можно удивиться, как часто повторяются одни и те же названия: «Натюрморт», «Гора св. Виктории», «Портрет жены»...

Золя в «Записках друга» называет Сезанна этого времени «неуравновешенным» и «мятежным». Пренебрежение художника к буржуазной светскости несколько раздражает Золя, он и новые полотна Сезанна, написанные под влиянием Рубенса в горячем колорите, находит «слишком экзальтированными».

Через несколько лет Золя скажет Воллару — биографу Сезанна: «Ах, почему мой друг не подарил мне... великого живописца, на которого я так рассчитывал?.. Наши товарищи охотно видели в нем неудачника, а я не переставал им твердить: «Поль одарен гениальностью великого живописца». Ах, зачем в этом случае я не оказался хорошим пророком?!»

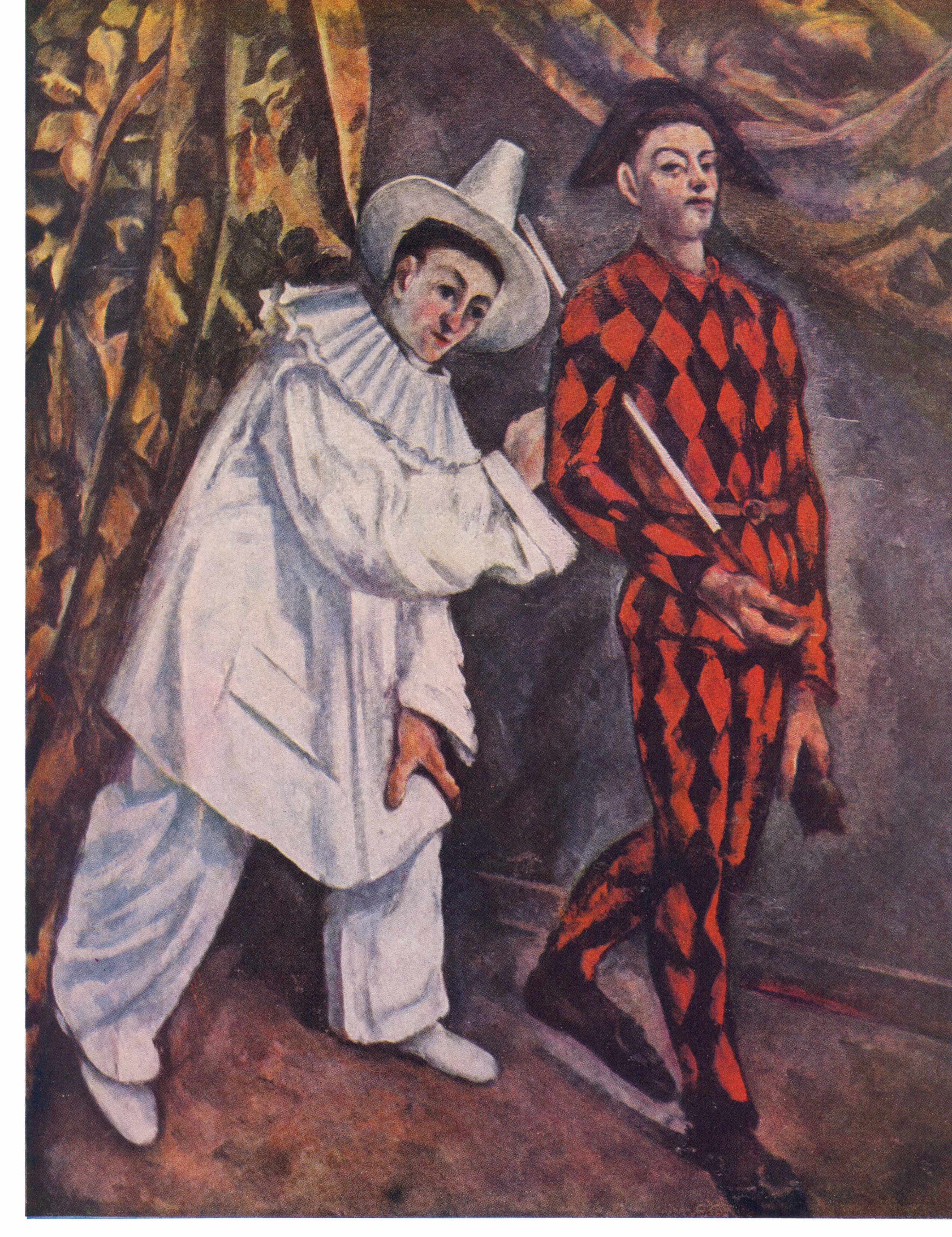
Но этот разговор будет позднее.

А пока Золя даже мстит за Сезанна. После того, как живописца не приняли на выставку в Салон, Золя пишет из номера в номер «l' Evenement» отчеты об этой экспозиции. Шумный, даже скандальный успех этих статей был так велик, что журнал вынужден был приостановить их публикацию.

Сезанн был в восторге: «Черт побери, как он их здорово перетряс, всех этих пачкунов!»

По воспоминаниям его друзей, замкнутый, скромный, чуждый тщеславия и суетности, Сезанн все-таки очень хотел увидеть свои картины на выставке. Долгие годы его попытки были безрезультатны. Только в 1882 году — художнику было сорок три года — в каталоге Салона можно было прочитать: «Сезанн Поль, ученик Гильмэ: «Портрет Л. А.». Жюри отвергло полотна Сезанна и на этот раз, но каждый член жюри имел тогда право выставить работу своего ученика без обсуждений, и Гильмэ воспользовался этим положением, которое вскоре было отменено.

Только через семь лет еще одна картина мастера попала на выставку — это была Всемирная выставка 1889 года. И здесь тоже помог один из тех немногих почитателей, которые восхищались живописью Сезанна. Министерский чиновник Шокэ, имевший возможность иногда покупать картины, увлеченный живописью Делакруа, ценил живопись Ренуара, дружил с ним. А Ренуар не уставал рассказывать Шокэ о Сезанне, уговаривал его купить сезанновских «Купальщиц». Но Шокэ

Поль Сезанн. ПЬЕРО И АРЛЕКИН. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Поль Сезанн.
ПОНТУАЗ.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

РАВНИНА У ГОРЫ
св. ВИКТОРИИ.

боялся жены, которая ругала его за увлечение этими странными современными художниками. Тогда решено было действовать хитростью. Как-то Ренуар явился к Шокэ с маленькой картиной и как будто забыл ее. Когда же мадам Шокэ несколько привыкла к «Купальщицам», коллекционер смог купить эту картину. А вскоре Сезанн пришел сам в дом Шокэ и стал там самым близким человеком.

Шокэ удивительно трогательно относился к Сезанну и его искусству. Он был счастлив, если ему удавалось уговорить какого-нибудь известного коллекционера принять работу Сезанна с обещанием хоть изредка поглядывать на нее, вынимая из ящика.

Когда же Шокэ попросили дать его изысканную мебель на Всемирную выставку, то он поставил условие, чтоб там была экспонирована работа Сезанна. Так второй раз, уже к пятидесяти годам, художник испытал радость от встречи своего произведения со зрителем, хотя повесили картину очень плохо — высоко — и разглядеть ее мало кто мог.

Судьба компенсировала Сезанну пренебрежение критики, отсутствие зрителей необыкновенной верностью нескольких почитателей.

Еще был папаша Танги — торговец красками, проявлявший симпатии к импрессионистам, среди которых были приятели Сезанна. Когда он познакомился с искусством Сезанна, то всем стал советовать покупать его картины и сам покупал, когда мог.

Жюльен Танги был на редкость добрым и симпатичным человеком, влюбленным в искусство, всегда старавшимся помочь непризнанным художникам. В письме Ван Гога к брату есть такие строки: «Жалею все-таки, что не заказал краски у папаши Танги, хотя ничего бы на этом не выиграл — скорее напротив. Но он такой забавный чудак, и я частенько думаю о нем. Когда увидишь его, не забудь передать ему привет от меня и сказать, что, если ему нужно несколько картин для его витрины, я могу их прислать, и притом из числа самых лучших». Танги предпочитал «современных» художников и называл их торжественно «господа, принадлежащие Школе». Это были те, кто изгнал с палитры, по его выражению, «кофейную гущу», кто не пользовался черной краской. И еще он был убежден, что работа и добропорядочное поведение — обязательное условие успеха. Его любовью, кроме Сезанна, пользовались Писсарро, Гоген, Ван Гог...

В уютной лавочке папаши Танги часто собирались художники. И с легкой руки этого доброго человека не раз завязывалась подлинная дружба. Здесь Амбруаз Воллар впервые увидел произведения Сезанна, заинтересовался его творчеством. И, еще не будучи лично знаком с живописцем, много потрудился, чтобы устроить его первую серьезную выставку. А потом приехал в Экс, где теперь в основном жил художник, и с тех пор стал его другом.

Итак, в декабре 1895 года в Париже на улице Лаффит открылась выставка Сезанна, на которой были представлены: «Автопортрет художника», «Этюд купальщиц», «Портрет мадам Сезанн в оранжерее», «Мадам Сезанн в зеленой шляпе», «Завтрак на траве»...

В витрине Воллар выставил «Купальщиков», «Леду с лебедем» и еще одну картину, также изображавшую нагую женщину. Мещанство, громогласно демонстрирующее свою любовь к искусству, было шокировано и столь же громогласно спешило заявить, что их целомудрие оскорблено. Газеты кричали о скандале, публика удивлялась, а посредственные художники Салона злились. Им казалось, что Сезанн разбогатеет после этой выставки, а это уже простить было трудно. Даже те, кто как будто хвалил Сезанна, готовы были приписать художнику дефекты зрения, наверное, для того, чтобы объяснить его живописные достижения: «Художник с больной сетчаткой, который благодаря крайне обостренной восприимчивости своего зрения открыл горизонты нового искусства».

Через несколько лет, в начале нового века, искусство Сезанна получило признание. Умер он в 1906 году, 22 октября. Был на этюдах, попал в грозу и два часа работал под проливным дождем. А возвращаясь, упал на дороге, потеряв сознание. Проезжавший в повозке человек подобрал его и в бесчувственном состоянии довез до дома. Всю ночь у Сезанна был жар. Но утром он встал, спустился в сад и стал работать над этюдом, который писал с крестьянина. Во время сеанса с ним сделался обморок. Его перенесли, уложили в постель. Спустя несколько дней художник скончался.

Как же появился этот мастер на взлете импрессионизма — своеобразный, с собственной, ни на кого не похожей живописью?

Надо немного вернуться назад. Во Франции господствовало салонное искусство. Парижский Салон был заполнен слащавыми картинами — их раскупали. И тогда появились импрессионисты, которые шли против ложной, придуманной живописи, потакавшей вкусу благополучного буржуа. Они создали в своих произведениях новую палитру, отказавшись от черной и темно-коричневой краски. Они вышли с мольбертами на улицу. И их живые впечатления отразили на полотнах переменчивую игру света и тени, блеск солнца и глубину неба. Живопись стала прозрачной, цветной. В этом было достижение, достоинство художников-импрессионистов. Но всякое явление не однолинейно. Импрессионисты, создавшие прекрасную живопись, посвятив все свое внимание свету, цвету, несколько отвлеклись от углубленного изучения формы.

Сезанн чувствовал, что для того, чтобы написать картину, подобную тем, которые создавались классическим итальянским и голландским искусством, где строгость формы превосходно сочеталась с великолепными цветовыми гармониями, надо сделать новый шаг. И он занялся поисками более постоянного в природе, чем свет со всей его переменчивостью. Сезанн стал утверждать, что это наиболее постоянное можно найти в непоколебимой, монументальной форме окружающих нас вещей. Но, унаследовав от импрессионизма любовь и уважение к свету и цвету, он стал искать способ простыми и ясными цветовыми соотношениями изобразить строгую форму в ее классическом равновесии.

Он был одарен необычайным чувством пластики, острым чувством пространства, что в сочетании с точностью его глаза позволило ему создать живописные шедевры.

Сезанна изучали, им восхищались самые разные художники. Б. М. Кустодиев в 1926 году писал:

«День, проведенный в Москве, меня очень порадовал. Часа 2 пробыл в музее Морозова, изучая Сезанна и др. Особенно Сезанн меня в этот приезд как-то глубоко пронял. Он весь собран в одно место (взяты картины от Щукина); такое цельное и сильное впечатление! Последняя комната, где висят картины «голубого» периода, исключительно хороша. Какое чувство природы и вместе с тем какой удивительно живописный подход к ней! И какое спокойствие созерцания, несмотря на бравурный прием и динамизм в технике. И как все «сезаннисты», наши, конечно, грубы или вялы; взяв чисто внешне «приемчик», не поняв внутренней структуры его пейзажа, «органичности» (его) «сюжета» (может быть, очень старое слово) с техникой. Особенно великолепны «Гора св. Виктории» и «Мост на реке» — одна изумрудная, с удивительными, глубокими и разнообразными зелеными цветами, другая — мглистое солнышко на серо-розовой горе с оранжевыми пятнами земли и темной зеленью садов — торжественная и богатая картина!»

А в 1967 году вышла книга известного мексиканского художника Давида Альфаро Сикейроса, обращенная к молодым художникам, где он пишет: «...следует подчеркнуть, что Сезанн — совершенно не понятый и ложно истолкованный Сезанн,— живший в то время, когда в живописи постепенно утрачивалась подлинная реалистическая объективность, направил свои усилия на поиски геометрического каркаса формы, чтобы возвратить живописи ее реалистическую структуру. Сезанн был техническим реставратором реализма в живописи».

МОЛОДАЯ ЛИРИКА

Раим ФАРХАДИ

* * *

Есть на земле
под солнцем южным край,
Где маки разбегаются по крышам,
Где вырос ты,
Где в первый раз услышал
Слова простых людей:
— Не уставай!..

Дымился в пиале зеленый чай,
Трудился ты.
И мама подносила
Его в руке.
Она произносила
приветливо тебе:
— Не уставай!..

Старик, идущий вдаль
по свежей пашне,
Девчонки, в чьих глазах
играет май,
Нет, молча не пройдут,
Промолвят так же
приветливо тебе:
— Не уставай!..

Родник в горах,
Звенящая водица,
И тот шепнет,
как сладкозвучный най,
Когда к нему придешь
воды напиться,
Приветливо тебе:
— Не уставай!..

Ты в жаркий день
приляжешь невзначай,
И каждый куст,
На ветках листик каждый
Прохладой освежит
и тихо скажет
приветливо тебе:
— Не уставай!..

Родимый край...
Спеши к нему и знай,
Что, приходя,
И ты ему при встрече
Не говори торжественные речи,
Приветливо скажи:
— Не уставай!..

Ташкент.

Лира АБДУЛЛИНА

* * *

Я по берегу, по круче,
По сыпучему песку.
Что ж ты, милый, не научишь
Переплыть реку-тоску?

Извела на лодку-палубу
Дремучие леса.
Извела любовь без жалобы —
Кроила паруса.

Весла легкие смолила —
Слезы канули в пески...
Как тебе живется, милый,
По ту сторону тоски?

Красноярск.

„А Тартюф?..“

Е. СУРКОВ

Читатель помнит, конечно, эту сцену. В знаменитой комедии Мольера она едва ли не самая знаменитая. Оргон вернулся домой после продолжительного отсутствия. Дорина пытается рассказать ему о том, как шли дела в доме за его отсутствие: о болезни жены, кровопускании, которое ей пришлось сделать, и т. п. Но, добрый семьянин и рачительный хозяин, Оргон ничего не слышит и только твердит: «А Тартюф?..» Ему рассказывают о том, как «опечаленный» болезнью Эльмиры ханжа с аппетитом уплел за ужином двух куропаток, но Оргон и тут не слышит в интонациях преданной Дорины предостерегающей иронии и только поскорее хочет убедиться в полном благополучии околдовавшего его проходимца. И все повторяет — на разные лады, с неистощимым разнообразием оттенков: «А Тартюф?..», «А Тартюф?..»

Для актера, исполняющего роль Оргона, эта сцена — целое пиршество красок, подтекстов, комедийных эффектов. Недаром знаменитая реплика «А Тартюф?» стала объектом восторженного описания и анализа едва ли не во всех книгах и статьях, посвященных мольеровской комедии.

И мы тоже, сидя на спектакле «Тартюф» в Московском театре драмы и комедии на Таганке, все снова и снова повторяли прославленную реплику...

Но только, увы, по причинам совсем особого свойства. Скорее всего смысл преследовавшего нас вопроса можно было бы передать, видоизменив его редакцию примерно в таком духе: «А где же Тартюф?..» Потому что именно Тартюфа нам и не хватало на этом озорном, как всегда у Ю. Любимова, щедром на режиссерскую выдумку представлении.

Тартюф! Подумать только, сколько томов исписано о легендарном ханже и лицемере, сколько предложено всяческих объяснений его магической власти над честным, добрым, доверчивым Оргоном. Коклен-старший, Жемье, Жуве — достаточно вспомнить только эти имена, чтобы убедиться, с каким тщанием, любовью и блеском оттачивали лучшие французские актеры ключи к образу Тартюфа... А Станиславский, который занялся разгадкой загадки мольеровской комедии уже в самые последние годы своей жизни!.. Какое наслаждение читать в известной книжке Топоркова о том, с какой пытливостью и страстью первооткрывателя прорывался великий режиссер к сокровенному ядру характера Тартюфа!

И как будто не было трех веков поисков, неудач и великолепных озарений на пути к мольеровскому Тартюфу! Как будто мы не видели всего лишь десятилетие тому назад Тартюфа — Ионеля: с высохшим, желтым лицом и яростно горящими глазами маньяка, с бархатистыми переливами могучего, властного баса, способного заворожить и не такого простака, какого не мудрствуя лукаво играл в том спектакле «Комеди Франсез» Луи Сенье.

По сцене Таганского театра двигался простоватый деревенский кюре с добродушным лицом завидного здоровяка и откровенного любителя всех земных радостей. Правда, по временам он то ехидно поджимал губы, то делал вид (в финале, когда Тартюф сбрасывает маску), что он ужаснейший злодей, едва ли не сам Вельзевул. Местами он был даже смешон и занятен в своих «злодейских пассах», столь очевидно не вязавшихся с его природным добродушием, что, если бы не Мольер, мы, пожалуй, примирились бы и с таким «обезвреженным» Тартюфом. Но Мольер... Он-то ведь все-таки писал не простенький водевиль о неловком пройдохе. И если уж театр взялся за его закованные в золото страницы, то наивно было бы думать, что достаточно будет, отставив в сторону исторически сложившиеся традиции философского истолкования бессмертного образа, предложить вместо классической концепции мольеровского характера зрителям всего лишь неожиданную концепцию решения... сценического пространства и несколько действительно остроумных режиссерских придумок.

Потому что придумки — даже если они и изящны и изобретательны — никак не могут заменить отсутствия мысли. Мысль же в высокой реалистической комедии — а в этом, надеюсь, у театра не было сомнений — проявляется прежде всего в истолковании характеров, в оценке философского содержания вскрытых противоречий, в углублении типизма образов, созданных три века тому назад, но и сегодня (почему — это-то и должен обнаружить театр) продолжающих нас и смешить, и волновать, и гневить...

В спектакле же, поставленном Ю. Любимовым, нет не только Тартюфа, но и Оргона. То есть он, конечно, есть: есть актер, который говорит принадлежащие Оргону реплики и даже по прихоти постановщика иногда «выходит из образа» Оргона, чтобы предстать перед нами уже в качестве самого... Мольера. Но, будем откровенны, молодому артисту не из чего «выходить», поскольку он и не был (ни на минуту!) мольеровским Оргоном. Как не стал, конечно, и знаменитым автором комедии.

И дело тут не в слабости или неопытности молодых актеров, на чьи плечи пала такая почетная, но и тяжелая ноша (актеры как раз показались нам людьми одаренными). Дело в самой режиссерской позиции, согласно которой прихотливый мизансценический рисунок, неожиданное оформление или великолепная выдумка, на которую так щедра работа композитора А. Волконского, «важнее» психологического анализа образов, работы над словом, проникновения в его изобразительные тайны.

Недаром мы запомнили, как смешно, както боком, вприпрыжку двигалась разъяренная г-жа Пернель (И. Ульянова), но совсем не запомнили, как она говорила. А из всего спектакля с наибольшим удовольствием смотрели пантомиму, которой начинается второй акт. Глядя эту элегантно поставленную заставку, мы припомнили, что Мольер писал и комедии, которые сам же определял как «комедии-балеты».

Да только «Тартюф» не из их числа! Это одно из величайших достижений в области «человековедения», известных миру. И, чтобы поставить пьесу на современной сцене, нужны прежде всего мысли. Нужен замысел. Точное проникновение в стилистику мольеровского реализма.

В Театре на Таганке таким проникновением блещет одна только З. Славина (Дорина). Вот уж она действительно играет Мольера! С блеском, юмором, с каскадом неожиданных, заразительно ярких интонаций, остроумно и изящно. Она царила в спектакле — грубоватая в своей простонародной откровенности и неистощимом простодушии, опаленная той самой безудержной ненавистью к Тартюфу, которой переполнено сердце самого автора комедии.

А вот А. Демидова, игравшая Эльмиру, та самая Демидова, которая в этом году столько раз на экране показывала жесткую точность психологического анализа, резкую простоту рисунка, трезвую определенность идейных оценок и характеристик (в «Шестом июля», «Степени риска», «Служили два товарища» и др.), в мольеровской комедии как бы спала с голоса. Она лишь добросовестно имитировала комедийное веселье. Играть же ей было, по сути, нечего: не было четко прочерченной драматургической судьбы Эльмиры, ее особой позиции в развертывающейся борьбе. Когда же началась кульминационная сцена обольщения Эльмиры Тартюфом, нам стало (не будем этого скрывать) неловко за актрису.

Режиссер решает эту сцену в тонах даже не мольеровских фарсов, а фарсов гораздо более позднего происхождения. Тартюф рвет шнуровку на лифе Эльмиры. В воздух летят какие-то детали ее туалета, задираются юбки. И вот уже Эльмира на полу и только ногами отбивается (!) от нападающего на нее сластолюбца...

Пусть простит нас актриса, но, следя за этой, скажем так, с излишней щедростью фантазии поставленной сценой, мы все время вспоминали умного московского купца Флора Федулыча Прибыткова (из «Последней жертвы» Островского), который урезонивал потерявшую голову Юлию Павловну: «Мы и в этаких позициях дам видали, только уж это другой сорт-с: а вам нехорошо. Извольте садиться на кресло, я желаю быть к вам со всем уважением».

Вот именно: другой сорт-с! И с какой

беспощадной разительностью проявилась здесь полнейшая глухота режиссера к психологической правде сцены. Ведь весь этот «вулканический взрыв» страстей разыгрывается (напомним это читателю) в присутствии мужа, который прячется то ли под столом, то ли под диваном. Как же он высидел там во все то время, пока Тартюф срывал с его жены юбки и валил ее на пол?!

Ю. Любимов справедливо пользуется репутацией режиссера с острой выдумкой и легковоспламеняющейся фантазией. И на этот раз блестки остроумной выдумки проскеркивают в спектакле то там, то здесь... Но, равнодушный к мысли Мольера, безразличный к характерам его героев, спектакль и в своем формальном решении вопиюще произволен, случаен.

Главная выдумка режиссера — портреты в тяжелых рамах и в человеческий рост (по числу действующих лиц), полукругом расставленные по сцене. Сами по себе эти портреты малоинтересны. Сколько-нибудь острыми, поражающими воображение характеристиками они не блещут. Их назначение в другом: из них сперва выглядывают лица актеров, а потом, когда выясняется, что вести действие в такой «позитуре» неудобно, из них же они выйдут, как из-за кулис, на подмостки.

Свежо придумано? Пожалуй, что и так! Да вот только в чем беда: содержательность этого приема, его, как принято говорить, художественная и идейная функции равны нулю. Ну, выходят актеры на сцену из своих собственных портретов, да только смысл-то в этом какой?.. Какая тут, позволительно спросить, кроется идея?..

Да и какую идею можно обнаружить во всем спектакле, поставленном Ю. Любимовым темпераментно, броско, но так поверхностно, так равнодушно к идейной сути комедии, что невольно возникает вопрос: а зачем, собственно, он ее ставил? Зачем ему понадобился Мольер, если Мольер-то его вовсе не интересовал?

Нет, не зря, по-видимому, мы все снова и снова спрашивали себя, пока смотрели спектакль: «А Тартюф?..»

Потому что он так и не показался на подмостках Таганского театра.

Но если не Тартюф, то что же тогда интересовало режиссера в процессе постановочной работы?

Похоже, что ответ на этот вопрос следует искать у того анекдотического чеховского профессора, который полагал, что не Шекспир важен, а комментарии к нему.

В данном случае, пожалуй, дело именно так и обстояло. Ю. Любимова неожиданно (вот как прихотливо бывает воображение художника!) заинтересовал не столько Мольер, сколько комментарии к нему. (Кстати сказать, их можно найти в любом популярном издании комедии.) Ставя «Тартюфа», наш режиссер недаром заключил ее в рамку из «историко-театроведческих» интермедий. Сюжет же для этих интермедий он почерпнул в рассказе о тех злоключениях, какие встретил Мольер в момент появления комедии о великом лицемере Тартюфе на сцене.

И вот участники спектакля несколько раз на протяжении спектакля прерывают течение пьесы, чтобы процитировать известные историко-литературные документы. Делают они это с увлечением. И даже какой-то внутренний жар появляется у них, когда, оторвавшись от мольеровского текста, они, предположим, падают на колени то перед восковой куклой парижского короля, то перед такой же куклой парижского епископа и, воздев руки, вымаливают у них разрешение на продолжение исполнения комедии.

Не будем гадать, на какого рода «аллюзии» рассчитывал в такие минуты режиссер. Но только ставить Мольера ради каких бы то ни было «аллюзий» — значило по меньшей мере проявить пренебрежение к писателю, который, право же, заслуживал большого уважения! Вспоминать о лучшей комедии Мольера по преимуществу ради каких бы то ни было «историко-литературных» комментариев, право же, не имело смысла. Мольер стоил большего.

Патрик КВЕНТИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Поль по обыкновению широко и добродушно улыбался. Сняв пальто, он бросил его на кушетку, на которой мы с Анжеликой сидели в тот вечер.

— Бетси дома?

— Нет, но скоро будет.

— Следовательно, сеанс посвящается Анжелике?

— Вроде того.

В гостиной, словно догадываясь, чего мы от него хотим, Поль сам уселся на софу, стоявшую у смежной со столовой стены. Стараясь сохранять твердость, я прошел к бару и налил вина. Сейчас, как никогда раньше, следовало забыть о моей привязанности к Полю. Сейчас не имел никакого значения и тот факт, что Джейми Лэмб был ничтожеством, мелким шантажистом, смерть которого никто не оплакивал. Я боролся не во имя какого-то абстрактного желания восстановить попранную справедливость. Я лишь хотел спасти Бетси, Анжелику и... себя. Было бы непростительной глупостью проявлять мягкотелость.

Я подал вино Полю. Он взял бокал, не сводя с меня голубых, выражавших глубокую озабоченность глаз.

— Значит, прокуратура все же намерена начать процесс?

— Да. На следующей неделе.

— А ты все еще настаиваешь на своем и собираешься выступать на суде?

Я уселся напротив Поля, испытывая чувство неловкости, тем более что рядом, в соседней комнате, Макгвайр жадно ловил каждое наше слово.

— Я бы обязательно выступил на суде, но процесс не состоится, я намерен добиться прекращения дела.

— Добиться прекращения дела?

— Я узнал, кто убил Джейми.

Мои слова буквально потрясли Поля. Трудно представить, что чувствуют и переживают убийцы, но мне всегда казалось, что они лишены обыкновенных человеческих эмоций и обладают стальной выдержкой.

— Узнал?— повторил он как эхо.— Боже, но как?

— С помощью Дэфни. Она давно знала о Ч. Д. и Сандре и сегодня утром рассказала мне.

На шее Поля, отчетливо выделяясь на бледной коже, начала медленно розоветь пульсирующая жилка.

— После разговора с Дэфни я отправился к Сандре, и она все подтвердила. А дальше... Не так уж трудно было сообразить, что ты не мог покупать ей все это барахло на свое жалованье. Где же ты брал деньги? На это ответила проверка бухгалтерской отчетности фонда. Но не только. Дополнительные доказательства удалось получить, когда я вспомнил о твоем разговоре с миссис Мэллет. Помнишь, ты в моем присутствии благодарил ее по телефону? В ваших книгах указано, что она пожертвовала пятьсот долларов, а в действительности она выписала чек на тысячу.— Я помолчал, по-прежнему заставляя себя не сводить с него взгляда, хотя лицо его стало до отвращения жалким и безобразным.— Этого довольно, правда? Дэфни, Сандра, бухгалтерские книги, миссис Мэллет, фонд по обеспечению Сандры Фаулер мехами, драгоценностями, автомобилями...

Некоторое время Поль молча сидел с бокалом в руке, потом вяло бросил:

— Так...

— Значит, ты не отрицаешь?

— К чему отрицать? Тем более что такого примитивного способа присвоения чужой собственности не найти во всей истории преступлений. Я никак не мог понять, почему меня так долго не разоблачают.— На лице Поля мелькнуло подобие столь характерной для него насмешливой улыбки.— Надеюсь, ты не потребуешь от меня нудной и скучной исповеди о причинах моего грехопадения, а? Ты сам был рабом Кэллингхемов, хотя и не очень-то смиренным. Во всяком случае, к тебе на квартиру не являлся на протяжении ряда лет, дважды в неделю сам «великий» Ч. Д. — Он пожал плечами.— Оправдываться не собираюсь, не такой уж я болван. Я знал, на что иду. Мне казалось, что заполучить Сандру хотя бы на каких-то условиях все же лучше, чем не заполучить вообще. Но ты сам бы попробовал, каково это терпеть в течение шести лет, каково быть постоянно с этой несчастной дурочкой, принимающей все за чистую монету, воображающей, что Ч. Д. — это какая-то помесь Наполеона Бонапарта с добрым боженькой. Посмотрел бы ты, как она за завтраком читает вслух его изречения из газет. «Вот здорово, миленький! Ч. Д. произнес речь перед бойскаутами Вустера. Он заявил, что свобода — это бесценное наследие прошлого, свойственное только американскому образу жизни».

Поль прикрыл глаза рукой.

— Разве ты тоже не почувствовал бы, что честно заработал каждый паршивый цент, каким бы путем ни выманил его у этой семейки? «Фонд по обеспечению Сандры Фаулер мехами, драгоценностями и автомобилями...» Да будь у меня такая возможность, я бы до нитки обчистил этих кретинов, готовых лопнуть от самодовольства!

Поль опустил руку и с кривой улыбкой посмотрел на меня.

— Извини, Малыш. Я слишком увлекся. Давай продолжай, надо кончать духовное очищение.

Взволнованный этим разговором, я все же су-

Окончание. См. «Огонек» №№ 1—12.

мел подавить вдруг зашевелившуюся во мне симпатию к Полю. К тому же я вспомнил о Мангвайре и его магнитофоне.

— Так вот,— продолжал я.— Остальное я понял после того, как Сандра рассказала мне, что Джейми узнал о ее отношениях с Ч. Д. и твоих растратах. Правда, она не сказала об этом прямо, но догадаться было нетрудно. Ты первый назвал Джейми шантажистом. Он и был шантажистом, не так ли? Джейми сразу понял, что нашел в тебе послушное орудие своих замыслов. Он попытался заняться вымогательством, но... Мне все стало окончательно ясно, когда Сандра рассказала, как она делает свою прическу. В ночь убийства, когда ты оставался с ней дома, она провела четыре часа, закрывшись в ванной.

Пока я говорил, лицо Поля постепенно менялось. Теперь оно выражало искреннее изумление, смешанное со смущением.

— Надеюсь, ты не думаешь, что я... убил его?

Я все время твердил себе, что если Поль и признается в хищении средств, то в убийстве — никогда. И все же его искреннее удивление явилось для меня неприятной неожиданностью.

— Бедный ты мой тупица!—воскликнул он.— Значит, ты до сих пор так ничего и не понял.

— Чего я не понял?

— Да, верно, Джейми действительно добрался до меня и сообразил, что я растрачиваю средства фонда. Да, верно, он явился ко мне на службу и все выложил. Но его интересовал не я. Кто я такой? Мелкий жулик, пробивающийся мелкими аферами. Ему на это было наплевать. Джейми Лэмба интересовало одно: женитьба на Дэфни.

Я отчаянно боролся с охватившей меня растерянностью.

— Ты хочешь сказать, это был Ч. Д.? Неужели Джейми пытался шантажировать Ч. Д.?

— Нет. У Лэмба хватило ума не связываться с Ч. Д. Да и зачем? Он так приглянулся Ч. Д., что тот был от него без ума. Старик и понятия не имел, что Джейми избил Дэфни и напоил ее. Вы же сами скрыли от него! Нет, не в Ч. Д. Джейми видел главное препятствие. На пути предприимчивого жениха Джейми Лэмба стояли ты и Бетси, особенно Бетси.

Поль залпом выпил остаток вина и поставил бокал на столик. Все это время он не сводил с меня глаз.

— Вначале я думал,— продолжал он,— что ты тоже это знаешь и потому-то ничего не делаешь, чтобы доказать непричастность Анжелики к убийству. Кстати, это меня нисколько не возмущало. Больше того, я был прямо заинтересован в том, чтобы полиция считала убийцей Анжелику. Осудить ее все равно невозможно: нет оснований. Но, занимаясь Анжеликой, следствие уходило в сторону от того, другого, что могло бы привести к разоблачению моих маленьких операций со средствами фонда. Вот чего ты вовремя не понял и не понимал до последней минуты. А я готов был поверить тебе, когда ты сказал, что знаешь, кто убил Джейми...

Мое недоумение и смятение усиливались.

— Между тем я все время это знал. В какой-то мере я даже предполагал, что все так и произойдет. Джейми и не надо было церемониться со мной. Он поймал меня, что называется, за руку и понимал, чем это может для меня кончиться и как можно этим воспользоваться. Джейми без стеснения изложил мне свои планы. Тебя он не опасался, в любой момент он мог заткнуть тебе рот, пригрозив, что расскажет Ч. Д. об Анжелике. А вот Бетси... Ты, конечно, знаешь, что она, исполняя свою роль мамаши Кэллингхем, устроила Дэфни грандиозный скандал и потребовала от нее навсегда забыть о Джейми. Но вот знаешь ли ты другое: перед поездкой в Филадельфию Бетси учинила такой же скандал Джейми. Он вовсе не был глупцом, и уж в чем другом, а в недооценке Бетси его обвинить нельзя. Джейми понимал, что твоя жена — женщина с твердым характером и, пока она против него, о браке с Дэфни не может быть и речи. Теперь он стремился только к одному: разузнать, как и на чем можно «прижать» Бетси. И тут он случайно встретился с Ч. Д., когда тот выходил из моей квартиры. Все остальное Джейми стало известно от Проп (по ее глупости), и он поставил Бетси перед выбором: или она благословит его брак с Дэфни, или газеты аршинными буквами на первых страницах оповестят на весь свет о том, что «замечательный, благородный, образцовый фонд Бетси Кэллингхем по борьбе с лейкемией» на самом деле служит ширмой, прикрывающей преступные махинации мелкого жулика.

Я сидел с неистово колотившимся сердцем, сжимая бокал и уставившись на Поля.

— Лэмб задумал нанести Бетси удар в самое уязвимое место: по ее гипертрофированной гордости, показать, какая она простофиля, если под ее столь чувствительным носом в течение многих лет нагло расхищались деньги фонда. Вот какими планами поделился со мной Джейми. Что я мог ответить? Он пригрозил, что, если я проболтаюсь, мне будет еще хуже, чем Бетси. Ты знаешь, я человек практичный. Волей-неволей пришлось пойти в союзники к Джейми и даже дать ему несколько деловых советов, основанных на моем «огромном преступном опыте». Я сказал ему: план хорош, можете действовать. Но есть способ осуществить его с большим эффектом. Скажите Бетси, что газеты представят ее широкой публике не только как дурочку и простофилю, но и как мою сообщницу. Пригрозите, что расскажете газетчикам, будто она знала о моих махинациях, но молчала, потому что была безумно влюблена в меня и потому, что я много лет был ее любовником. Я-то понимал, как это подействует на миссис Лейкемию. Она ведь считает себя идеальной женой и матерью и вряд ли пойдет на то, чтобы копались в ее чистеньком белье, да еще при всем честном народе. Начнется с того, что ее тут же бросит столь обожаемый ею партнер по этому идеальному браку...

— Ты что, рехнулся?!— закричал я.— Неужели ты думаешь, что я поверил бы в такую чушь?

— Но Бетси подумала бы, что поверишь. На твоем месте она бы обязательно поверила. Девиз Кэллингхемов прост и незыблем: каждый смертный виновен, пока не доказано обратное. Не забывай: Кэллингхемы не люди, хотя и выдают себя за людей. Каждый Кэллингхем наделен лишь одной миллионной процента нормальных человеческих чувств. Бетси обязательно бы подумала, что ты поверишь, а поверив, уйдешь от нее. Брошенная мужем, скомпрометированная... Тут не хочешь, да полезешь на стену.

В первые минуты, по мере того как Поль шаг за шагом раскрывал подробности гнусного заговора и я все больше склонялся к мысли, что все это правда, меня охватил страх. Но уже вскоре его сменил гнев, я понял, куда гнет мой «друг» Поль Фаулер. Дрожа за свою шкуру, он прибегал к отвратительной уловке, чтобы запутать меня, избежать своего разоблачения. Мне хотелось вскочить и наброситься на него с кулаками, но я вовремя вспомнил о Мангвайре и магнитофоне. Надо было продолжать разговор — в этом заключалась единственная надежда. Пусть он изливает грязь, настанет же момент, когда я смогу его уличить! Я с трудом перенесил взгляд Поля, в нем читались и привязанность и сочувствие.

— Знаешь, Малыш, никогда бы не подумал, что нам придется вести такой разговор. Но и ты, признайся, никогда не предполагал, что будешь обвинять меня в убийстве. Могу снова повторить общеизвестную истину, что правда иногда невероятнее самой нелепой выдумки. Мысль о Бетси тебе и в голову не приходила, правда? До сих пор не понимаю почему. Ты не кретин, тебе давно бы следовало раскусить свою крошку. Она своего рода феномен. Бетси помешалась на желании быть самим совершенством и научилась блестяще играть эту роль. Дома она идеальная жена и идеальная мать, а для публики — идеальный ангел милосердия. В глазах всех, кто ее знает, твоя жена — настоящий образец мужественной, готовой к самопожертвованию, лишенной всякой рисовки женщины. Удивительно, как она этого достигает, но твоя Бетси всегда оказывается права, а все остальные всегда в чем-то виноваты, грубияны и вообще недостойные люди. А, впрочем, чего и ждать от отпрыска Ч. Д.! В конечном счете все грязное и мерзкое, окружающее нас, связано с Ч. Д. Многое мог бы рассказать я о твоей Бетси! Попробовал бы ты поработать для нее и понаблюдать за этим ангелом милосердия в присутствии людей, которым она платит жалованье. Вот уж действительно Эксплуататорша! Боже, да если бы в свое время ей поручили руководить строительством одной из пирамид, она бы возвела ее за сутки, усеяв всю пустыню трупами рабов, а потом бы присвоила эту

пирамиду! Пирамида в честь и в память Бетси Кэллингхем!

— Замолчи! — Я вскочил, отшвырнул столик и ринулся на Поля, но он сумел увернуться.

— Биль, бедный мой друг...

Я вновь бросился на него, но он схватил меня за руки.

— Биль! Ты должен выслушать до конца. Вот как все произошло. Джейми дал Бетси три дня срока. Третий и последний день совпал с днем убийства. Бетси вернулась из Филадельфии и...

Дальнейшие события произошли почти одновременно. Я вырвался из рук Поля и ударил его по лицу. Он зашатался и опустился на софу. Из столовой выбежал Макгвайр, и в ту же минуту в холле раздался звонок.

«Бетси!» — мелькнуло у меня. Только о ней я мог думать в тот момент, все остальное не имело никакого значения. Я подбежал к двери и открыл ее. На пороге стоял лейтенант Трэнт.

— Мистер Гардинг... — Неожиданное появление лейтенанта буквально потрясло меня, хотя я и без того почти не владел собой. Лицо Трэнта было мрачным и неподвижным, словно портрет на камне. — Макгвайр у вас?

Не ожидая ответа, он прошел мимо меня в гостиную, и я последовал за ним. Поль и Макгвайр смотрели на нас, совершенно не обращая внимания друг на друга.

— Трэнт, — сказал Макгвайр, — дело сделано. Мы записали на магнитофоне признание мистера Фаулера в растрате и раскрыли убийства.

— Неужели вы поверили в эту чудовищную ложь? — крикнул я, поворачиваясь к Макгвайру.

— Простите, мистер Гардинг, — вмешался Трэнт и взял меня за руку. Он не повышал голоса, а его прикосновение было едва ощутимо, и все же я почувствовал себя так, словно получил резкий приказ выслушать его. — О какой чудовищной лжи идет речь?

— Вздор. Просто какие-то...

— Они говорили о миссис Гардинг, — перебил Макгвайр. — Мистер Фаулер утверждает, что Лэмб угрозами пытался вынудить ее дать согласие на брак с Дэфни Кэллингхем, и она его убила.

— В известной мере это моя вина, — сказал Поль, тщательно избегая встречаться со мной взглядом. — Я ее хорошо знаю и должен был предвидеть, что она не потерпит угроз в свой адрес, потому что представляет точную копию своего папочки. То же высокомерие, та же уверенность в превосходстве Кэллингхемов над всеми остальными. Мне следовало бы заранее предупредить Лэмба, с кем ему придется столкнуться. Я этого не сделал, вот и все.

Несмотря на свое состояние, я почувствовал, как во мне снова зашевелился червь сомнения в Бетси. Трэнт, все еще не выпуская мою руку, повернулся и взглянул на меня.

— Вы знаете, куда направилась ваша жена, когда ушла отсюда?

— Конечно. В канцелярию фонда за бухгалтерскими книгами.

— Вы рассказали ей, что собираетесь вместе с Макгвайром уличить мистера Фаулера в растрате денежных средств фонда?

— Да.

Трэнт сверлил меня взглядом.

— Именно вы все время были уверены в невиновности мисс Робертс. Именно вы все время требовали от меня беспристрастности. Видимо, мне давно надо было последовать вашему совету, но я решился только сегодня утром, после того как вы ушли из главного управления полиции.

Глаза Трэнта, всегда холодные и неподвижные, словно у гипнотизера, теперь смотрели на меня с проблесками той же симпатии и даже участия, что и глаза Поля несколько минут назад.

— Только после этого я решил заняться расследованием версии, которая сразу привлекла бы внимание любого порядочного детектива, будь он на моем месте. Я мог бы ухватиться за ниточку вот здесь, в этой комнате, во время одного разговора, состоявшегося в вашем и моем присутствии. Помните, что сказала Елена Рид: «...Уговори свою жену хоть немного отдохнуть... Вчера вечером, часам к десяти, мы еле добрались до постелей». Вчера вечером, мистер Гардинг, в тот вечер, когда произошло убийство. Я тогда не сообразил, какая важная подробность сама идет мне в руки. Десять часов того вечера, когда произошло убийство... В разгар кампании по сбору средств для фонда ваша супруга возвращается в гостиницу и ложится спать в десять часов!

Трэнт провел кончиком языка по губам.

— Сегодня утром я позвонил в полицию Филадельфии, хотя сделал это скорее ради успокоения совести. Мне хотелось хоть что-нибудь сделать для вас, раз уж вы с таким рвением пытаетесь доказать невиновность мисс Робертс. Сегодня вечером, минут за пять до того, как Макгвайр позвонил мне и сообщил о растрате, я вновь разговаривал по телефону с Филадельфией. Разумеется, до этого у филадельфийской полиции не было никаких оснований связывать имя Кэллингхемов с убийством Лэмба. Мистер Кэллингхем слишком влиятельный человек, чтобы мы осмелились заикнуться о ком-либо из его семьи. До моего звонка полицейским из Филадельфии и в голову не приходило заняться миссис Гардинг. Но теперь они навели в гостинице соответствующие справки и установили, что ваша жена действительно вернулась в свой номер около десяти вечера и запретила ее беспокоить. Но один из служащих гаража видел, как около половины одиннадцатого миссис Гардинг выводила свою машину. Он узнал ее по фотографии, которая в свое время была напечатана в газете. Кроме того, ночная горничная того этажа, где проживала миссис Гардинг, готова под присягой показать, что видела, как миссис Гардинг возвращалась в свой номер приблизительно в четверть шестого утра.

Я судорожно ухватился за спинку стула, а Трэнт медленно, нестерпимо скрипучим голосом, словно читал какой-то официальный рапорт, продолжал:

— Я немедленно сел в машину и поехал сюда. Уже около самого дома я заметил миссис Гардинг. Она вышла из подъезда и подозвала такси. Проследить, куда она направлялась, не представляло труда. Она подъехала к зданию, в котором находится канцелярия фонда. Выждав несколько минут, чтобы дать ей подняться наверх, я вошел вслед за ней.

Трэнт внезапно умолк. В наступившем тягостном молчании я увидел, что он все еще держит меня за руку.

— Мне очень тяжело за вас, мистер Гардинг, — заговорил он после паузы, — и неприятно за самого себя. Я не люблю, когда дела, которые я веду, заканчиваются подобным образом. Но поскольку в данном случае должны были подвергнуться мучительным испытаниям ни в чем не повинные люди...

Трэнт снова умолк, и я заставил себя посмотреть на него.

— Уж не хотите ли вы сказать, что... — заговорил было Поль.

— Видимо, она предчувствовала, что мистер Фаулер будет молчать лишь до тех пор, пока опасность не начнет угрожать ему самому. Она понимала, что как только его заставят признаться в растрате, он расскажет все остальное. У нее не было иного выхода... Я вошел в канцелярию фонда и сразу заметил раскрытое настежь окно. Миссис Гардинг выбросилась на мостовую. Мне так неприятно...

— Но именно так она и должна была поступить, — донесся до меня елейный голос Поля. — Теперь дело можно замять. Типичная представительница племени Кэллингхемов...

Больше я ничего не слышал. Я стоял, ухватившись за стул, и думал: «Этому невозможно поверить!» Однако, несмотря на потрясение, ужас и замешательство, я, к своему удивлению, обнаружил, что уже верю. «Удивительно, как она этого достигает, но твоя Бетси всегда оказывается права, а все остальные всегда в чем-то виноваты, грубияны и вообще недостойные люди». Вот так идеальная жена! До самого последнего момента, совсем недавно, она помогала мне, звонила миссис Мэллет, держалась как ни в чем не бывало, хотя уже прекрасно знала, что для нее все кончено. Именно тогда она произнесла слова, оказавшиеся ее эпитафией: «Мне всегда хотелось быть достойной своего отца. Теперь никак не скажешь, что это возвышенная цель...»

С особенной ясностью я понял, что вовсе не Бетси, а я сам обманывал себя. Разве я не признался себе в этом накануне вечером, во время мучительных размышлений, говоря: «Да, я ее обожаю. Да, я нуждался в ней, потому что она обеспечивала мне приятную жизнь, а предав ее, испытывал стыд и раскаяние и понимал, что недостоин ее. Но могу ли я сказать, что отдавал ей свою любовь? Нет, в действительности я никогда не любил ее, только думал, что люблю...» Не только «идеальная жена» была притворщицей в нашем «идеальном» браке.

Между тем Трэнт все так же неловко, словно извиняясь, продолжал:

— У нас нет теперь оснований задерживать мисс Робертс, ее немедленно освободят. Этим она всецело обязана вам, мистер Гардинг. Если бы не вы...

Я представил себе, что должна была переживать Бетси все это время, как она волновалась и страдала, какой испытывала страх, пытаясь в то же время как можно естественнее играть раз и навсегда взятую роль. Однако, рисуя эту картину, я уже не чувствовал прежнего волнения. Казалось, отныне и навсегда я буду жить под бременем этого страшного горя, но, к ужасу своему, испытывал только нечто вроде сожаления. Так сожалеют о далеком и чужом человеке, хотя этим человеком была моя жена, безропотная рабыня Ч. Д., гнусно развращенная им и оказавшаяся способной на убийство в тот момент, когда все должны были узнать, что она не та, за кого выдавала себя всю жизнь.

Я тут же подумал об Анжелике. Вот уж кто никогда не беспокоился о том, как будет она выглядеть в глазах публики! С теплым чувством я вспомнил, как она с сияющим лицом, протянув руки, бросилась ко мне.

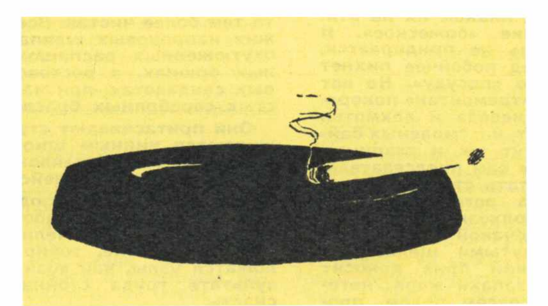
«Все же не зря я тебя полюбила... Ты пошел одной неправильной дорогой, а я другой. Однако сейчас, когда мы оба увидели свои ошибки...»

«Надеюсь, ты не думаешь, что я поступаю так из любви к тебе?»

Именно так я и сказал. Именно так я и думал, ошибочно считая, что любить от чистого сердца и любить по обязанности — одно и то же.

Но искренне ли я говорил тогда?

Перевел с английского Ан. Горский.

ВОЗМОЖНОСТИ ЖАНРА

Этот водевиль нельзя увидеть на театральных подмостках. Он вообще не предназначен для сцены, а увидел свет в виде довольно объемистой книги, вышедшей в издательстве «Московский рабочий». И все же вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что роман-водевиль писателя Бориса Привалова не соответствует законам жанра. И название у него водевильное — «Садовое кольцо, или тысяча одна неприятность». И написан он легко и весело. А уж водевильных ситуаций в книге с лихвой хватило бы на несколько водевилей.

Борис Привалов написал очень веселую книгу. Многие ее страницы способны вызвать улыбку и даже смех у самого искушенного читателя. Но, читая книгу, еще раз убеждаешься в справедливости утверждения, что смех — дело серьезное. Для писателя забавные сюжетные хитросплетения, комедийные ситуации — всего лишь средства для нанесения метких сатирических выстрелов по стяжателям и тунеядцам, по жуликам разных мастей, приспособленцам, нечистоплотным людишкам, желающим жить за счет общества.

Когда-то А. И. Герцен писал: «Смех — одно из самых сильных орудий против всего, что отжило и еще держится бог знает на чем, важной развалиной, мешая расти свежей жизни и пугая слабых». Борис Привалов применяет это орудие, и книга его получает сатирическую заостренность.

Вряд ли есть смысл пересказывать ее содержание, ибо при любом пересказе неизбежны невосполнимые потери того, что мы называем авторским почерком, авторской самобытностью. Лучше посоветовать тем, кто любит юмор и сатиру, прочитать эту веселую книгу, которая, безусловно, доставит читателям немало приятных минут.

Анатолий БЕЛОВ

Борис Привалов. Садовое кольцо, или тысяча одна неприятность. Издательство «Московский рабочий». 1968 год.

Ю. Н. ДОБРЯКОВ

Скоропостижно скончался Юрий Николаевич Добряков — талантливый журналист, писатель, один из постоянных авторов журнала «Огонек».

Питомец «Комсомольской правды», он прошел большую журналистскую школу в боевой газете советского комсомола. Его рассказы и очерки, публиковавшиеся в журнале «Огонек» и в других изданиях, такие, как «Игра в городки», «Красавинская кадриль», «Кружева», обратили внимание читателей своей свежестью, любовью к родной земле, к хорошим, добрым людям.

Сам по рождению вологжанин, он любил ездить в Вологодский край, где черпал темы для своих рассказов и очерков.

Это был скромный, приветливый, радушный товарищ. Общение с ним оставляло теплый след в душе.

Необъятен и беспредельно разнообразен мир книг, журналов, газет и других видов печатных изданий, в которых, как в огромном зеркале, отражается вся жизнь. В печатном слове, в иллюстрации, географической карте, схеме, чертеже запечатлевается, графически закрепляется память человеческая, объединяя нерасторжимыми узами прошлое с настоящим и настоящее с будущим...

Когда на протяжении многих лет приходится обращаться ко всякого рода книгам и журналам, нередко просматривая целые комплекты периодических изданий, том за томом собрания сочинений и книжных серий, то всегда — и совершенно невольно — находишь немало интересных сведений, которые нигде раньше не встречались и которые — когда сами по себе, а чаще в сопоставлении с другими — приобретают несомненный интерес. Это может быть ускользнувшая от внимания биографов великого поэта деталь, связанная с эпохой, в которую он жил и творил; бытовая подробность, позволяющая уточнить событие, отразившееся в литературе; указание на адрес лица из окружения какого-либо известного писателя, ученого, художника, общественного деятеля — нередко за такими указаниями происходят самые неожиданные находки...

Начиная новую рубрику «Из книжных разысканий», мы будем рассказывать читателям «Огонька» эпизоды, связанные с историей русской книжной культуры. Это будут небольшие заметки, в которых трудно выдержать хронологический принцип, а может быть, и единство жанра, но которые появились как результат тех книжных и архивных разысканий, которые я веду уже больше двадцати лет.

Вл. БЕЗЪЯЗЫЧНЫЙ

«ЗЕФИРОТ» — «СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК» XIX СТОЛЕТИЯ

В № 73 петербургской газеты «Северная пчела» за 1861 год появилась статья под названием «Зефироты». Со ссылкой на источник — газету под названием «Cniapas Advertiser», которая издается в Шиапе («между Мексиканским заливом и Великим океаном»),— в этой статье сообщалась сенсационная новость о том, что недалеко от границ Юкатана были обнаружены неведомые существа, подобные людям, но умевшие летать при помощи крыльев. Стаи этих таинственных существ питались цветами; перелетая со скалы на скалу, издавали звуки, похожие на пение, и, кроме того, обладали магической силой — поражать на расстоянии своих противников наподобие действия электричества. Рассказывались подробности из жизни зефиротов (от греческого «зефир» — «легкий ветерок»), о том, как к ним в плен попал один из людей, поведавший о загадочных существах...

Под статьей была подпись: «А. Полоротов»,— а также следующее редакционное примечание следующего содержания: «...Долгом считаем напомнить нашим читателям, что вопрос о возможности новой, более нас совершенной породы разумных животных был уже затронут наукой. До сих пор человек был первостепенным из живых земных существ, теперь приходится ему уступить первое место зефиротам. Кто знает? Быть может, нам придется быть у них чем-нибудь вроде домашних животных».

...Номер газеты рвали из рук,— ее читали во всех столичных ресторанах и трактирах, о зефиротах толковали все и вся. Поговаривали о том, что уже собирается в Америку экспедиция за зефиротом, которого будут показывать сначала в пассаже, а потом и на Адмиралтейской площади.

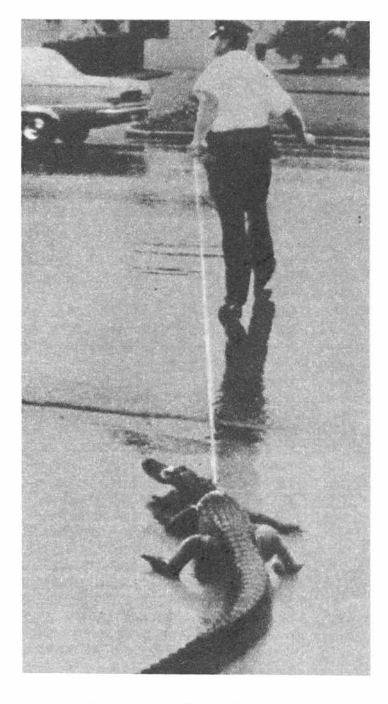
В суете и толках прошла незамеченной небольшая заметка в той же «Северной пчеле», называвшаяся «ОБЪЯСНЕНИЕ».

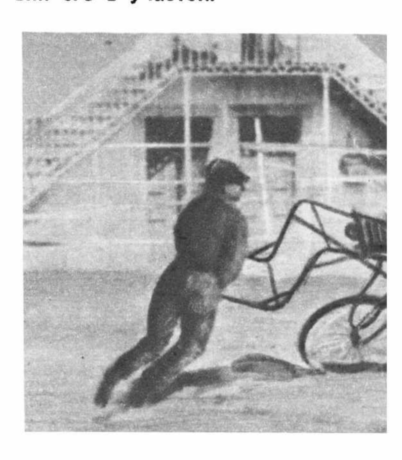
По неосмотрительности наборщика в статье «Зефироты», помещенной в «Северной пчеле» первого апреля (№ 73-й), пропущено несколько слов в самом ее начале. Напечатано: «На днях получена здесь «Cniapas Advertiser». Следует читать: «На днях получена здесь газета «Cniapas Advertiser» за пять лет XXIX столетия, с 2857 по 2861 год».

Другими словами, это была остроумная первоапрельская шутка, придуманная известным литератором и музыковедом Владимиром Федоровичем Одоевским (1803—1869), талантливым писателем-энциклопедистом, среди произведений которого есть утопия под названием «4338-й год».

Вскоре после этой истории в Петербурге отдельным изданием вышла небольшая, в 12 страничек, брошюрка под многозначительным названием «Зефироты и зевороты», в которой были перепечатаны все материалы о таинственных существах, толки о которых кое в чем напоминают не столь давние разговоры о пресловутом «снежном человеке».

Брошюрка быстро разошлась и, как всякое «летучее издание», сохранилась в небольшом количестве: два экземпляра ее имеются, например, в фондах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Несколько лет назад хорошо сохранившийся экземпляр этой любопытной брошюры попался мне в одном из букинистических магазинов.

АРЕСТОВАННЫЙ КРОКОДИЛ

В одном из домов города Сент-Питерсберга (штат Флорида) неожиданно появился крокодил. Перепуганные жильцы обратились к властям. Прибывший полицейский «арестовал» непрошеного гостя и на веревке доставил его в участок.

Мих. ЗАБОРСКИЙ

ИЗ РЫБАЦКОГО БЛОКНОТА

НЕДОСТОВЕРНЫЙ ТИПАЖ

На побережье Азовского моря встречаешь немало художников. Впрочем, чистых маринистов среди них почти нет. Для большинства море — это нечто вроде декорации, на фоне которой изображается производственная тематика: сейнеры, фелюги, невода, из которых атлетического сложения рыбаки со вздыбившимися на груди фартуками выбирают фантастических осетров. Продукцию эту охотно разбирают и клубы, и вокзалы, и кинотеатры. Причем не только близлежащие, но и дальние.

Однако найти оригинальный сюжет — штука, должно быть, нелегкая. Художники стайками рыщут по побережью, забредают в рыбачьи поселки, заглядывают в обширные колхозные дворы, слоняются у пирсов, выклянчивая у подчаливающих рыбаков подсулков и молодых севрюжат, иногда выезжают с рыбаками в море осматривать невода. И все же оригинальных тем маловато, сюжеты заезженные и перепевают друг друга.

Есть здесь, в Пересыпи, бригада стариков. Копаются они около самого поселка, далеко в море не ходят. Большим планом их не отягощают, задание «божеское». И рыбнадзор очень не придирается, ежели какой дед побойчее пихнет в море лишнюю «посуду». Но вот когда буйный «тремонтан» покорежит рыбацкие невода и лохмотья от них привезут на смоленых байдах к пирсу, тут уж к старикам идет с поклоном сам председатель. Надо срочно латать ставники...

Тогда бригада ветеранов собирается в углу колхозного двора на небольшой песчаной площадке, между опрокинутыми щелястыми баркасами. Легкий бриз доносит сюда шумы и запахи моря, которое плещется совсем рядом, просвечивая через жидкую дощатую ограду.

Являются деды в таких случаях, я бы сказал, несколько торжественно. И разодеты, словно женихи. Впрочем, чтобы вы знали, нигде не увидишь таких форсистых стариков, как на Кубани. И работа тем более чистая. Все они в свежих капроновых шляпах, в белых отутюженных распашонках, светлых брюках, в ростовских бежевых сандалетах, при часах на толстых серебряных браслетах.

Они притаскивают стулья, рассаживаются чинным широким полукругом и, слегка наклонив головы, начинают священнодействовать.

Я часто захожу сюда полюбоваться на ловкую работу, посмотреть, как ныряют челноки в кружевном полотне, точно и крепко ложатся узлы, как возникает в результате труда стойкая морская снасть.

По дороге я натыкаюсь на высокого долговязого художника в выгоревшей клетчатой ковбойке и криво подтянутых холщовых штанах. У него лохматая сивая шевелюра, потухший окурок сигареты в углу презрительно сжатых губ и желтые голодные глаза. Он не раз жаловался, что, получив какой-то срочный выгодный заказ, никак не подберет подходящей тематики.

— Слушайте,— говорю я.— Какого вам еще корабля с мачтами? Вы только поглядите — бригада ветеранов у самого синего моря. Это же находка! Садитесь скорее и творите!

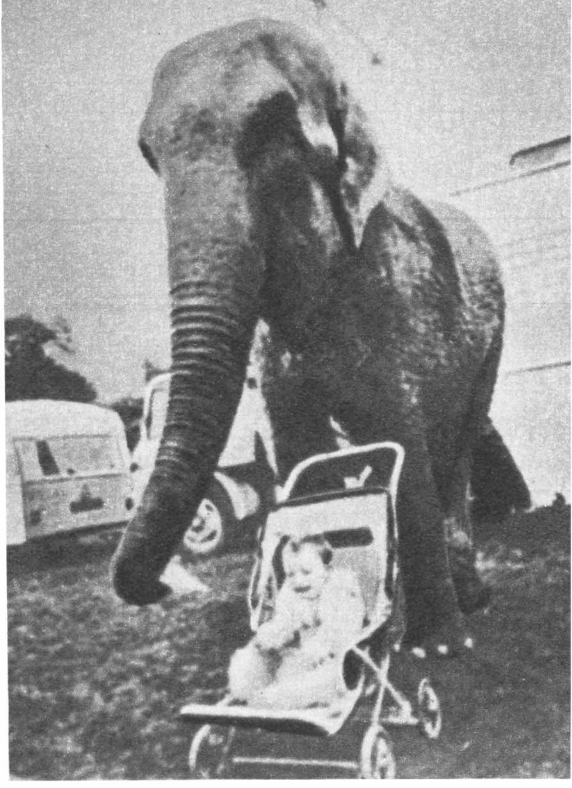
Глаза его голоднеют еще больше, и он отвечает с видом, обличающим мое полное невежество:

— Они? Чтоб я так жил!.. Кто же, милейший, купит у меня такую картину? Разве это колхозники?.. Это же чистой воды банкиры! Они фунты считают. Или режутся в какую-нибудь там собачью рулетку! Я уже и так к председателю бегал, просил воздействовать, чтобы оделись по-человечески. Куда там, и говорить не хотят, капиталисты проклятые!.. Чтоб я так жил!..

Он безнадежно машет рукой и волочит длинные свои ноги в сторону поселка.

ЯЗЫЧНИКИ

Мы вышли из деревни незадолго до восхода солнца. Ноги наши, обутые в резиновые сапоги, про-

СЛОН-НЯНЬКА

Эта сцена запечатлена в Англии. В то время, как родители десятимесячного Поля выступают на арене цирка, малыша нянчит слониха Бирма. Она пристально следит за ребенком. Стоит Полю заплакать, как слониха тут же подает ему бутылку с молоком и начинает катать коляску.

— Это для тех, кто обещал на руках носить, да не сдюжил...

Рисунок Б. Боссарта.

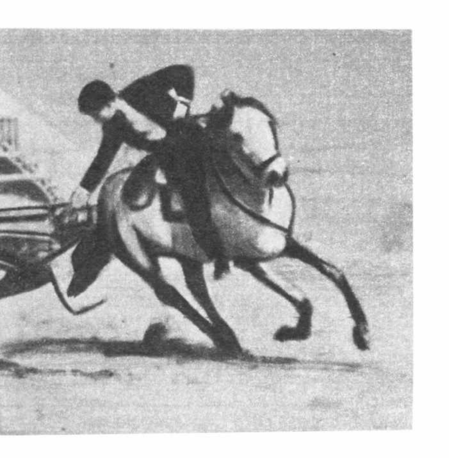
ПАВЛИНИЙ ХВОСТ

Так называется прическа, выполненная одним парикмахером из английского города Бродфорда.

— Жене дал слово, что рука моя больше не дотронется до рюмки...

Рисунок В. Тамаева.

ТЕЛЕЖКА С РОГАМИ

Вот таким образом тренируются португальские укротители быков.

СНЕЖНЫЕ СКУЛЬПТУРЫ

Когда зимой на японском острове Хоккайдо выпадает много снега, там приступают к сооружению целой галереи огромных снежных скульптур. Такая выставка под открытым небом привлекает на остров много туристов.

ламывали тонкий ледок, то и дело погружаясь в глубокие колеи, полные весенней воды. За околицей кончилась и эта дорога, а слабая корочка наста вовсе не держала. Идти стало еще трудней.

В километре от деревушки, среди невысоких песчаных дюн и сосновых перелесков, протекала Волга. К ней шел наш путь. На южных склонах холмов снег уже стаял, виднелась прошлогодняя, бурая трава, желтые проплешины песков, камни.

Была первая декада апреля, последние дни ледостава, самая волнующая рыбацкая пора.

Наконец мы наткнулись на узенький «черепок» — остатки дорожки, натоптанной нашими многочисленными предшественниками, спустились в лощинку, вылезли на очередной бугор и оцепенели от изумления и восторга.

Перед нами стояла елочка. Она росла совершенно одиноко на небольшой песчаной площадке. Была елочка на диво пропорциональна, ни мала, ни велика, от роду было ей, наверно, семь-восемь лет. На плотных, расширявшихся книзу ветвях пологими ступеньками лежал на ней обледенелый, не дотаявший еще снег, покрывавший деревцо словно бы тончайшим слоем целлофана. А на кончиках веток стояли крохотные, такие же обледенелые свечки.

И вся она искрилась и розовела под лучами восходящего солнца, словно напоена была его животворной силой, такая радостная, такая праздничная, такая одухотворенная, что нельзя, невозможно было оторвать от нее глаз!

Конечно, феерическое это зрелище было не что иное, как редкое сочетание ряда обстоятельств: удачного ракурса, в котором возникло для нас видение, тех коротких минут, когда солнце облило светом все деревцо от корней до вершинки, температуры воздуха, сохранявшей еще на какое-то время тончайший ледяной панцирь, да, пожалуй, и нашего приподнятого настроения, неизменно сопровождающего рыбаков утром в предчувствии удачи.

Все это и создало шедевр, оставивший на долгие годы след в нашей восхищенной памяти.

Но, готов поклясться, в тот момент оба мы перевоплотились в наших далеких пращуров, язычников, обожествлявших и поклонявшихся красотам природы. Мы могли поверить, что в ночь под Ивана Купала действительно расцветает папоротник и существует где-то щедрый краснолицый бог Ярило!

ПЕТУХИ

Всего-то ночь езды, и мы на подледной рыбалке в сельской тишине, километров за четыреста от сутолоки столицы.

Деревня, избранная нами для ночлега, укрылась в сосновом перелеске, неподалеку от небольшой речушки, впадающей в Мологу. Впрочем, теперь уже не в Мологу, а в Рыбинское море, похожее в эти апрельские дни на бескрайнюю синевато-серую пустыню.

Деревенька эта примечательна тем, что если выйдешь еще затемно из избы глотнуть острого весеннего воздуха, то можно услыхать, как перекликаются между собою петухи трех областей. В подклети надрывается свой, тверяк, значит, калининский. Чуть глуше кричит из соседнего села, через речку, ярославский. А когда потянет знойкий восточный ветерок, можно разобрать и дальнее «...ре-ку!». Это уже с той стороны залива, с Вологодчины...

Каждый петух на свой лад настроение выражает. Со своего голоса. И по этой причине не требуется им никакого Комитета по охране авторских прав...

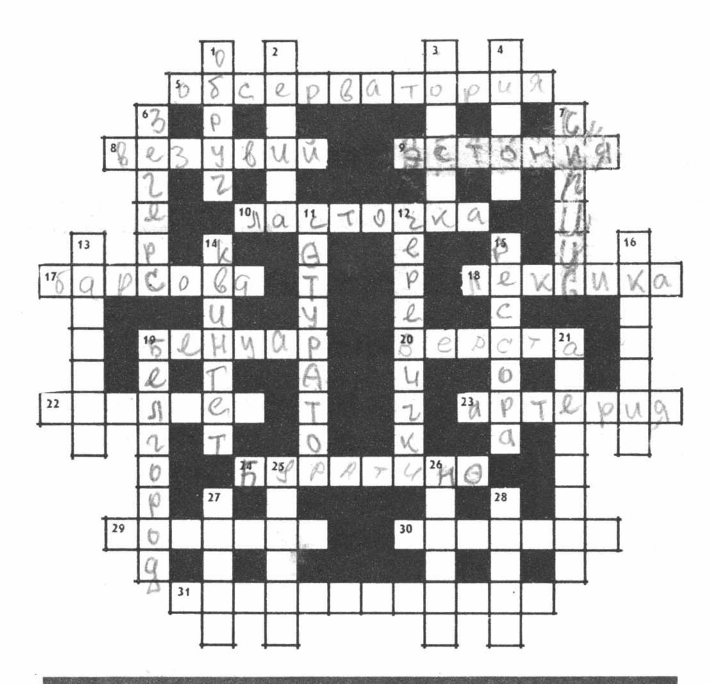
НОСТАЛЬГИЯ

В Прохоровке к котам относятся все же гуманно. Если хозяин установил, что кот его блудлив необратимо и воспитанию не поддается, он не возьмет греха на душу выпалить в «злодия» из ружья. Нет! Он сделает другое — свезет на челне и высадит преступника на остров, делящий Днепр на два широких и глубоких протока.

Остров не мал. Есть на нем озера, рощи, хороший покос, пастбища... Только жилья человечьего там нет. Это означает, что теперь изгнанники целиком предоставлены самим себе и должны забыть о прежней красивой жизни. С голоду они, конечно, не пропадут, тем более лето: птички, мыши. Я наблюдал и такого, который, плотоядно урча, тащил в зубах молодого ужонка.

Живут здесь коты до начала зимы, пока рукав не схватит льдом.

Котов очень одолевает тоска. Происходит это чаще всего на закате погожего летнего дня, времени суток, как известно, наиболее располагающего к элегическим раздумьям. И тогда они собираются на южном высоком берегу острова, откуда отлично просматриваются белые хатки с кое-где курящимися дымками, вишневые садики, их окружающие, меланхолические палевые коровы, бредущие к стойлам, вся неторопливая, уютная жизнь украинского села, откуда их так бессердечно вытряхнули. Коты впиваются в отчие дома горящими взорами и начинают громко и разноголосо жаловаться на судьбу, чем приводят в неистовство притулившихся неподалеку рыболовов... Ах, какая сметана была у Одарки! А разве можно забыть кабаньи шкварки у Грицько! А вареники у Евдохи! А мягкий тюфячок в горнице! А блюдечко с отбитым краешком, куда так аккуратно после дойки наливали молоко!.. Щемят, щемят котячьи сердца!.. Может быть, и в самом деле не стоило уж так беззастенчиво воровать?!.. Ах, ах! Мяу, мяу!..

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Астрономическое научное учреждение. 8. Вулкан в Европе. 9. Союзная республика. 10. Быстролетающая птица. 17. Советская певица. 18. Словарный состав языка или диалекта. 19. Театральные ложи. 20. Старая мера длины. 22. Русский филолог XIX века. 23. Кровеносный сосуд. 24. Персонаж сказки А. Н. Толстого «Золотой ключик». 29. Порт в ОАР. 30. Действующее лицо драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 31. Фольклорный жанр.

По вертикали:

1. Принадлежность для занятий художественной гимнастикой. 2. Сетчатка глаза. 3. Хищное млекопитающее рода лисиц. 4. Приток Ангары. 6. Немецкая писательница, автор романа «Седьмой крест». 7. Самая яркая звезда на небе. 11. Аппарат для насыщения углекислым газом жидкости. 12. Опера П. И. Чайковского. 13. Город, расположенный на берегу реки Оби. 14. Ансамбль из пяти исполнителей. 15. Амортизатор автомобиля. 16. Химический элемент. 19. Областной центр в РСФСР. 21. Автор балета «Ночь в Египте». 25. Пустынное плато между Аральским и Каспийским морями. 26. Русский механик и машиностроитель. 27. Промысловая рыба. 28. Пушной зверек.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

3. Серов. 6. «Современник». 8. Филин. 10. Акоста. 11. Резеда. 13. Сазан. 15. Атолл. 16. «Обрыв». 17. Седов. 19. Кулон. 21. Адыча. 24. Сливки. 25. Стрела. 26. Смерч. 27. Транспортир. 28. «Певцы».

По вертикали:

1. «Метелица». 2. Фонетика. 4. Полотно. 5. Диаметр. 7. Можайский. 9. Сервантес. 10. Амнерис. 12. Америка. 13. Слива. 14. Носка. 18. Декабрь. 20. Лютеций. 22. Демосфен. 23. Черновцы.

На первой странице обложки: Федоскино. Последний снег. Справа — работы выпускников Федоскинской школы: «Настенька» Н. Царевой и «Царевна Лебедь» Н. Бабашко.
На последней странице обложки: Весна идет... (См. в номере репортаж «Юные творцы».)

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00354. Сдано в набор 11/III-69 г. Подписано к печ. 25/III-69 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 408. Заказ № 759.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Юные творцы

Елена ШЕВЦОВА

Синь и звон стоит над древним русским селом Федоскино, раскинувшимся по высоким берегам Учи, к которой, рассыпая направо и налево смех, лихо мчатся санки. Мчат со стороны фабрики, где умелые руки мастеров лаковой живописи делают знаменитые федоскинские шкатулки. И эта чарующая, полнозвучная краса Подмосковья, эти березы, прекрасные в любую пору года, эти тройки и цветущие снега сверкают на шкатулках, созданных вдохновенными художниками Михаилом Чижовым, Виктором Липицким, Михаилом Пашининым, Иваном Страховым, их учителями и их учениками.

А рядом с фабрикой разместилась основанная в 1931 году художественная школа, готовящая мастеров редкой профессии. В школе три отделения: федоскинское, ростовское и жостовское. Федоскинцы после окончания школы остаются работать здесь, на фабрике. Ростовское отделение готовит мастеров художественной миниатюры на эмали. Есть в Ростове Великом фабрика, производящая металлические изделия, покрытые расписной эмалью: сережки, пудреницы, запонки, подстаканники и пр. Жостовская фабрика делает металлические подносы, красочно расписанные питомцами Федоскинской школы.

В прошлом году школу окончили сорок человек — большой отряд молодых художников, полных творческих замыслов, горения и энергии. Их дипломные работы, с которыми я познакомилась в школе, радуют прежде всего высоким профессиональным мастерством, творческой зрелостью, с которой двадцатилетние юноши и девушки вступили в большую самостоятельную жизнь.

Дипломы федоскинского отделения привлекают не только техникой живописи, но прежде всего разнообразием тематики. С черных лаковых крышек шкатулок в миниатюре встают широкоизвестные картины русских художников Брюллова, Федотова, Шишкина, Васнецова, а также копии с оригиналов известных федоскинских мастеров — «Жар-птицы» В. Антонова (диплом В. Грачевой), «Березки» В. Липицкого (диплом Т. Жигаловой). И как отрадно, что многие выпускники федоскинского отделения в качестве дипломов представили собственные оригинальные композиции. Это прежде всего работы А. Грачева «Героический комсомол» и «Великий Новгород», Н. Царевой «Настенька», Л. Давыдовой «За околицей», В. Артеменко «33 богатыря», Н. Бабашко «Царевна Лебедь». Если в композициях юношей Грачева и Артеменко в полную силу звучит героико-патриотическая тема, то от работ Царевой и Давыдовой веет задушевным лиризмом, нежностью, чарующим напевом родной земли. Но и те и другие, решенные в лучших национальных традициях русского реалистического искусства, вызывают в душе образ нашей милой Родины.

Особенно интересна работа Н. Бабашко. К теме сказочной царевны Лебедь обращались крупные русские художники. По-своему решает этот сюжет молодой федоскинский художник. Его композиция — идеал красоты человеческой, нравственной чистоты и благородства. В ней национальный, чисто русский элемент выступает на первый план в ореоле именно земной, а не аллегорической красоты.

— Воздух наш вреден для формалистического штукарства,— говорит директор школы Михаил Андреевич Боков и, улыбаясь, добавляет пушкинской строкой: — «Тут русский дух, тут Русью пахнет».

В классе ростовского отделения нельзя не радоваться изделиям золотых рук юных умельцев. Радуют не сережки и пудреницы, которые можно купить в магазинах подарков. Восхищает то, чего еще, к сожалению, нет на прилавках магазинов. Это миниатюрная живопись по эмали — собственные оригинальные композиции, картины и портреты, копии с произведений выдающихся мастеров кисти: «Грачи прилетели», «Золотая осень». Вмонтированные в ореховое дерево, они очень изящны. Огнеупорные краски на эмали становятся прозрачно-нежными, легкими, почти акварельными. Конечно, они не залежались бы на прилавках магазинов подарков. И хочется сказать спасибо питомцам Федоскинской школы, успешно возрождающим старинное искусство эмалевой миниатюры.

Несомненно прав Михаил Андреевич, предлагающий создать при школе нечто вроде экспериментальной мастерской, в которой бы оставались работать на определенный срок особо проявившие себя в творчестве выпускники. Мастерская стала бы промежуточным звеном между школой и фабрикой. А пока что приходится тешить себя надеждой, что руководители ростовской фабрики используют для массового производства лучшие дипломные работы молодых художников.

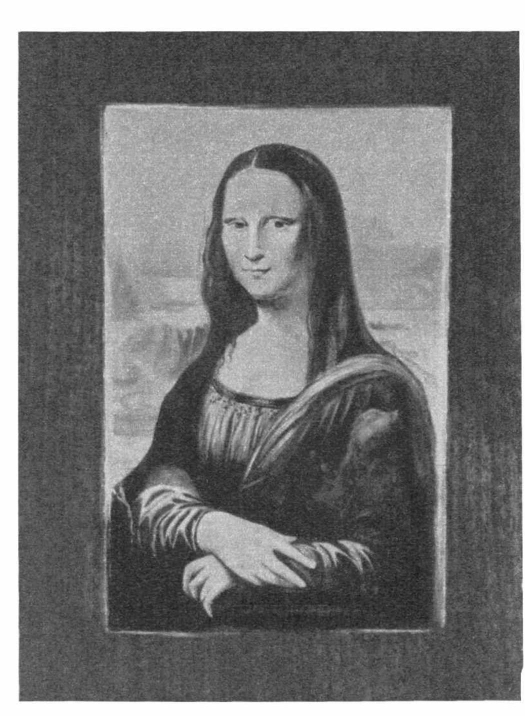
Ищут новое и учащиеся жостовского отделения. Повторение на черных подносах схожих по колориту и рисунку орнаментов уже не устраивает молодых художников. Отсюда появление росписей с изображением животных, пейзажа.

Все это хорошо. Но есть много вопросов, требующих безотлагательного решения. В школу поступает молодежь с восьмилетним образованием, имеющая наклонность к изобразительному искусству. За четыре года учения юноши и девушки получают профессию художника и не получают... среднего образования. Как говорится, невероятно, но факт. Руководители школы утверждают, что если ввести в программу общеобразовательные предметы, то придется прибавить еще один год обучения, иначе нельзя рассчитывать на высокую профессиональную подготовку учащихся.

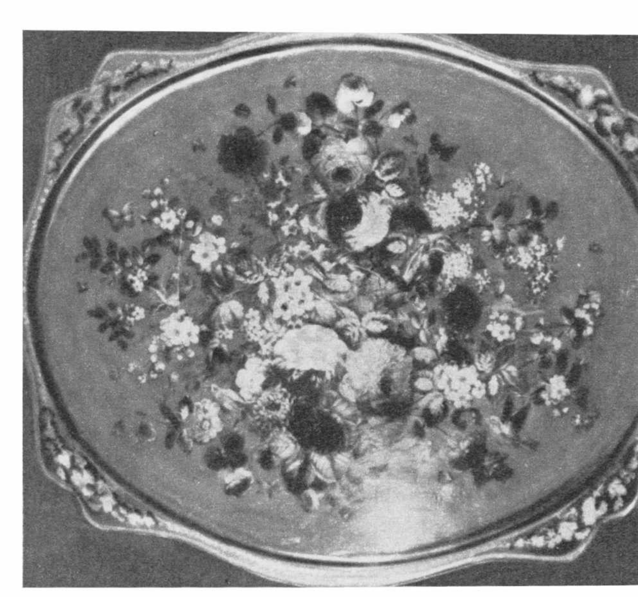

РАБОТЫ ВЫПУСКНИКОВ ФЕДОСКИНСКОЙ ШКОЛЫ МИНИАТЮРНОЙ ЖИВОПИСИ.

«Великий Новгород» А. Грачева.

Копия картины Леонардо да Винчи «Джоконда», выполненная Т. Геращенко (Ростовское отделение школы).

Поднос «Букет» Л. Потаихиной и М. Шлюшкиной (Жостовское отделение).

Портрет Лермонтова работы А. Солодухина (Ростовское отделение).

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.